

Горобенко Людмила

Все в имени твоем

Романтическое детективное фэнтези

Что случится, если встретятся легендарный сыщик, два самых могущественных лорда Империи и скромная воспитанница монастыря? А ... все понятно скажет читатель. Опять несчастная сиротка, запретная или безответная любовь. Знаем — читали. Возможно, вы правы, но подчеркнем: только «возможно»! Ведь любовь любовью, но тайна смерти, рождения и жизни Илламэль Ивитт уже несколько веков тревожит лучшие умы и горячие сердца Империи.

Что случится, если встретятся легендарный сыщик, два самых могущественных лорда Империи и скромная воспитанница монастыря? А ... все понятно скажет читатель. Опять несчастная сиротка, запретная или безответная любовь. Знаем — читали. Возможно, вы правы, но подчеркнем: только «возможно»! Ведь любовь любовью, но тайна смерти, рождения и жизни Илламэль Ивитт уже несколько веков тревожит лучшие умы и горячие сердца Империи.

Помни: все в имени твоём.

Глава 1

Мать Анесса, приорина монастыря ордена Спасения, худосочная высокая старуха с черными, как смоль волосами и страшными пронзительными глазами навывкате грозно взирала на стоявшую перед ней девушку. Лицо настоятельницы, напрочь лишённое каких-либо жизненных красок, не выражает никаких эмоций. В цепких пальцах длинная гибкая указка ... не раз исполнявшая хлесткую пляску на спинах воспитанниц.

«Ворона на последней стадии истощения», — втихомолку посмеивались над ней питомицы. Но и боялись пуще огня — старуха была черной ведьмой. С такими не шутят.

— Илламэль Ивитт, — сухой и равнодушный голос монахини, как порыв стылого ветра с бескрайних просторов пустыни. Царапает не хуже колючих песчинок, — вам исполнилось восемнадцать.

«Вот новость! — фыркнула про себя Илла, в то время как ее поза выражала смиренное почтение. — Представь, я уже несколько дней об этом знаю!»

— Посему вам надлежит покинуть стены сей обители не позднее завтрашнего утра, — продолжила царапать мать Анесса.

— Как?! ... Как с утра? — не поняла Илла. — А куда ж я пойду?

Илламэль подняла на наставницу большие светло-карие глаза, в которых застыли страх и немая мольба.

Но ведьма неумолима. Хотя ее лицо по-прежнему холодно и бесстрастно, втайне она упивается страхом и беспомощностью юной питомицы, что рвала завистливое сердце старухи красотой и невинностью.

— Вы прекрасно осведомлены, что по достижении восемнадцати лет воспитанницы уходят из монастырей ордена. Ваша дальнейшая жизнь нас не интересует.

— Но матушка, — Илла попыталась что-то сказать, и тут же осеклась под ледяным взглядом, опустила полные непролитых слез глаза, чтобы скрыть отчаяние.

— Можете идти. Сестры помогут вам собраться.

Илла вышла из кабинета и медленно поплелась по гулким, продуваемым всеми ветрами

коридорам древнего замка, что затерялся среди бескрайних лесов Империи.

До сего дня Илла еще надеялась ... думала, ей разрешат пройти ритуал посвящения. Ведь она так старалась. Стиснув зубы и смирив гордость. Была послушна и кротка. Понимала, что за порогом обители ее никто не ждет. Здесь был ее дом. Пусть суровый, порой жестокий, но привычный и понятный. Илла всеми силами стремилась доказать свою полезность. Научилась молчать, когда хотелось кричать от несправедливости. Безропотно сносить грубость и насмешки богатых девиц, которые проходили здесь обучение, прежде чем выйти в свет и найти жениха. Со временем она стала хорошо разбираться в духах, составляла сложные мази на основе лесных трав. Умела, как никто другой, уложить волосы или приготовить ванную.

Она рассчитывала стать послушницей, остаться в монастыре и работать камеристкой или даже простой прислугой у благородных леди ...

И настоятельница молчала ... целую неделю. Это внушало уверенность ...

Что же теперь с ней будет?

Слезы, не сдерживаемые чужим присутствием, потекли по щекам. Девушка нашла укромную нишу и разрыдалась от горя и отчаяния.

— Илламэль, ну где же ты ходишь? — голос кастелянши прогремел над головой так неожиданно, что Илла едва не подпрыгнула от страха. — Я уже собрала для тебя сумку. Иди, забирай.

Дородная сестра Бирта с лицом простодушной деревенской бабы схватила Иллу за руку и потащила вниз по крутой каменной лестнице.

— Ты чего, дуреха, слезы-то льешь? — кастелянша резко остановилась. Илла с разбегу ткнулась лицом в ее жирную спину. — Радуйся, что приорине сегодня не до тебя. Отпустила — и хорошо. А то с нее станется. Отсюда еще ни одна просто так не уходила. Считаю, тебе сказочно повезло.

Илла ошеломленно смотрела на сестру Бирту. А та насмешливо покачала головой:

— Эх, простота. Сирота — одно слово. Сколь вас, горемычных, тут перебивало. Да не всем везло как тебе.

Илла не понимала, какое ж это везение, если тебя из дому гонят.

— Думаешь, чего она так долго тянула с твоим отчислением? — кастелянша наклонилась к девушке и перешла на шепот. — Да нужна ты ей — вот что! Выучкам-то богатеньким так ладно угодить окромя тебя никто не может. Она и не хотела отпускать. Да тут как назло начальство появилось — а ты ни воспитанница, ни послушница. Для первого пострига-то время нать. А ведьма все тянула, ждала, когда сама на поклон придешь. Тогда бы эта ворона своего не упустила. Такие бы условия выставила — все твои денежки себе заграбастала. А хорошим камеристкам и платят хорошо. Чуешь к чему я? Мой совет: пока она главой ордена занята — беги. Как можно дальше и скорее. Можно прямо сегодня. Вечером в город посыльный поедет. С ним и езжай. Здесь не ночуй.

Но Илла не могла уехать просто так. Было у нее еще одно дело...

Когда спустились в комнату сестры Бирты, та кивнула на лежавший в углу саквояж из плотной темно-коричневой материи.

— Твое. И вот еще ... на, — кастелянша протянула тощий кошелек, — выходное пособие. Только как можно на такие деньги-то в миру устроиться — никому не ведомо. Тут только на проезд и хватит. Ну чего уж ... Иди что ли, горемыка, поцелую на прощание.

Кастелянша вдруг притянула растерявшуюся девушку, прижала к огромной груди и

чмокнула в макушку.

— Береги себя, девочка. Красивая ты, хорошая, но невинна и простодушна, а таким туго приходится. Не доверяй никому, особенно мужикам. Строжись. А то налетят, коршуны, растерзают и сердце, и душу. Чтобы выжить, нужно быть хитрой, злой и сильной.

Сестра шмыгнула носом, еще раз крепко притиснула к себе Иллу, потом грубовато подтолкнула к дверям:

— Ну, ступай, ступай. Некогда мне.

Илла поспешно поднялась к себе в келью, больше похожую на каменный мешок в каком-нибудь подземелье, чем на жилище юной воспитанницы. Схватила несколько личных безделушек, запихнула в сумку, даже не взглянув на вещи уложенные сестрой Биртой.

Она понимала: кастелянша права и настоятельница на нее зла, а потому остаться здесь еще на одну ночь было бы непростительной глупостью. Слишком хорошо знали воспитанницы нрав матери Анессы, чтобы так рисковать. Страшные истории о черной ведьме ходили сердце. Уже не одна юная сиротка бесследно сгинула в темных подземельях замка. А по ночам, особенно перед снежной бурей или летней грозой, слышались за дверями келий чьи-то шаги, стенания и плачь.

Прошло меньше получаса, как Илла мышкой прокралась вдоль каменной ограды и проскользнула в тайный пролом, что прятался от посторонних глаз за развесистыми кустами. Промчалась по едва заметной тропинке подальше в лес и только когда отбежала на приличное расстояние, успокоилась и перешла на шаг. А еще через несколько метров вдруг осела прямо на тропу. Слезы горячим ручьем хлынули из глаз. Горькие сиротские слезы.

Поплакала — стало немного легче. Встала и медленно побрела дальше в лес. Неожиданно какая-то светлая мысль озарила заплаканное личико. Девушка подняла голову к солнцу. Ласковые лучи легкими поцелуями осушили остатки слез. Есть у нее тайна, которая поможет. Не может не помочь.

Илла все дальше уходила в лес, а в поднебесье кружила черная птица.

Маленькое лесное озеро искрилось и переливалось в солнечных лучах, играло яркими бликами. Вдоль берега обрамляли его темно-синие воды густые тенистые кружева, которые набросила листва прибрежных деревьев.

Небольшой каменный домик уютно устроился под сенью огромных грабов. Рядом крохотный огородик и сад в цветах.

Илла еще издали увидела невысокую полноватую фигуру тетушки Ми, которая стояла у калитки и явно кого-то поджидала. Как только девушка вышла на открытое место, тетушка приветливо взмахнула рукой, доброе лицо озарилось улыбкой, а на щеках появились милые ямочки. Илла не видела их с такого расстояния, но точно знала — они там есть. Теплое радостное чувство заполнило сердце, и ответная улыбка расцвела на хорошеньком личике.

С тетушкой Ми она познакомилась не так давно. Как-то собирала в лесу травы, когда выполняла поручение монастырской знахарки, и сама не заметила, как забралась далеко в незнакомую часть леса. Тогда и набрела на этот уютный светлый домик. Тетушка Ми напоила ее чаем с такими вкусными пирогами, каких Илла отродясь не едала. Расспросила откуда она пришла, пригласила заходить почаще. Илла не могла бывать в лесном домике, когда ей хотелось — слишком строго за ними следили. Но иногда, очень редко, когда

настоятельница уезжала, девушке удавалось сбежать на пару часов. Тогда она попадала в сказку, добрую и волшебную. Здесь Илла отдыхала сердцем.

— Ну, слава Светлой Богине, пришла! — радостно воскликнула тетушка Ми, обнимая Иллу. — Я уж думала, уехала, и попрощаться не зашла.

— Как же я могла, — прошептала Илла. — Книгу вот принесла. Не могла уехать и не вернуть.

— Так книгу-то я подарила. Нешто забыла? — лукаво усмехнулась тетушка. — Проходи. Чайник уж, в который раз на огонь ставлю. Все тебя ждала — за стол не садилась.

Тетушка Ми пропустила девушку вперед и украдкой бросила взгляд в небо — там по-прежнему кружил большой черный стервятник. На лицо доброй женщины легла мимолетная тень тревоги, но она тут же согнала ее, чтобы Илла ничего не заметила.

— Тетушка, хотела вас кое о чем попросить, — смущенно пробормотала Илла, когда с чаем да плюшками было покончено, и они уютно устроились в плетеных креслах на веранде.

Ранний вечер протянул длинные тени от благоухающих кустов роз. Деревья застыли над озером, в воздухе разлился покой и безмятежность. Никогда прежде Илла не испытывала такого чудного, такого восхитительного блаженства как в эти минуты.

— Нет, — тихо проговорила тетушка Ми.

— Нет? — растерялась Илла. — Но я еще ничего не сказала.

— И так знаю, о чем попросить хочешь. И мой ответ — нет, — ласково, но твердо ответила тетушка. — Пойми, я бы рада приютить тебя. Нам было бы очень хорошо вдвоем. И все же ... нет. Тебе здесь не место. У тебя другая судьба, девочка. И с моей стороны было бы не правильно и очень эгоистично лишать тебя возможности найти счастье.

— О каком счастье вы говорите, тетушка Ми?! — горячо воскликнула Илла. — В том мире для меня места нет. Там все чужое. Я не готова к другой жизни. Мне страшно и я не хочу уходить.

Илла расплакалась. Все ее надежды снова рушились.

— Подумай сама, что тебя здесь ждет, — тетушка мягко коснулась ее руки. — Долгие годы в лесной глуши. Одинокая старость. Ни любви, ни семьи. Разве ты этого хочешь? У тебя зрячее сердце, дитя мое, оно не подведет. Слушай его и иди своей дорогой. Ты умная и очень сильная, только сама этого еще не знаешь.

Я желаю тебе добра и поэтому не могу позволить, чтобы ты заживо похоронила себя в этой красивой, спокойной, но все же могиле. Иди к людям, Илламэль, там твое место. Но знай, у тебя есть дом, где тебя любят и всегда примут, чтобы с тобой не случилось.

Илла упала на колени и опустила заплаканное лицо в колени доброй женщины. Никогда и никто не говорил ей таких добрых и мудрых слов.

По ночным улицам древнего города бежала женщина. Дрожащими от напряжения руками она едва удерживала драгоценную ношу — девочку-крохотку. Темный плащ скрывал беглянку от случайного взгляда, сливаясь с глубокими тенями каменных стен, глухих подворотен, растущих вдоль тротуаров деревьев и высоких кустов.

Но от погони не уйти и не спрятаться: ищейки императора не знают усталости, их не собьют с пути посторонние запахи, они не отвлекутся и не бросят добычу. Злобные твари все ближе. Уже слышен жуткий царапающий звук их когтей.

Внезапно женщина остановилась и склонила голову над заплаканным младенцем.

Золотые волосы упали словно занавес, и мир ребенка сузился до ее пронзительных голубых глаз, лихорадочного шепота: «Помни: все в имени твоём!»

В следующий миг страшный крик разорвал безмолвие ночи...

... Илла резко открыла глаза и села. Дрожь. Холодный пот. Гулкие удары в груди и хриплое дыхание сквозь сжатые зубы. Кошмар был так реален, что она некоторое время не могла понять, где находится.

Девушка встала с постели и подошла к открытому окну. Лесное озеро мягко светилося в лучах голубых лун. Глубокие тени ночного леса плотной стеной окружили поляну. Звонкая трель цикад и стройный хор лягушек, крохотные фонарики светлячков над клумбами — сказочная картина, на которую никогда не надоест смотреть.

Неужели тетушка Ми права и ей нужно уехать? Но разве это плохо — жить в тишине и покое? Никого не бояться, никому не угождать? Быть самой собой?

Девушка вздохнула и присела на подоконник. Ночной ветерок легонько коснулся щек, ласково растрепал волосы, притронулся к обнаженной шее.

Она не хотела уезжать. Чувствовала — лучшего места ей на всей земле не сыскать.

Глава 2

Повозка, запряженная двумя могучими шейрами, выкатила из ворот и медленно потащилась по лесной дороге. Возница — могучий молчаливый полутроль невозмутимо попыхивал трубкой. Но у его ноги пристроился двуручный меч, а на поясе висел кинжал... немного странно для мирного путешествия. Илла скромно примостилась на краешке козел и с тоской поглядывала по сторонам.

Кони шли не торопясь, фыркая и взмахивая время от времени головами. Их белые гривы, хвосты и фриззы — обросли на ногах — переливались и сияли в лучах утреннего солнца яркими искорками. Черная шерсть туловищ лоснилась и сверкала от каждого движения. Из ноздрей даже при таком ленивом шаге вырывались струйки дыма, а в глазах кипела необузданная ярость. Эти кони — нечета крестьянским трудягам. Позволь, и они вознесут тебя к облакам или промчат по дну океана.

Откуда они появились у ворот тетушкиного дома, Илла так и не смогла понять. Только что их не было и вот кони уже громко фыркают и бьют копытом, а возница сидит, молчалив и бесстрастен, как скала.

Обнимая Иллу на прощание, тетушка Ми прошептала:

— Не держи на меня зла, девонька, приезжай, если почувствуешь, что здесь тебе лучше. Но ты должна хотя бы попробовать — тогда у тебя не будет повода для сомнений или сожалений. Вот возьми — это почтовый портал. Пиши. Не забывай старушку Ми.

Тетушка протянула Илле небольшой блокнот в черном кожаном переплете. Илла уже видела эту весьма дорогую вещь у богатых воспитанниц монастыря. Стоит только написать на листе письмо и адрес, потом закрыть, как адресат тут же получал послание.

Домик, озеро и сад давно скрылись за деревьями. Илла знала, что будет скучать. Она украдкой смахнула невольную слезу и бережно расправила мягкую темно-коричневую ткань дорожного костюма — подарок тетушки. Никогда у нее не было такой дорогой одежды. А к костюму перчаток со шляпкой украшенной тонкой кружевной вуалью, и туфелек на каблучке, и сумочки. Илла все утро смотрела на себя в зеркало и все не могла налюбоваться — так шел ей этот наряд. А тетушка все посмеивалась и радовалась не меньше самой Иллы.

В город приехали только под вечер.

Заагра бурлила, Заагра украшалась, Заагра готовилась к главному празднику года — рождеству верховного Яробога.

Вокруг центрального храма, что стоял на высоком холме, уже установлены нарядные деревца, обвешанные пестрыми лентами, разноцветными фонариками и яркими игрушками. Рядом топорщились бревнами жертвенные кострища.

В эту ночь не уснет ни один житель Империи. Веселье продлится до самого рассвета. Парни будут спускать огненные шары по склонам холмов, девушки водить хороводы и петь ритуальные песни. Нынче многие из них найдут свою истинную пару и тогда жрецы с первыми рассветными лучами освятят их брак в водах рек, озер и океана, который омывает берега их беспредельной Империи.

Илла с грустью глядела на толпы прохожих, которые бегали по магазинам спеша приобрести подарки для близких и любимых. А ей никто ничего не подарит. В полночь она ни кому не прошепчет заветных слов.

Возница остановился у здания портальной станции, снял саквояж Иллы и, приподняв на прощание картуз, молча укатил по своим делам.

Вот и все. Она свободна и вольна распоряжаться судьбой как вздумается.

Тогда почему же на душе так беспокойно и страшно?

Илла с трудом сдержала подступившие слезы. Она впервые оказалась совершенно одна в огромном, наполненном неизвестностью и опасностями мире. Девушка стояла посреди снующей толпы одинокая, потерянная и испуганная.

Вдруг рядом с ней раздался веселый смех и звонкий девичий голос произнес:

— Глупая, ты даже не представляешь какая это радость — быть свободной! — Илла резко обернулась. Рядом с ней остановились две эльфийки из клана Полночных. — Я сбежала из дому, когда мне исполнилось всего тридцать лет. Хотела посмотреть мир, побывать в разных концах Империи, а отец вознамерился выдать меня за старого приятеля, которому, видишь ли, был чем-то обязан. У него долг, а мне что — расплачиваться?! Нет уж — задолжал, будь любезен разочтись сам. Я так понимаю.

— И ты ушла?! — в голосе собеседницы, совсем молоденькой и восторженной эльфиечки горел страстный интерес. — Одна? И не побоялась? О, Шэлл, я тобой восхищаюсь!

— Запомни: не хочешь, чтобы тобой помыкали — не будь размазней. Дерись, царапайся, кусайся, но от своего не отступай. Ты знаешь, какие у нас законы. И все же — где мой папуля, а где я? Ничего, проглотил и даже назад в семью позвал. А как ругался, какими угрозами сыпал. Но когда меня в сильнейший отряд Имперских Стражей приняли — больше всех кричал, что всегда в меня верил. Вот так-то.

Илла была ошеломлена. Имперские Стражи — военная элита. Там служат только магически одаренные люди и существа. А командует ими легендарный лорд Гуррэн Шанг. Понятно, почему отец эльфийки был несказанно рад.

Илламэль вдруг осознала: сейчас словами эльфийки с ней говорила сама судьба. Она указывала ей путь.

Девушка вздохнула полной грудью, прогоняя остатки паники, и решительно достала из сумочки кошелек. Ее знаний хватит, чтобы наладить безбедное существование. Она не позволит страху и сомнениям сломить ее. Тетушка Ми в нее верит, значит, и она должна поверить в себя.

Илла открыла кошелек и едва не уронила его от неожиданности — вместо жалких медных грошей там поблескивали золотые монеты. Тетушка! Илла несколько минут потрясенно смотрела на невероятное богатство.

«Я все верну! Нет, настанет время, и я верну доброй женщине гораздо больше. Клянусь!», — решила Илла и твердой уверенной походкой направилась к портальной башне.

— Куда госпожа желает переместиться? — равнодушно спросил старый гном, уставший от бесконечного потока отбывающих и прибывающих пассажиров.

— В столицу, любезный, — не дрогнувшим голосом проговорила Илла и протянула служащему монету.

Почему она решила отправиться именно в Бугару, Илла и сама, пожалуй, не могла бы сказать. Но решение пришло внезапно, а она хотела довериться своей интуиции.

Илламэль не была новичком в большом городе. Ее не раз брали с собой сестры, когда им приходилось бывать в Заагре. Она и в столице пару раз бывала. Поэтому Илла, уверенная в себе, смело вышла из портальной кабины.

Ее тут же подхватила толпа, понесла, закружила и выплеснула на привокзальную площадь. Девушка даже вздохнуть не успела, как к ней подлетел шустрый расторопный извозчик:

— Куда барышня ехать желает? — нагловатая и хитрая физиономия гоблина, так и светилась улыбкой «Соглашайся, все одно не отстану». В родстве столичного пройдохи явно отметились василиски. Его глаза имели вертикальный зрачок, а на коже просматривался едва заметный чешуйчатый рисунок. — Доставим в любую точку столицы быстро и со всем возможным удобством. Позвольте ваш багаж?

— Мне бы гостиницу, поприличней, — растерянno прошептала Илла.

Вся ее уверенность мгновенно умчалась наперегонки с храбростью. Одной-то оказалось не так сподручно, да и страшновато.

Гоблин без лишних слов выхватил из ее руки саквояж и указал на коляску с открытым верхом, которая стояла неподалеку.

— О, не извольте беспокоиться, госпожа, я знаю то, что вам нужно. Гостиница почтенного Мальвурса очень тихое и добропорядочное заведение. Там, кстати, и ресторан с хорошей кухней имеется.

Через минуту она уже ехала по шумным и многолюдным улицам Бугары. Прохожие толкались у витрин магазинов, смеялись, ели на ходу, спешили куда-то. В парках гуляли молодые мамочки с ребятишками. Старики сидели на скамейках и мирно беседовали. Молодежь танцевала под кричащую музыку какого-то ансамбля. Город был готов к наступающему празднику. Еще два-три часа и все хлынут в центр города к главному храму Империи.

Через несколько кварталов гоблин свернул в какой-то проулок и выехал на соседнюю улицу, которая шла вдоль пологой каменной набережной. Та в свою очередь плавно спускалась к пляжу, на котором и сейчас было много отдыхающих и купающихся в океане. Аллеи набережной и скверов и здесь были не менее людными.

Миновали еще один квартал, извозчик остановился перед большим красивым домом. Пятиэтажное здание оказалось старым и помпезным, с богатой лепниной и фигурными

барельефами. Водостоки в виде черных горгулий и устрашающего вида химер с раскрытыми лапами служили так же указанием, что гостиница принадлежит одному из выходцев миров Хаоса.

«Тихое и добропорядочное заведение» совсем не вызывало у Иллы доверия — жители Хаоса не были, что называется, мирными существами. Девушка хотела было попросить отвезти ее другое место, но от дверей к экипажу уже спешил швейцар — моложавый оборотень из какого-то птичьего семейства. Об этом говорили торчащие хохолком волосы, клювообразный нос и резкие рваные движения головой.

Он приветливо кивнул гоблину и воскликнул:

— Ты сегодня заслужил благодарность хозяина, Жерий. Бесплатный ужин за ним! — а потом подхватил саквояж Иллы и протянул ей руку, чтобы помочь выйти из коляски. — Мы рады приветствовать вас в «Черной горгулье», госпожа. Вы не пожалеете о своем решении. У нас широкий выбор номеров с видом на океан и главный храм весталок ордена Спасения. В полночь будет грандиозный фейерверк, и вы сможете насладиться этим великолепным зрелищем. К вашим услугам рестораны и паровые бани. Массаж, парикмахерская и другие услуги на любой вкус и желание.

Прошу, прошу. Осторожно здесь ступенька, двери открываются магически.

Илла опомниться не успела, как уже стояла у стойки, а важный служащий в черном с золотым позументом мундире записывал ее данные. Коридорный любезно провел к лифту, затем отпер дверь уютного номера из двух комнат. Проверил исправность выключателей, кранов в ванной комнате и, пожелав ей приятного вечера, удалился.

Илла оглушенная и растерянная осталась одна. Она со стоном повалилась на широкую кровать и закрыла глаза.

Все начиналось как-то не так, как она себе представляла. Как будто чья-то воля властно вторглась в ее жизнь и управляла ею, не принимая во внимание, ни ее мнение, ни желания.

В дверь вежливо постучали. Илла поспешила открыть. Молоденькая консьержка присела в книксене и спросила, желает ли госпожа заказать столик в ресторане или ей удобно поужинать в номере? Возможно, Илла хочет посетить театр или концерт какого-нибудь столичного певца. Она, готова оказать леди любую услугу по развлекательной части праздничного вечера.

Илла поблагодарила, заказала ужин в номер, от остального вежливо отказалась, сославшись на усталость. Потом долго лежала в душистой ванне с пенной и горячей водой. Такого удовольствия она еще никогда не испытывала — в монастыре был только чуть теплый душ. В саквояже оказались не тусклая грубая монашеская одежда, а тонкое белье, батистовая ночная сорочка в пол, коротенький цветастый и очень красивый халат, несколько платьев на первое время. Илла не находила слов благодарности тетушке Ми, и еще раз поклялась исполнить свое обещание.

После ужина девушка прихватила чашку горячего чая и уселась в плетеное кресло на балконе. Отсюда открывался потрясающий вид на заходящее в океан солнце. Теплый летний вечер уверенно вступил в свои права.

Впервые в жизни Илле не нужно было куда-то спешить, кому-то угождать, молча сносить чьи-то грубые шутки. Сжимать зубы от бессилия и обиды. Может тетушка Ми была не так уж и не права? Оказывается — свобода это здорово!

Илла с наслаждением пила ароматный напиток, а в голове постепенно складывался план дальнейших действий.

Работая с самого раннего детства прислугой у знатных воспитанниц, она многому научилась. Знала несколько разговорных языков. На некоторых хорошо читала и даже могла вполне грамотно писать — девицы часто пользовались ее умением, диктуя письма родным.

У Иллы была хорошая память, и она заучивала наизусть большие куски из поэм, декламировала стихи, что делало ее незаменимой на вечерних посиделках богатых питомиц матери Анессы.

Весьма часто вместе с подругами она изображала кавалеров для леди на уроках танцев. Но это не мешало ей выучить и партию дамы.

Илла прочла много книг. К сожалению не слишком умных. Юные леди почему-то желали слушать только о том, как какой-нибудь принц-красавец теряет голову от любви, проходит множество испытаний и спасает красавицу-пленницу. Обязательно увозит ее в далекие страны и у них, в конце концов, наступает счастливая жизнь с кучей златовласых карапузиков. Почему карапузы всегда были златовласыми Илла никак понять не могла, ведь «красавцы» и «красавицы» из книг принадлежали к различным расам и выглядели совершенно по-разному в зависимости от того к какому народу принадлежала владелица книги. Но дети — это святое, все златовласые карапузы, причем сразу с десятков.

Трезво поразмыслив, Илла решила, что танцевальный опыт ей вряд ли пригодится, так же как и навык чтицы. А вот открыть свое дело — об этом стоит серьезно задуматься. Салон красоты, к примеру. Или лекарскую аптеку — книга тетушки Ми оказалась настоящей энциклопедией лекарственных и полезных в быту трав. Для начала этих знаний хватит, потом можно и подучиться. Если взяться за дело грамотно, то можно хорошо зарабатывать. Деньги для покупки маленького опрятного домика есть. Можно в нем и самой жить, и аптеку или салон открыть.

Успокоенная такими размышлениями, Илла отправилась спать, чтобы прямо с утра приступить к исполнению своих замыслов.

Глава 3

С ночи погода испортилась. Тяжелые тучи нависли над Бугарой, прогибаясь под тяжестью не пролитого дождя. Бессильное солнце тщетно пыталось разогнать серую хмарь. В воздухе повисли влажная тяжесть и духота. Сказывалась близость океана.

Илла завтракала в ресторане. Расторопный и услужливый официант, почтительное обращение, уютный столик у открытого окна, гренки с яичницей и беконом, чашка горячего шоколада — верх блаженства и несбыточных мечтаний. Илле все больше нравилась новая жизнь.

Столики в обеденном зале почти все оказались занятыми — на праздник в столице собралось много народу. Звон посуды и столовых приборов перебивался негромкой беседой и приятной музыкой.

Илла оторвалась от утренней газеты, где просматривала объявления о продаже недвижимости и посмотрела в окно. Купающихся не было, хотя пляж и не пустовал. По песку бегали дети, старые няни сидели на лавочках, а юные гномы гоняли мяч с командой гоблинов. Они яростно спорили и кричали, оспаривая каждый забитый гол.

Над дверями ресторана мелодично прозвенели колокольчики: в зал вошла новая посетительница. Молодая женщина явно нервничала и спешила. Она лихорадочно оглядела сидевших за столами посетителей и разочарованно оглянулась на распорядителя. О чем-то

тихо у него спросила, но тот только отрицательно покачал головой и указал на один из столиков, предложив ей, по-видимому, подождать визави за чашечкой чая.

Женщина кивнула, соглашаясь, прошла к предложенному столу и присела на самый краешек стула, не выпуская сумочки. Она так сильно вцепилась в ее ручки, что невольно обращала на это внимание.

Илла мельком взглянула на нервную посетительницу и непроизвольно отметила для себя, что та принадлежит к клану оборотней бастетов. Точнее фелинам — обычным беспородным кошкам. Об этом говорили ее трехцветные волосы, большие круглые глаза с подвижными зрачками и тягучие плавные движения. Хотя фелины редко выбиваются из простонародья, но эта не казалась выходцем из бедного сословия: на ней дорогая одежда и драгоценные украшения. А высокая изысканная прическа и ухоженные руки говорили о том, что ей не приходилось заниматься тяжелым физическим трудом.

... И все же что-то в облике этой женщины было неправильным ... нарочитым ... ненастоящим ...

Официант принес новой клиентке чай с молоком и пирожные. Фелина торопливо схватила чашку и, не смотря на то, что напиток был явно горячим, сделала большой глоток. Наверное, от волнения ее мучила жажда.

Вдруг она смертельно побледнела, прижала сумочку к груди и тяжело рухнула на пол.

Все, кто был в зале, замерли от неожиданности. Потом многие повскакивали со своих мест, началась паника.

Но распорядитель оказался опытным работником. Он вызвал наряд стражников прежде, чем кто-то успел подойти к двери. В считанные секунды в полу закружилась порталная воронка из которой явился патруль.

— Всем оставаться на местах! — громко и грозно приказал командир отряда.

Он окинул ресторан внимательным взглядом, узрел место преступления и подошел к лежавшей на полу женщине. Взглянул на нее поближе и тихо проворчал, обращаясь к своему сотруднику:

— Убийство. Вызывай Марэта.

Еще через минуту из вновь открытого портала шагнул высокий мужчина. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — опасен! Смертельно. И дело даже не в том, что на его поясе висело грозное оружие — в нем самом все кричало об угрозе: широкий разворот могучих плеч, сильные руки, твердый суровый взгляд серо-желтых глаз. И в то же время движения его плавны, как у крадущегося зверя. Лицо Марэта трудно было назвать красивым из-за слишком длинного прямого носа и тонких упрямых губ, но оно с первого взгляда завораживало необъяснимой притягательностью, присущей хищнику, от которого невозможно оторвать взгляд.

Илла застыла с поднятой ко рту чашкой. В ее голове пронеслась фраза, сказанная сестрой Бирт: «Не доверяй никому, особенно мужикам. Налетят, коршуны, растерзают и сердце, и душу». Кажется, теперь она знала о ком шла речь.

Марэт стремительно огляделся. Кинул взгляд на тело и неожиданно обернулся к Илле, которая оказалась к нему ближе всех.

— Расскажите, что вы видели? — в его голосе слышалась такая властность, что мало кто посмел бы ему перечить.

Вопрос прозвучал резко, как удар хлыста. Илла вздрогнула, едва не уронив чашку. Хорошо, что шоколада в ней почти не осталось, иначе новое платье было бы безвозвратно

испорчено.

— Давайте по порядку, — смягчился Марэт, увидев ужас в глазах девушки. — Как вас зовут?

— Илла, — едва слышно пропищала девушка осипшим вдруг голосом.

— Еще раз и погромче!

Мэрт начал раздражаться: только перепуганных девиц ему не доставало. Безднадега, от этой трясущейся монашки мало чего добьешься.

Илла сглотнула и попробовала еще раз:

— Илламэль Ивитт... воспитанница ордена Спасения.

Зачем она сказала об ордене, Илла и сама не поняла, но в знакомом названии было что-то надежное, словно щит.

Марэт едва заметно усмехнулся: не ошибся.

— И так, госпожа Ивитт, поведайте нам, что вы успели заметить? Смелей, здесь вас никто не обидит. Ну же.

Девушка набрала побольше воздуха, зачем-то закрыла глаза и ...

— Фелина. Пришла на деловую, заранее оговоренную встречу. Волновалась. В сумочке, возможно, что-то весьма важное или ценное. В чае, скорее всего, растительный яд. Полагаю, крохотная болотная. Она особенно опасна для кошек-перевертышей. Все.

Ироничная улыбка постепенно сползла с лица Мэрта. Он ошеломленно смотрел на бледное испуганное лицо сидящей перед ним девочки и скверные мысли медленно, но верно вползали в его голову:

«Орден Спасения. Шпионка аббата? Но за какой Тьмой ей было раскрывать себя так бездарно? Неопытна? Вряд ли такую отправили бы на самостоятельное задание».

Он быстро развернулся, подошел к погибшей, с трудом вырвал из скрюченных пальцев сумочку и бросил ее на стол Иллы.

— Вы знакомы с убитой?

— Нет.

— Тогда откуда вам известно, что она пришла на деловую встречу?

— Когда она вошла, то рассмотрела всех, кто находился в обеденном зале. Затем осведомилась о ком-то у распорядителя. Спросите — он подтвердит.

— Спросим.

Марэт все больше утверждался во мнении, что эта девица оказалась здесь неспроста. Но чего она добивается? Хочет заморочить ему голову и отвести внимание от чего-то более важного?

— Вы живете в Бугаре?

Девушка тяжело вздохнула и нехотя ответила:

— Я приехала вчера вечером ... Из Заагры.

— Вы здесь одна? Без сопровождающих?

Вопрос был двусмысленным. Илламэль была слишком молода, чтобы появляться на людях без сопровождения почтенной спутницы. Это выглядело не совсем прилично.

Осознав, что означает вопрос, Илла залилась краской, опустила глаза и не произнесла ни слова.

— Я жду ответа, — напомнил Марэт.

— Одна, — покаянно выдохнула Илла таким голосом, как будто призналась в совершенном только что убийстве.

Тьма! Что здесь происходит?! Эта девчонка — просто загадка какая-то. То проявляет невероятные аналитические способности, то сгорает со стыда от самого простого вопроса.

Марэт раздраженно нахмурил брови, а у девушки так сильно задрожали руки, что ему пришлось отобрать у нее чашку и поставить на блюдце. Он впервые не знал, как вести допрос.

К Марэту подошел глава патруля и негромко произнес:

— Время, лорд Марэт. Я обязан сообщить об убийстве в имперский отдел по расследованиям.

Марэт кивнул и попросил:

— Дай мне Фрабба.

— Хиз Фрабб, в распоряжение лорда Марэта! — отдал приказ стражник и отошел.

Фрабб оказался молодым гномом. Он звонко щелкнул каблуками и застыл в ожидании распоряжений Марэта. В позе и лучезарной улыбке на счастливом лице стражника не было подобострастия — в сияющих глазах читалось искреннее восхищение и уважение к лорду.

— Вот что, Хиз, забирай-ка эту барышню и веди в ее номер. Проследи, чтобы все окна и двери были заперты. Все, Хиз, значит и балконная тоже. Уяснил? С девицей не говорить! Попробует сбежать — применишь стазис.

По мере того как лорд отдавал приказ, глаза Иллы все больше округлялись. В конце концов, она так и застыла с огромными глазами и открытым от удивления ртом.

— Поднимайтесь, барышня, — обернулся к ней Марэт.

— Зачем?! — вопрос вырвался непроизвольно. Голос по-прежнему был сиплым от неуправляемого страха. — Почему я должна сидеть взаперти?

— Потому что вы основная подозреваемая, голубушка, — почти ласково проговорил Марэт. — Ну, или главный свидетель. Потом разберемся. Хиз, головой за нее отвечаешь! Все! Живо наверх.

Хиз перестал восторженно пялиться на сыщика и перевел взгляд на Иллу, в его глазах появилось удивленное восхищение.

— Понима-аю, — протянул он. — Сам бы ...

— Прекратить разговоры! Выполнять! — от резкого окрика вздрогнули и Фрабб, и Илла.

Лорд Марэт откровенно пугал... и, похоже, не только Илламэль.

Гном в точности исполнил приказ: самолично запер все окна и двери, даже межкомнатные, оставил Иллу сидеть в кресле у окна, а сам устроился на стуле у входа.

Поначалу Илла испуганно вжималась в спинку кресла и не могла перестать трястись от страха, но постепенно успокоилась и расслабилась. Тишина уютного номера сняла напряжение и Илла стала невольно перебирать в памяти утренние события.

Как ни странно ее не слишком волновала смерть перевертыша. Она понимала: стражи во всем разберутся и без нее. Ее больше интересовало то, что она сама чувствовала во время всей этой кутерьмы. Страх? Да. И это понятно, ведь она впервые разговаривала с мужчиной. До вчерашнего дня она еще ни разу не перекинулась и парой слов с представителем другого пола. Даже в прежних поездках она молчала — все переговоры велись старшими сестрами. Но и это не было главным. Илла вдруг поняла, что за те несколько часов, что она провела на свободе, в ней самой что-то незримо изменилось. Изменилось настолько, что она больше никогда не будет прежней. И если придется, то она станет сражаться за самостоятельность до последней возможности.

Даже умирая от страха, она знала, что больше никогда и никому не позволит помыкать собой.

«Чтобы выжить, нужно быть хитрой, злой и сильной», — говорила сестра Бирт.

«Запомни: не хочешь, чтобы тобой помыкали — не будь размазней. Дерись, царапайся, кусайся, но от своего не отступай», — советовала знакомой эльфийка.

Теперь Илла была готова принять эти советы ...

Еще бы знать, как это сделать!

Примерно часа через два в дверь постучали. Илла вздрогнула, но собралась и заставила себя успокоиться.

Марэт ворвался в номер стремительно, как порыв ураганного ветра. Схватил стул и поставил его напротив кресла, в котором сидела девушка. Уселся, оглядел Иллу сверху донизу пронизательным взглядом и произнес раздраженным голосом:

— Итак. Начнем с самого начала. Откуда? Куда? Зачем? Ясен расклад? Начинайте.

Илла молчала.

— Так, барышня, давайте-ка без этих ваших женских штучек. Меня не проведешь. Вы прекрасно собой владеете, иначе не смогли бы так точно описать произошедшее. Дамы, подверженные приступам паники и ужаса, не способны мыслить логически. Так, как продемонстрировали вы. Поэтому или вы мне сейчас все рассказываете, или мы едем в контору имперских служак. И уверяю, там с вами церемониться не станут, запрут в камеру с шайкой головорезов, чтобы у вас язычок развязался. Я ясно излагаю?

— Что конкретно вы хотите узнать? — Илла постаралась говорить твердо, чтобы дрожащий голос не выдал ужаса перед этим страшным человеком.

— Откуда вы приехали?

— Я уже говорила — из Заагры. Вчера меня выг ... я ушла ...

Илла резко перевела дыхание и продолжила:

— Неделю назад мне исполнилось восемнадцать. По правилам ордена Спасения девушки в этом возрасте обязаны покинуть монастырь, в котором воспитывались, и начать самостоятельную жизнь. Я приехала в Бугару, чтобы как-то устроиться.

Марэт слушал внимательно. Он испытывающее следил за выражением лица девушки, которая изо всех сил старалась выглядеть спокойной, но у нее это плохо получалось.

— Так, с этим понятно. Как вы узнали, что в чашке была именно кровахебка?

— Я же сказала — это единственное растение, способное разорвать сердце перевертыша в одно мгновение. Для них она безвкусна и не имеет запаха. Но когда чашка опрокинулась, я заметила, что чай имеет характерный красноватый оттенок.

— Почему вы решили, что она пришла на деловое свидание, а не, скажем, романтическое или просто поболтать с подругой?

— Потому что на романтическое свидание дамы, как правило, ходят в своих вещах! В тех, в которых чувствуют себя уверенно. А чужое одевают, когда хотят изменить внешность.

Марэт удивленно изогнул бровь. Этой подробности он не заметил.

— Платье на ней чужое — немного тесное. Обувь наоборот чуть велика: при падении одна туфля свалилась. Да и остальные детали ...

— Продолжайте ... пожалуйста.

Илла осмелилась взглянуть на Марэта. В его глазах светились неподдельное удивление, искренний интерес и ... явное недоверие.

— Прическа ...

— Что с ней не так?

— Она сделана в ручную, без магии. Маникюр и педикюр тоже. Состоятельные леди так не поступают. Я не очень разбираюсь в драгоценностях, но исходя из сказанного выше, полагаю, что и украшения на даме фальшивые.

— Верно, — подтвердил Марэт.

— А что было в сумочке? — вдруг выпалила Илла и замерла от собственной смелости.

— Я вам скажу, если окажете мне небольшую услугу, — серьезно пообещал Марэт.

— Какую? — тут же насторожилась Илла.

— Я хочу знать, с какой целью вы прибыли в Бугару. То, что вы мне тут рассказали об исключении из монастыря — полная чушь. Я сделал вид, что поверил. Но ваши способности ... так что вам нужно? И не юлите, дорогуша, со мной этот номер не пройдет.

— Я вас не понимаю, — голос Иллы дрогнул.

Она видела, что Марэт зол на нее, но почему — понять не могла. Ведь она его даже не знала.

— Хорошо. Я объясню, — Марэт начал терять терпение. В его голове никак не укладывалась мысль, что сидевшая перед ним девочка с глазами перепуганной лани могла быть опытной шпионкой ордена Спасения. Самой закрытой и тайной организации специально отбираемых и обучаемых людей. — Вас подослал ко мне Бэрр? У него не получилось подкупить меня, так он решил воспользоваться другой возможностью?

Глаза Марэта налились ненавистью. Лицо окаменело.

— Вы говорите загадками, лорд Марэт. И ... и пугаете меня.

А Марэт неожиданно подумал, что мог и ошибиться. Зачерствел на опасной работе. Стал чересчур недоверчивым, в каждом встречном видит врага или шпиона. Эта девочка казалась такой неопытной и невинной. В ней не было игры. А он видел такие вещи насквозь. Он вдруг успокоился и предложил:

— Если вы не та, за которую я вас принимаю — пройдите мою проверку.

— Какую?

— Просто посидите минуту смирно.

Илламэль напряженно вытянулась в кресле и затаила дыхание. В этом полном наивной покорности жесте было столько трогательного доверия, что Марэт вдруг устыдился того, что собирался сделать. Он просто несколько мгновений внимательно смотрел в ее глаза.

— Вот и все. Вы свободны. У меня к вам осталась только одна просьба: впредь постарайтесь не попадать в подобные истории.

— Договорились, — бесхитростно улыбнулась девушка, и ее лицо вдруг совершенно преобразилось.

Марэт даже моргнул от удивления. Илламэль и до этого была очень хороша, но улыбка стерла с ее личика налет тревоги и страха. Она как будто осветилась внутренним сиянием и сделалась настоящей красавицей.

— Кто ваш покровитель?

Марэт даже сам не понял, как у него вырвались эти слова.

— Что?!

— Имя вашего покровителя.

Теперь Марэт был уверен: он ошибся только в одном: она не шпионка. Она рабыня. Об этом говорил и ее наряд. У выпускницы монастыря не может быть столько денег, чтобы приобрести вещи, которые она носила. И поселиться в одной из лучших и дорогих гостиниц

столицы она могла только в том случае, если номер был оплачен заранее. Это-то и ввело его в первоначальное заблуждение. И он вырвет у нее имя мерзавца, которому ее продали.

А Илламэль гордо поднялась с кресла. Ее лицо пылало. Глаза наполнились слезами, но она мужественно сдерживала их.

— Вон!

Ее голос был глух, но казалось — она кричала от обиды.

— Нет, — спокойно ответил Марэт и даже откинулся на спинку стула. — Я намерен узнать, кому вас продали. И я не тронусь с места, пока не узнаю имя негодяя. Вы вообще в курсе, что это преступление? Знаете ли вы, что вправе подать в суд на вашу патронессу, если она замешана в этом гнусном деле?

— Я не желаю с вами разговаривать, лорд Марэт, и хочу, чтобы вы удалились из моей комнаты. Сейчас же.

— А я не собираюсь отсюда уходить. Более того, я останусь здесь на всю ночь. Если понадобится и на следующий день тоже. А когда дождусь вашего покровителя, то арестую и отдам под суд. Так и знайте. Вы молоды. Красивы. У вас еще все впереди. Вы можете найти счастье и без этой грязи. Неужели вам самой хочется ... как это бы это помягче-то сказать? Думаю, вы меня поняли.

Илла смотрела на взбешенного Марэта и вдруг осознала, что он не хотел ее оскорбить. Он и в самом деле искренне желает ей добра. Она успокоилась, улыбнулась и снова села в кресло.

— У меня нет покровителя, лорд Марэт. Правда. Но у меня есть очень добрая и милая покровительница. Ее зовут тетушка Ми.

Если бы в комнате вдруг грянул гром, Марэт бы и тогда не так удивился. Он уставился на застенчиво улыбавшуюся девушку.

— Тетушка Ми? — прошептал пораженный лорд Марэт. — Конечно тетушка Ми, кто же еще.

Илламэль наблюдала за изменениями, произошедшими с суровым и грозным лордом. Его лицо расслабилось, помолодело и, преобразившись, стало даже симпатичным.

А он, оказывается, еще совсем не стар, как показалось ей поначалу. Около тридцати, не больше... если, конечно, он был чистокровным человеком.

Лорд Марэт улыбнулся каким-то своим мыслям и попросил:

— Окажите мне услугу.

— Еще одну? — искренне удивилась Илла, она полагала, что теперь, когда все прояснилось, лорд оставит ее, наконец, в покое.

— Всего одну, маленькую услугу.

— Какую? — обреченно спросила Илла и глубоко вздохнула.

— Помогите раскрыть это дело, — Илла ошеломленно взглянула на сыщика. — Согласитесь, вам самой интересно узнать, кто убил эту женщину. — Лукаво проговорил лорд. — А когда вечером будете писать тетушке письмо, предайте от меня привет.

Глава 4

— Право слово, я даже не знаю, чем вам помочь, — несколько минут спустя уверяла Марэта отставная воспитанница монастыря. — Вы, конечно, правы и мне безумно интересно, но, честно говоря, у меня есть дела, которые нельзя отложить в долгий ящик.

— Ну, я же не прошу вас работать на меня. Я просто хочу, чтобы вы еще раз осмотрели место преступления и высказали свое мнение. Возможно, я что-то упустил. Впервые сталкиваюсь с делом, в котором нет ни малейших зацепок.

Илла кивнула:

— Хорошо. Если это не займет много времени. Только скажите, что вы нашли в сумочке. Вы обещали.

Марэт усмехнулся и щелкнул пальцами. Перед Иллой появилось изображение какого-то кабинета. Возле большого стола, заваленного бумагами, стояли четыре человека, в одном из них Илла узнала лорда Марэта. Он открыл сумочку и вывалил на расчищенный участок ее содержимое.

— Там не оказалось ничего интересного. Абсолютно, — разочарованно произнес сыщик.

Илла наблюдала, как мужчины разбирали нехитрые пожитки убитой. Дешевая косметика, платочек, веер, и прочие мелочи. Несколько смятых бумажек, оказались погашенными чеками и использованным билетом на однократное перемещение.

Один из следователей передал Марэту удостоверение личности, в котором Илла смогла разобрать имя Агавир Сайлл.

— Откуда она прибыла в Бугару?

— Из поместья Кроккельвилль.

— Вы уже, полагаю, побывали там?

— Разумеется.

— И что выяснили?

— В том-то и дело, что ничего. Сайлл была личной служанкой леди Арвилль, которая недавно скончалась. Но фелину не уволили. Старшая дочь почившей приняла Сайлл к себе на службу.

— Поместье Кроккельвилль, — задумчиво проговорила Илламэль. — Это же территория цейликан.

— Вы правы. Кланом управляют Белые львицы. Линия наследования — женская.

А леди Арвилль-старшая умерла естественной смертью?

— Да, ей было уже больше четырехсот лет, и она давно передала бразды правления старшей дочери — леди Этн Арвилль. Она и поведала нам, что Сайлл служила в их доме уже довольно давно. Точнее пять лет. Ее наняли сиделкой для престарелой леди.

Скромна. Бережлива до скупости. За все пять лет ни разу не отлучались из поместья. И ее никто не навещал. Не писала и не получала писем. Никаких романтических отношений — вот что сказали об Агавир Сайлл все обитатели поместья.

Илла удивленно посмотрела на Марэта. Такое поведение было не типичным для оборотней-кошек. Общение для кошачьих рас необходимо. Тем более для фелин. Они всегда держатся вместе. Фелины часто служат прислугой в аристократических семьях, но, как правило, целыми династиями. Некоторые кланы становятся бродячими артистами или циркачами — ловкость у них в крови. Да и любвеобилие кошек-перевертышей общеизвестно. Это не значило, что они были безнравственны, конечно, нет, но оставаться без пары в столь молодом возрасте для них более чем странно.

— И что вы думаете по этому поводу? — спросила Илла.

— Это необычно, несвойственно для всего вида, но не столь уж редко для отдельного человека. Такое иногда случается. Какая-нибудь личная трагедия. Например, несчастная

любовь или гибель родного существа. Она могла пережить нечто подобное, замкнуться в себе и стать нелюдимою затворницей.

— Логично, — согласилась Илламэль. — А вы внимательно осмотрели комнату госпожи Сайлл?

Марэт пожал плечами:

— Сам не осматривал, но у меня есть запись.

Он чуть шевельнул пальцем, и изображение тут же сменилось. Теперь перед Иллой возникла длинная узкая комната в одно окно. Обстановка крайне аскетичная: шкаф, стол, два стула, на полу домотканый половик. Железная кровать, заправленная с такой тщательностью, что на покрывале не было и намека на морщинку или складочку. И подушка стояла особым образом — уголком. К его верху пришилена ажурная салфетка.

Глаза Иллы распахнулись от ужаса. Она побелела как полотно, невольно подалась вперед и вцепилась в подлокотники кресла.

Марэт до этой минуты с удовольствием наблюдавший за ходом ее рассуждений, встревожено спросил:

— В чем дело?! Вы как будто живую химеру увидели.

— Лорд Марэт, я, кажется, могу объяснить странное поведение госпожи Сайлл... Она послушница ордена Спасения. Причем не просто послушница, она адепт самого закрытого и опасного из его учений. И если я права — нам всем грозит смертельная опасность.

— Вы уверены в своих выводах? Это очень серьезно. Госпожа Ивитт, если вы правы, то это все меняет.

Илла опасливо оглянулась на гнома, который по-прежнему находился у двери, и от него не было слышно ни малейшего звука. Фрабб неподвижно сидел на стуле, сложил на коленях короткие мощные руки, его бездумный взгляд устремился в пол — Марэт, оказывается, погрузил его в стазис, когда пришел.

Илла удивилась, но ничего не сказала.

— Абсолютно, — заверила она сыщика. — У меня хорошо развитая эйдетическая память. Если увижу что-то, что вызовет сильные эмоции — запомню на всю жизнь. Однажды, еще совсем маленькой, я стянула на кухне пирожок. Очень хотелось есть и я не сдержалась. Но, я понимала, что наказание за это будет очень суровым. Поэтому попыталась спрятаться и неудачно выбрала для этой цели запрещенное крыло замка. О том, что я там увидела рассказывать не хочу, достаточно сказать, что после того как меня нашли, пролежала в горячке целую неделю. Так вот: послушницы в том крыле жили в совершенно одинаковых комнатах. — Илла указала на изображение. — Салфетка же, приколотая к подушке, означает, что воспитанница выполнила все задания наставниц и свободна на некоторое время. Пока кто-то из сестер не даст ей новое поручение. Так было заведено в нашем монастыре.

Марэт внимательно выслушал девушку. Теперь он начал понимать, почему в этом деле не было обнаружено никаких зацепок: люди аббата умели замечать следы. Однажды ему уже пришлось столкнуться с нечто подобным. Дело так и осталось не раскрытым, а он попал в поле зрения аббата. С тех пор его не раз пытались подкупить, запугать, шантажировать. Если бы у него в то время оказалась в помощницах эта девочка, возможно, ему бы удалось доказать свою правоту. Но в тот раз у него было слишком мало доказательств, и правоведник закрыл дело за недостаточностью улик.

Лорд поднялся, заложил руки за спину и отвернулся к окну. Ему нужно было все

обдумать. Имел ли он право вовлекать девочку в столь опасное расследование. Наверное, нет. Но ... то, что она назвала имя тетушки Ми, накладывало на него определенные обязательства.

Когда-то давно во время войны короля Гнатта с Империей он, малолетний оборотень-вервольф, остался без родных. Беспризорничал. Скитался по разоренным городам. Воровал. В то время он еще не мог контролировать себя. Часто взрывался беспричинной яростью. Нападал на слабых, не способных к сопротивлению людей. Он их винил во всех бедах, что случились с ним и его семьей. Ведь король Гнатт был чистокровным человеком. Он беспощадно истреблял в своем королевстве нечеловеческих существ вне зависимости от их вида и способа питания. Даже полукровки выискивались и уничтожались без всякой жалости.

Вот тогда-то Марэт и встретил тетушку Ми. Она приютила его. Отнеслась к нему с материнской заботой и любовью. А когда он немного пришел в себя, выпустила на волю, как птицу из клетки. Он ушел, поклявшись себе, что никогда больше не причинит вреда тем, кто слабее его.

Совсем скоро он прибил к одному из повстанческих отрядов, что воевали на стороне Империи. Его командиром был старый вервольф. Он и взял Марэта под свое покровительство.

Каждый вечер Марэт писал письма тетушке Ми. Это стало потребностью — описать все, что случилось с ним за день. И вот однажды он получил письмо, в котором тетушка писала:

«Дорогой Киф, теперь, когда ты находишься в надежных руках, я спокойна за тебя. Поэтому и прощаюсь. Прости, но на твои письма больше не отвечу, хотя ты можешь по-прежнему писать мне. Я прочту все твои послания. Уверена — ты научишься ответственно относиться и к своей, и к чужой жизни, но для этого тебе нужен не поводирь, а хороший друг. И ты его нашел. Мой мальчик, у меня есть просьба: однажды ты повстречаешь кого-то, кто назовет мое имя. Прими его и позаботься так же, как сейчас заботятся о тебе.

С любовью тетушка Ми».

Еще тогда Марэт дал себе клятву, что выполнит наказ доброй женщины, которая спасла его от верной гибели. Долгое время он ждал, когда же настанет время исполнить долг. Он представлял себе мальчишку, которого спасет от нищеты и одиночества. Что сможет стать ему другом, старшим братом...

Но он никак ожидал, что помощь понадобится совсем юной девушке, с которой он даже не знал как себя вести.

— Госпожа Ивитт, вы говорили, что приехали в Бугару, чтобы устроить свою жизнь, — Марэт обернулся к Илламэль. — Так чем вы намериваетесь заняться?

— Я хотела начать свое дело, — не совсем уверено проговорила она.

— Какое?

Илламэль сцепила пальцы, волнуясь.

— Открыть лавку лекарственных трав или салон красоты для дам. Но я не знаю, если честно, с чего начать... у меня совсем нет опыта. Боюсь, мало, кто рискнет красотой или вверит свое здоровье столь молодому и неизвестному мастеру.

Что верно, то верно: слишком молода. Для такого дела нужен опыт и доверие клиентов.

— Тогда у вас есть лишь один выход, — проговорил Марэт, снова усаживаясь напротив девушки, — найти знающую компаньонку. И если вы не против, я хотел бы помочь.

Благодарность за услугу, так сказать, ведь вы же помогли мне найти ниточку в столь безнадежном деле. Я познакомлю вас с одной почтенной дамой, которая поможет вам и научит правильно вести дела.

— Это было бы очень кстати, — но в голосе Илламэль чувствовался какой-то протест, чему сыщик удивился. — Но, лорд Марэт, сначала я хочу вместе с вами раскрыть это преступление.

— Если в нем замешан орден Спасения, об этом даже речи быть не может. Забудьте. Раз и навсегда. Я никогда не дам своего согласия.

Марэт был непреклонен, но и Илламэль уже не могла отступить.

— Вы не понимаете, и никто не понимает! — взволнованно воскликнула Илламэль. — Монастыри ордена — тюрьма! Я тоже этого не понимала ... до тех пор, пока не оказалась на свободе. Даже расстраивалась, что меня гонят. Но ... там творятся ужасные вещи. Там гибнут люди. Молодые девушки теряют себя. Становятся марионетками чужой воли.

Разве вы не поняли этого, глядя, как молодая полная жизни женщина убила себя на виду у всех?! И только одно она сделала правильно: она оставила след! Это говорит о том, что и Сайлл поняла всю правду. Потому она не ушла из жизни безмолвно. Она понадеялась на нашу проницательность и помощь тем, кого еще можно спасти.

Разве после этого я могу остаться в стороне?! Я была пленницей ордена. По чистой случайности мне удалось избежать гибели. Теперь я это точно знаю. И вы должны позволить мне помочь ... по мере сил. Потому что это будет правильно.

Говоря это, Илламэль поднялась с кресла. Ее руки были прижаты к груди, глаза горели неподдельной верой и силой. Вся ее фигура выражала жгучее желание незамедлительно ринуться в бой с несправедливостью и жестокостью ордена.

Марэт даже задержал на мгновение дыхание — так она была похожа на него самого много лет назад. Когда он вот так же доказывал свое право вступить на опасный путь борца за справедливость и свободу существ населявших королевство Гнатта.

— Это очень опасно, — проговорил Марэт, в его голосе еще звучало сомнение, но было видно, что он готов изменить решение.

— Очень опасно не раскрыть этого убийства, лорд Марэт, — уверенно произнесла Илламэль. — Подумайте, сколько преступлений совершил этот орден? А сколько еще совершит? С этим нужно бороться. И если не мы, то кто?

Марэт улыбнулся ее горячности:

— Раскрывать преступления — не так романтично и увлекательно, как вам, наверное, думается. Порой это нудная работа с бумагами, на которую приходится тратить несколько дней. Бесконечные разговоры со свидетелями. Поездки, ночевки в разных гостиницах и никакой личной жизни. Расследование этого убийства может затянуться на месяцы. Вы готовы потратить несколько месяцев своей жизни, копаясь в грязном белье незнакомых и по-сути безразличных вам людей?

— Если это поможет раскрыть правду — да, — решительно заявила девушка. — Тетушка Ми сказала: «слушай свое сердце, оно зрячее». И я знаю, что должна.

— Ну, что ж, госпожа Ивитт, добро пожаловать в мой мир, — улыбнулся Марэт. — Но с одним условием. — Он поднялся со стула, и его огромная фигура нависла над маленькой хрупкой девушкой. — Вы будете беспрекословно подчиняться моим приказам ... и переедете отсюда к почтенной госпоже Фрабб, матери Фрабба Хиза. — Марэт кивнул на застывшего гнома. — У нее добропорядочный доходный дом, с хорошей репутацией. Квартплата не

высока.

— Вообще-то я планировала купить собственный домик, в каком-нибудь тихом районе, — робко запротестовала Илла.

— Купите, когда у вас будет время. Сейчас все силы нужно бросить на работу. В этом-то, госпожа Илламэль Ивитт, и состоит главная трудность: у сыщиков нет времени для личных дел.

Глава 5

Тучи осыпались мелким нудным дождем. Прохожие прятались под широкими зонтами, кутались в непромокаемые плащи. Никто в такую погоду не рисковал отправиться по делам на верховых драконах, предпочитая перемещаться в крытых колясках или каретах. Океан мерно перебирал невысокими волнами, грустно шелестел галькой пустынного пляжа.

Илламэль сидела за большим канцелярским столом в кабинете лорда Марэта. Перед ней лежал ворох листов, исчерченных схемами и исписанных мелким красивым подчерком.

Хиз Фрабб облокотился на подоконник, сцепил толстые, но гибкие и сильные пальцы, уложил на них заросший молодой бородкой подбородок и неотрывно следил за маневрами орла, который недалеко от берега охотился за рыбой. Время от времени гном украдкой бросал взгляд на ничего не замечавшую Илламэль, любясь сосредоточенно вчитывающейся в документы девушкой.

— Не понимаю! — Илла резко отбросила исписанный лист. — Вот что понадобилось ордену Спасения от клана леди Арвиль? Добропорядочная аристократическая семья. Несколько поколений владеет поместьем Кроккельвилль. Никаких темных или сомнительных дел. На короткой ноге с самим императором. Не понимаю.

— Угу, — задумчиво промышчал гном. — Говорят, в молодости ныне покойная леди была так хороша собой, что даже сам император заглядывался на нее.

— Возможно и так, — в раздумье проговорила Илламэль, вглядываясь в черты красивого утонченного лица львицы, рисованное изображение которой держала в руках. — Только из этого все равно ничего бы не получилось. Император выходец из темных миров Хаоса. А леди цейликан — полная несовместимость видов.

— Только не для Темных, — возразил Хиз. — У них имеется артефакт, который позволяет брать в супруги любое существо нашего мира. Император даже на чистокровной человечке жениться хотел. На дочери короля Гнатта. Но там тайна, покрытая мраком. — Гном усмехнулся. — Говорят, артефакт исчез в самый не подходящий момент. Король, ясно дело, обиделся. Обвинил в измене императора и принялся уничтожать в своей стране всех нелюдей. Разразилась война и ... конец королевству. Вот так-то.

— Интересно, — задумчиво проговорила Илламэль. — А леди Арвиль в то время ходила в фаворитках?

— Ну, да. Я же сказал: заглядывался на нее император. Но он тогда только вступил на престол. Молод был. Несдержан. Брал, что хотел, не смотря на правила и традиции. Леди Арвиль удалилась из столицы вскоре после помолвки императора с человечкой. Стала затворницей. Больше ее никогда не видели при дворе. Даже когда свадьба расстроилась.

— Артефакт нашли?

— А кто его знает, — пожал плечами гном — Это ж личные дела правителя и его приближенных. Может и нашли ... а может и нет. Император-то после этого на своей

женился. Никакие артефакты и не понадобились.

— Если предположить, что амулет так и не был найден, — в голосе Иллы появилось заметное оживление, — то он мог храниться у леди Арвиль.

— При условии, что это она его похитила, — продолжил рассуждение девушки Хиз. — Но это полная чушь. В сокровищницу так просто не попадешь. Там такая стража ... мышь не проскочит.

— А кто ее охраняет?

— Сейчас только дроу. Эти верны слову и долгу. Будут стоять насмерть, но чести не замарают. А раньше, говорят, на страже дворца и всех его сокровищ молодые аристократы стояли — проходили службу. Это было престижно.

— Откуда ты все это знаешь? — удивилась Илламэль. — Ты же еще очень молод.

Хиз взглянул на девушку и улыбнулся:

— У меня дядя владеет компанией, которая поставляет императору и его придворным драгоценные украшения. Род Фраббов занимается ювелирным делом уже много веков. У дяди сеть магазинов-мастерских по всей империи без счета разбросано. Поэтому он всегда в курсе самых интересных слухов, сплетен и достоверных историй из жизни высшего общества.

— А почему ты не работаешь в компании дяди?

Фрабб отвернулся к окну и ответил глухим голосом, явно повторяя чьи-то слова:

— Потому, что у меня руки не так поставлены ... и голова работает не в том направлении. Я, видишь ли, не гожусь для семейного дела.

— А твоя мама ... она тоже не подходит?

Илла постаралась смягчить вопрос ласковым голосом. Она видела, что Фрабб расстроился.

— Она же не урожденная Фрабб. Мой отец давно умер, я для дела дяди не годен — поэтому и пришлось заняться тем, что у нас лучше получается.

Хотя, знаешь, я, наверное, этому даже рад. У меня ведь действительно нет никакой тяги к кропотливому сидячему труду. Я слишком не терпелив. А это не приемлемо при изготовлении бесценных украшений.

В рудники идти я не хотел. Вот и нашел дело по душе и темпераменту.

— Понятно, — улыбнулась Илла. — Прости, если влезла не в свое дело ...

— Да ничего страшного, — махнул рукой молодой гном. — Я уже давно со всеми помирился. В гости хожу, на семейные праздники. К тому же нас с мамой не обидели: выделили отцову часть. Мы богаты и могли бы вовсе не работать. Но разве можно сидеть и ничего не делать? Гномы так не умеют. Вот мама и открыла доходный дом, чтобы быть поближе к народу, так сказать. А я пошел служить в Стражники — престижно и интересно.

— А сейчас ты тоже на службе?

— Ага. Меня лорд Марэт на время всего расследования к себе забрал. Он иногда так делает, если помощник требуется. Вообще-то он одиночка. Не любит, когда под ногами путаются. Но я ему часто помогаю, — в голосе гнома прозвучала гордость. — Он только меня у командира отряда и требует. Больше никому не доверяет.

На несколько минут в кабинете повисла тишина. Илла принялась в который раз перечитывать разложенные перед ней документы. Теперь она искала подтверждение словам гнома. Фрабб снова стал следить за мокрыми прохожими, пробегающими мимо окна. Было слышно как в приемной госпожа Гобнет — секретарь лорда Марэта — четким голосом

надиктовывала какой-то документ, который самописное перо тут же заносило в формуляр.

Дверь в приемную открылась, слышались быстрые уверенные шаги и через миг в кабинет ворвался лорд Марэт. Похоже, он совсем не умеет ходить нормальным средним шагом — только стремительно, как ветер.

В строгом полувоенном френче, черных брюках, заправленных в высокие мягкие сапоги. Широкий длинный плащ из легкой непромокаемой ткани застегнут на одном плече металлической пряжкой, оставляя правую руку свободной. У пояса меч и кинжал. Лорд Марэт всегда готов к отпору, всегда начеку. Весь его вид говорит: я никому не доверяю и всегда настороже.

— Что-нибудь удалось найти?

Марэт снял мокрый плащ и бросил его на подлокотник кожаного дивана, в два шага оказался у стола, схватил один из стульев, развернул и уселся верхом.

Илламэль кивнула:

— У Хиза есть интересная история с родовым артефактом Темных лордов. Думаю, к ней следует присмотреться — пока это единственное, что может пролить хоть какой-то свет на дело.

— Так, расскажи — кратко, только суть.

— Леди Арвиль в молодости была фавориткой императора. Когда он решил жениться на дочери короля Гнатта, она была забыта ...

— Дальше можешь не продолжать — я в курсе тех событий. Так ты думаешь, что леди похитила артефакт и все эти годы хранила у себя? В ордене каким-то образом об этом узнали, и Агавир Сайлл была подослана с целью выкрасть его?

Сомневаюсь.

Во-первых, расследование о похищении велось самым тщательным образом и не кем иным, а самим лордом Рьянном Толли — главой отдела внутренней безопасности. Причастность к этому делу леди Арвиль не была доказана, хотя многие, как и вы с Хизом, были уверены, что она в нем замешана. Во многом эти подозрения и стали причиной ее уединения. Она так и не оправилась после столь чудовищного обвинения.

Во-вторых, император никогда не давал повода своим фавориткам надеяться на что-то большее, чем роль первой придворной леди, пока он не женится. В этом ему было не отказать. Хотя, должен признать, досужие слухи о его неразборчивости и ходили по Империи. Он всегда ведет себя корректно, так что ни у кого из его дам не было причин для обиды. Зачем же леди Арвиль было мстить императору и лишаться столь почетного места, если она и так знала, что большего ей не светит? Не логично. К тому же все прекрасно знают, что императрица сама подбирает себе штат. В любом случае судьба леди Арвиль зависела не от императора.

В-третьих, роль самого артефакта слишком преувеличена. Императорская семья обладает такими сверхъестественными способностями, что в состоянии разрушить любые преграды, при условии, что избранница — истинная пара.

А женятся выходцы из миров Хаоса только ...

— Если любовь истинна, — перебил лорда Марэта Хиз. — Но это не может относиться к нашему императору, если он хотел жениться на человеческой принцессе. Ведь не станете же вы утверждать, что та уродливая девица покорила его сердце. Да там смотреть и то было страшно, не то, что жениться.

Марэт рассмеялся:

— Что верно, то верно: Изэль Рози Гнатт не отличалась ни умом, ни выдающейся красотой.

— Тогда в чем же причина такого решения? — удивилась Илламэль.

- Я думаю, нашему императору нужен был более широкий выход к океану. Ведь в те времена у него был только один порт. А королевство Гнатта растянулось вдоль всего побережья, лишая, таким образом, Империю больших преимуществ. В условия брачного контракта был внесен пункт, в котором оговаривалось, что половина прибрежных районов королевства после свадьбы должна отойти к Империи в качестве приданного.

— Так что император шел на жертву ради всеобщего блага, — опять встрял Хиз. — Народ это понимал, сочувствовал и гордился своим повелителем ... К тому же люди живут очень не долго, по сравнению с нами.

— Жаль, — сокрушенно вздохнула Илламэль. — Мне показалось, это была хорошая версия. А что вам удалось выяснить?

— Практически ничего. По документам Агавир Сайлл родилась в большой семье уличных артистов. В самом раннем возрасте была продана в один из монастырей ордена Спасения за право выступать во всех городах Империи с пьесами религиозного характера.

Илламэль удивилась: ставить спектакли с религиозной тематикой имели право только прославленные театры. Народ в империи очень набожен. Не смотря на различие рас, такие постановки всегда пользовались большим успехом и приносили хороший доход. Но уличным актерам было не по рангу играть столь ответственные роли. Табу распространялось на всех и за этим строго следили.

— И они выступали? — спросила она с большим сомнением.

— Недолго, — лорд Марэт саркастически усмехнулся. — Всего через пару месяцев их обвинили в неправильной трактовке какого-то канона, на этом все и кончилось — лицензию отозвали.

— А где сейчас эта семья? — спросил Хиз, оторвавшись от созерцания промокшей улицы.

— Бродит где-то по окраинам Империи, им запрещено появляться в больших городах.

— И дочь потеряли, и свое дело не поправили, — печально проговорила Илламэль. — Этот орден ... с этим нужно что-то делать. Они используют народ самым безобразным образом.

— Полностью с тобой согласен, — с жаром воскликнул Хиз, смотря на девушку восхищенным взглядом.

Лорд Марэт многозначительно хмыкнул и насмешливо посмотрел на не меру восторженного гнома. Хиз взглянул на него, залился краской и поспешно отвернулся к окну. Илламэль ничего не заметила, сидела, подперев задумчиво голову, и барабанила пальчиками по столу.

— Меня волнует один вопрос, — проговорила она, не отрывая взгляда от листа бумаги, на котором начерченная схема ресторана краснела кружочками с надписями. Ими были отмечены все находящиеся на тот момент в обеденном зале посетители и работники. — Кого Агавир Сайлл хотела или боялась встретить в ресторане?

— Это-то как раз и не загадка, — ответил Марэт. — Если она монахиня ордена, то была обязана вернуться в свой монастырь по окончании задания. Вероятней всего для этого она и явилась на встречу.

— А распорядитель что сказал? О ком она у него спрашивала?

— Ни о ком, спросила, осведомлялся ли кто о ней самой.

— Лорд Марэт, а можно еще раз взглянуть на ее сумку?

— Зачем? — удивился сыщик. — В ней ничего интересного не было.

— Да ... но убитая не хотела расставаться с ней даже после смерти.

— А мне интересно другое, — воскликнул Хиз, — сама ли она отравилась ... или ей все же кто-то помог?

— Магический поисковик не обнаружил следов кровахи ни в зале ресторана, ни на кухне, ни на ком-либо из работников. Посетители тоже были проверены. Все чисто. Но самое странное — на самой Сайлл тоже не было ни капли следа от яда. И как он попал в ее чашку — ума не приложу. В отделе расследований над этим тоже голову ломают. Так что в этом ваша версия, Илламэль, в корне не верна. Она себя не убивала. — Марэт двумя руками взъерошил густые влажные от дождя волосы, рассыпанные по плечам. — И такого странного дела ни у меня, ни у всего имперского отдела по расследованию убийств еще не было. Ни мотива, ни подозреваемых — ничего!

В этот момент на стене кабинета проявилась черная клякса. Она росла прямо на глазах и через минуту из нее выглянула чья-то мохнатая с зеленой кожей голова.

— Приветствую, — проговорила голова грубым хриплым голосом и окинула взглядом присутствующих в кабинете. Задержалась на мгновение на удивленно таращившейся на нее Илламэли, приподняла от восхищения широкие брови и повернулась к лорду Марэту. — У нас ЧП. Кто-то пытался выкрасть сумочку убитой.

Все, кто был в кабинете, вскочили со своих мест.

— Я сейчас буду!

Марэт схватил плащ и открыл в стене портал.

— А можно и мне с вами?! — воскликнула девушка.

Марэт оглянулся, на его лице отразилось сомнение, но потом он согласно кивнул:

— Только мигом.

Илламэль просияла от радости, выбежала в приемную и уже через мгновение стояла в накидном плаще рядом с лордом и Хизом Фраббом.

Кабинет отдела по расследованиям убийств Бугары оказался огромным помещением. В нем стояло множество столов, за которыми корпели над документами сотрудники. Несколько комнат были огорожены прозрачными перегородками, в них кто-то беседовал. Люди и нелюди деловито сновали туда и сюда, перед изумленной Илламэль. Кто-то кивал лорду, кто-то здоровался за руку. Все чем-то занимались. Над помещением стоял постоянный мерный гул голосов.

— Вы сегодня не один?! Ваша новая сотрудница? Наслышан.

Рядом с лордом остановился невысокий, но изящный и красивый как все лесные эльфы господин. Его золотистые волосы были заплетены в косу и лежали на плече. Светло-бирюзовые глаза заинтересованно оглядывали зардевшуюся от смущения Илламэль.

— Понимаю, лорд Марэт ... понимаю. Жизнь движется ... сердце просит ...

— Мне не интересно ваше мнение по этому поводу, лорд Эрвилл, — грубо и резко оборвал его рассуждения Марэт. — Давайте ближе к делу. Что тут произошло?

Лорд Эрвилл не обиделся на грубость Марэта, а расплылся в насмешливой улыбке и неожиданно игриво подмигнул Илламэль, от чего у нее удивленно распахнулись глаза.

Марэт глухо по-звериному зарычал, а Хиз непроизвольно схватился за кинжал.

— Ого! Даже так! — расхохотался эльф. — Милочка, да вам бежать от них нужно.

Иначе лорд Марэт засушит вас, словно прекрасный цветок и будет хранить в своем кабинете как в гербарии. Он же сам сухарь-одиночка и всем кто находится рядом с ним больше двух дней, насаждает свое неприязненное отношение к радостям жизни.

— Ближе к делу! — у Марэта кончалось терпение, и он ясно давал это понять всем своим мрачным видом.

— И вы даже не представите меня своей несравненно-прекрасной сотруднице? Где ваши манеры, лорд Марэт.

Казалось, лорд Эрвилл совершенно не обращал внимания на раздражение Марэта ... или специально провоцировал его.

Илла с изумлением наблюдала эту неприятную сцену.

А Марэт вдруг успокоился и, повернувшись к Илламэль, проговорил:

— Госпожа Ивитт, позвольте представить вам лорда Иллерия Эрвилла ... главу отдела по расследованию убийств, а по совместительству хладнокровного сердцеда и безжалостного ловеласа, разбившего не одно доверчивое сердце.

— Надо же, а я и не знал, что вы такого высокого обо мне мнения, — снова хохотнул лорд Эрвилл.

— У нас разные понятия о «высоком», — холодно огрызнулся Марэт.

— Несомненно. Госпожа Ивитт, чрезвычайно рад знакомству, — эльф кинул на Марэта лукавый взгляд, схватил Илламэль за руку и прильнул к ней губами. — Для вас я только Иллерий. Я покорен вашей красотой и отныне ваш верный смиренный слуга и поклонник.

— А давайте посмотрим, что же там все-таки произошло, — попросила Илламэль, вынимая руку из тонких трепетных пальцев эльфа.

— Вы разбиваете мне сердце своим равнодушием! — воскликнул эльф и вдруг совершенно преобразился. Теперь перед Иллой стоял серьезный и сосредоточенный человек. — Ничего особо страшного не случилось. Кто-то попытался проникнуть в камеру хранения вещественных доказательств. Наши датчики их засекли. Но вот что интересно — налетчики были не материальны.

— То есть духи?! — не поверил лорд Марэт.

— Именно. Причем, возрожденные.

— Это уже серьезно.

— Еще как.

— Вы забрали сумку из камеры?

— Конечно. Она в моем кабинете. Ее охраняет Брус.

— Хорошо.

Мужчины направились вдоль столов к одной из стеклянных комнат, Илла и Хиз последовали за ними.

Кабинет лорда Эрвилла оказался удивительным и совершенно не подходящим для столь серьезного учреждения как главный отдел столицы по расследованиям убийств. В нем стоял длинный узкий полукруглый диван, сплетенный из тонкой лозы. На стенах висели картины с изображением девственного леса. Большой стол из живого дерева — из его боковин росли тонкие веточки, на которых зеленела листва — был центром сказочного островка. Стены, углы и да просто все пригодное пространство оказалось во власти цветов, маленьких деревьев, декоративных кустов. На ветках висели небольшие клетки с птицами. Даже с потолка свисали лианы, с красивыми прядями ажурного полупрозрачного мха. Входящий сюда попадал в маленький уголок волшебного царства лесных эльфов.

— Это просто невероятно! — восхищенно воскликнула Илламэль.

— Рад, что вам понравилось, — тут же отозвался лорд Эрвилл. — Присаживайтесь.

Илламэль сделала всего пару шагов вслед лорду Эрвиллу, который быстрым шагом прошел к столу и сердито поднял сумку за одну ручку, когда корявое, лишенное листьев дерево, что находилось у самого стола неожиданно открыло глаза и взглянуло на девушку пронзительным изучающим взглядом.

От неожиданности Илламэль едва не закричала и непроизвольно схватилась за руку лорда Марэта. Тот моментально напрягся и укоризненно взглянул на девушку. Она смешалась, покраснела и отскочила от него, как будто ее кипятком ошпарили. Лорд Эрвилл ничего не заметил, но гном недовольно поджал губы. Он был раздосадован, что шел позади девушки и не смог предложить ей защиту.

Эльф оглянулся и, увидев ужас на лице Илламэль, воскликнул:

— Не бойтесь, это Брус. Дух древнего леса и моя личная охрана, так сказать.

Затем он вытянул перед собой руку с сумочкой, позволяя всем ее рассмотреть:

— Не представляю, зачем она кому-то понадобилась! Мы проверили ее всеми возможными средствами. В ней ничего нет. Вот, смотрите сами.

Он повел другой рукой вдоль сумочки, и ее кожа начала постепенно исчезать. Стали видны все швы, загибы и заломы. Каждый стежок, каждая складочка. Сумка действительно была пуста. Никакая даже микроскопическая записочка или же надпись на самой коже или подкладке не могли остаться не замеченными.

Лорд раздраженно бросил сумку на стол.

— Зачем ее красть, если она пуста?!

— Ну...возможно тот, кто послал за ней духов не знает об этом, — робко предположил Хиз.

— Не говори ерунды, — отмахнулся раздраженно эльф. — Подчинить себе возрожденного духа все равно, что укротить огненного дракона. Тем более нескольких. На это не каждый способен. Значит тот, кому они принадлежат невероятно силен и далеко не простак. И он прекрасно понимает, что мы выпотрошим эту злосчастную сумку до ниточки.

— А может, он это знает, но уверен, что мы не найдем то, что ему нужно, — тихо прошептала Илламэль. Она, медленно и с некоторой опаской поглядывая на живое дерево, подошла к столу. — Вы позволите?

— Если вам угодно, — проговорил лорд Эрвилл и иронически улыбнулся.

Илламэль взяла сумочку и неожиданно для мужчин вывернула ее наизнанку. Потом внимательно оглядела все швы и попросила:

— Можно мне нож или что-нибудь другое — тонкое и острое.

Хиз тут же подал ей свой огромный кинжал, но она только отрицательно качнула головой. Тогда лорд Эрвилл протянул тонкий костяной нож для бумаги.

Теперь мужчины сгрудились вокруг девушки и с интересом наблюдали за ее действиями. А она осторожно поддела кончиком ножа ниточку на шве подкладки и потянула на себя. Шов разошелся. Илла вывернула подкладку, на ней ничего кроме потаенного узора на шелке не было видно. Но девушка не разочаровалась, а поднесла тонкую ткань к зажженной лампе. Узор вспыхнул ярче и в его плетении стали видны буквы, выписанные ажурными завитками и органически вписывающиеся в общий рисунок. Такую узорную надпись никакой магический поисковик вычленить не был в состоянии.

— О ... ё...

Выдохнул пораженно лорд Эрвилл.

— Госпожа Ивитт, приглашаю к себе в отдел. Согласен на любые условия ...

— Эрвилл! — предостерегающе рыкнул Марэт.

— Вот почему все лучшее всегда достается тебе?! — не унимался эльф, но сам тем временем быстро выписывал буквы на лист.

Через несколько минут подкладка была выпорота и обследована самым тщательным образом. Все буквы записаны в одну строку, но это ничего не давало — для начала нужно было составить из них более-менее понятный текст.

— Полагаю, вопросы о том кто и как убил Агавир Сайлл, закрыт, — негромко проговорил Марэт, переписывая буквы в свой блокнот.

— Само собой. Отнесу дешифровальщикам. Пусть пошевелият мозгами, — лорд Эрвилл схватил листок и скорым шагом направился из своего кабинета. — Подождите меня, пообедаем, обсудим. — На ходу бросил он и снова весело подмигнул Илламэль.

Марэт ничего не ответил на приглашение, он внимательно изучал свой лист с буквами, но краем глаза проследил за реакцией Илламэль на вольность лорда Эрвилла.

Девушка казалась больше раздосадованной, чем довольной вниманием ветреного эльфа. Губы Марэта едва заметно дрогнули в усмешке.

Глава 6

Доходный дом госпожи Фрабб — большое многоэтажное здание с множеством наружных украшений и навесных балконов. Здесь проживает довольно много квартирантов. Почтенная гнома с большим уважением относилась к лорду Марэту, поэтому предоставила вниманию Илламэль все лучшее, что у нее было. Несколько показанных ею квартир поражали убранством и размерами, но девушка выбрала скромную двухкомнатную квартирку под самой крышей с маленькой кухней и ванной. Вид из окон и с балкона открывался просто великолепный: небольшая закругленная лагуна с острым и обрывистым мысом, выдающимся далеко в океан с одной стороны и более закругленным и пологим с другой.

Улица, на которой стоял дом, пролежала по самому верху большого длинного холма, который обрывался в океан желто-серыми скалами с тонкой золотистой полоской пляжа. Перед домом раскинулся небольшой парк.

Вечер давно размыл в туманных сумерках очертания домов, деревьев, приглушил яркий свет фонарей.

В камине ярко пылал летний слабогреющий магический огонь, едва слышно потрескивали поленья из морского топляка, создавая причудливые сине-зеленые языки пламени.

Илламэль сидела в глубоком мягком кресле у окна. На коленях лежал целый ворох исписанных листов, на которых она несколько часов подряд подбирала варианты тайного послания.

н а п у а ы ц а н ы л ь и л е с у ь н ь к м н

Пальцы у мельника

У мельницы камень ...

Луна и лунка ...

Усы мельника ...

Пыль, сыпь, лес — и прочее, прочее ...

Десятки проб, но ни одна не вмещала в себя все буквы.

Илла попробовала поочередно приставлять буквы одна к другой, просто выискивала знакомые слова. Но ничего путного у нее не выходило. Наконец, раздосадованная неудачей она смахнула одним резким движением все листы в камин.

Подошла к окну и несколько минут бездумно всматривалась в мутный свет фонаря, который был едва виден в плавающих клубах тумана.

Свет мерцал, переливался, мигал неясными бликами, принимая странные оттенки.

«Как диковинный драгоценный камень», — подумалось девушке.

Невольно ей на ум пришло, что она уже где-то видела нечто подобное...

В монастыре! Она прислуживала молоденькой куалми. Обратню-рыси. У той был камень-талисман с таким же мерцающим загадочным сиянием.

И вдруг Илле в голову пришла идея оттолкнуться от особенностей рода леди Арвилль. Она была цейликан, то есть принадлежала к бастетам. А талисманом в кланах кошачьих оборотней являются различные камни с особым рисунком — то есть кошачий глаз. Они украшают ими интерьеры, носят в виде украшений. В общем, он у них повсюду.

Если предположить, что артефакт императора находится все же в поместье леди Арвилль, то он должен быть в тайнике. А тайник, несомненно, будет отмечен подобным родовым камнем. И им нужно только найти это потайное место.

Илламэль схватила чистый лист и быстро набросала названия минералов, которые считались «кошачьим глазом». У нее набралось несколько таких камней: апатит, кварц, аквамарин, лунный камень, турмалин и скаполит.

Следом выбрала из шифровки буквы, составляя слова. Лучше всего подошло «лунный камень». Получилось!

Несколько оставшихся букв уже легко сложились в единственно верное слово — «усыпальница».

«Усыпальница. Лунный камень»

Илламэль с удовольствием посмотрела на результат своего труда и довольная собой улеглась спать. Но сон все не шел. Что-то беспокоило девушку, не давало уснуть. Проворочавшись в постели около часа, Илла зажгла светильник, взяла блокнот портальной почты и во всех подробностях описала события сегодняшнего дня. Она всегда описывала для тетушки Ми все, что с ней происходило. Та отвечала ей интересными пространственными письмами и не навязчиво давала советы. Привычка писать единственному человеку, который не только принял ее как родную, но и помог устроиться в этом мире, стала для Иллы ежедневной потребностью.

Обычно Илла писала тетушке по утрам, просыпаясь по монастырской привычке еще до рассвета. Сегодня же она не могла уснуть и решила отправить послание глубоким вечером. В конце письма Илла спросила, слышала ли тетушка Ми что-нибудь о семье леди Арвилль?

Отправив послание, Илламэль тут же уснула.

Утро выдалось солнечным. Радостный крик чаек над заливом врвался в открытое окно, приятный теплый ветерок шевелил прозрачные занавеси. Илламэль сидела за столом своей крошечной уютной кухоньки и пила чай. Перед ней лежало письмо от тетушки Ми.

«Дорогая Илламэль, я рада, что у тебя все хорошо. Мне нравится, с каким рвением ты взялась помогать лорду Марэту. Он достойный человек и на него можно положиться.

Лорд Эрвилл не такой легкомысленный, как хочет показаться. Просто у них в Марэтом

произошло разногласие на почве разных отношений к дамам. Ничего серьезного — простая пикировка. По большому счету они друзья и придут на помощь друг другу в любом случае. Лорд Эрвилл благороден, тебе не следует его опасаться — главное слушай сердце. Оно знает...

Что касается леди Арвилль...

Древнейший род, берущий начало еще от первобытных племен пещерных львов. В семье строгий матриархальный уклад. До недавнего времени во главе рода стояла Линд Арвилль. После смерти Линд этот пост заняла ее старшая дочь Этн Арвилль.

Но, как я понимаю, эти сведения ты уже известны. Думаю, тебе интересно побольше узнать о ныне покойной леди Линд.

Так вот:

Линд с самого первого выхода в свет стала признанной красавицей Империи. Она была принята в штат первых леди и долгое время считалась любовницей императора. На самом деле все было не так. У леди Линд была тайная связь с адъютантом Его Императорского Величества — лордом Гьорн. Их роман тщательно скрывался, ведь по этикету первая леди не имела права оказывать внимание кому-либо еще кроме императора. Но, так или иначе, дело все равно завершилось бы свадьбой, потому как император уже был помолвлен и после его свадьбы служба леди Линд прекращалась. Ведь ни у кого не вызывало сомнений, что некрасивая и злобная принцесса Гнатт не потерпит красавиц подле себя.

Но накануне свадьбы императора лорд Гьорн погиб при самых загадочных обстоятельствах. В то время, надо сказать, во дворце вообще творилось много необъяснимых и загадочных происшествий. Одно дело с пропажей свадебного артефакта Темных, что стоит. И эта кража не была единственной. Тогда много что пропало из дворцовой сокровищницы. Но на фоне хищения амулета столь большого государственного значения это как-то было упущено из виду.

Несколько странных убийств верных соратников молодого, только что взошедшего на престол правителя. Вспыхнувшие восстания на окраинах страны. Предательство старых, казалось бы, проверенных временем и делом генералов. Разрыв помолвки и испорченные отношения с соседним государством, последовавшая за этим война — вот лишь малая часть того, с чем пришлось столкнуться новоиспеченному правителю и его верным помощникам — лордам Гуррэну Шангу и Рьянну Толли. Они предотвратили государственный переворот, раскрыли несколько заговоров, но не смогли сделать одного — зачинщик всего этого безобразия так и не был найден.

Уход леди Линд с придворной арены добавил подозрений на ее счет в деле кражи артефакта — все думали, что она без ума от императора и решилась на столь отчаянный шаг, чтобы помешать его свадьбе.

Но мы-то с тобой теперь знаем, что это не так. И все же я бы не спешила сбрасывать со счетов род Арвилль. Все внимание было приковано к Линд Арвилль, но никто не заметил в ее тени младшую сестру — Еллу Арвилль. А ведь она в то время тоже была во дворце и занимала весьма высокий пост помощника личного секретаря Его Императорского Величества.

Елла сильно отличалась от Линд, как внешностью, так и воспитанием. Она не была дурнушкой, скорее сдержанной в обращении и одежде леди, не приемлющей косметики и блеска. Была строга, сдержана, очень образована. Перед выходом в свет несколько лет воспитывалась в одном из закрытых монастырей ордена Спасения.

Когда Линд вернулась в поместье, Елла тоже оставила службу. Но вскоре после этого внезапно умерла от разрыва сердца. Что само по себе очень странно — Елла была молода, энергична и совершенно здорова. Именно она помогала сестре пережить горе и взяла на себя управление поместьем, ведь их мать к тому времени уже совсем состарилась.

Вот и все, что мне известно об этой семье. Надеюсь, эти сведения помогут вам раскрыть столь загадочное дело.

Передавай от меня привет и наилучшие пожелания Кифу. Скажи, я помню и люблю его. Твоя тетушка Ми».

Илла несколько раз перечитала письмо. Теперь она была уверена, что разгадка близка.

Неожиданный стук в дверь прервал ее размышления. Девушка поспешила открыть, полагая, что это пришла госпожа Фрабб. Но вопреки ожиданиям в ее гостеприимно распахнутую дверь попыталась протолкнуться чья-то свернутая комом огромная и настолько мохнатая шкура, что за ней не было видно того, кто ее несет.

— Простите, а вы не ошиблись дверью? — вежливо осведомилась Илламэль.

За косматым кулем кто-то натужно промычал и надавил еще сильнее. Шкура протиснулась на несколько сантиметров, а потом рухнула к ногам растерявшейся девушки. Сверху на нее упал красный от напряжения и смущения Хиз.

— Вот ... тебе, — задыхаясь, проговорил он. — Еле дотащил. Тяжелая. — Гном в сердцах пнул куль сапогом.

Илла в изумлении смотрела на Фрабба и тщетно пыталась скрыть улыбку.

— А почему ты сам ее тащил, а не использовал левитацию?

— Так положено ... в некоторых случаях. Скоро зима и шкура мастодонта у камина — самое то.

— Спасибо.

Илла не знала, что делать: ей очень хотелось оставить у себя шкуру, но она не знала, имеет ли на это право. Не поймет ли Фрабб все не так, как хотелось.

— Фрабб, — Илла запнулась, — ты мой самый лучший друг. Правда. Но мне как-то неловко. — Она указала на огромную шкуру, которая уже расползлась на полкомнаты. — Что скажет твоя матушка. Это наверняка очень дорогая вещь.

— Ага. Шибко дорогая, — расплылся в довольной улыбке гном. — Для меня особенно. Я сам ее добыл. На инициации.

Гном горделиво расправил плечи и выставил грудь колесом.

— Что?!!

Илла резко отступила на несколько шагов и едва не упала, наткнувшись на диван. Шкура, добытая гномом на инициации, дарится при помолвке нареченной невесте в качестве подарка.

— Хиз, я не могу ее принять!

— Почему? — гном удивленно и обиженно посмотрел на испуганную девушку. — Я же от чистого сердца.

— Но ты же знаешь, что это значит ... Хиз, — умоляюще прошептала Илла. — Я не готова к принятию такого решения. Ты мне нравишься, но только как друг.

Гном задумчиво почесал затылок, посмотрел на Иллу, потом перевел взгляд на шкуру мастодонта, прикидывая, наверное, как потащит ее назад и вдруг расхохотался:

— Илламэль, я восхищаюсь твоей красотой. Я готов отдать за тебя жизнь. Ты мне очень нравишься, но у меня уже есть невеста. Моя милая Инг. Мы давно помолвлены.

— Но ты же сказал, что добыл ...

— Точно, сказал, но Инг я подарил шкуру гораздо более опасного хищника — саблезубого тигра. А это так — пришлось к месту во время той охоты.

— Уф-ф, — облегченно выдохнула девушка. — Ты меня жутко испугал. — Призналась она. — Не делай так больше.

— Но это все-таки кое-что значит, — торжественно ответил гном и серьезно посмотрел на Илламэль.

— И что же? — опять насторожилась она.

— Я хочу, чтобы ты стала моей названной сестрой. У тебя никого нет. Кто же поведет тебя к алтарю, когда настанет время? Так не полагается.

Илламэль от избытка чувств не могла вымолвить ни слова. На одну долгую минуту она застыла, а потом бросилась к гному и крепко обняла его. Из ее глаз брызнули слезы.

— И как это понимать? — голос лорда Марэта раздался так неожиданно, что Илламэль и Хиз так и подскочили на месте.

Илламэль обернулась, а Хиз выглянул из-за ее плеча. Голова лорда торчала из темной кляксы на стене. Его взгляд метал громы и молнии, в то время как он переводил глаза со шкуры на все еще обнимающуюся парочку.

— Все не так как кажется, — воскликнула Илламэль отстраняясь от Хиза, но, не выпуская его руки из своей. — Хиз только что принял меня в названные сестры. Теперь у меня есть семья.

Глаза девушки сияли радостью.

— Это верно! И я давно мечтала о дочери.

В дверях квартиры стояла госпожа Фрабб с большим блюдом с пирогами, которое она удерживала в воздухе перед собой.

— Идите, лорд Марэт, с нами чай пить, пока пироги не остыли. А то вам и поесть-то некогда — все на бегу, да в спешке.

Голова лорда исчезала в стене, а через несколько минут он вошел через дверь квартиры. Илла дала разрешение лорду Марэту создать окно связи в своей гостиной, но войти в дом госпожи Фрабб через портал он мог только где-то в другом месте.

Марэт жестом приподнял над полом мебель, а Хиз подманил к себе шкуру, и она сама растянулась у камина. Когда стол был установлен на свое место — в центре небольшой гостиной — Илламэль призвала из кухоньки чайный сервиз, который недавно купила. Чай уже был заварен и жал когда ему прикажут наполнить собой чашки.

Девушка все никак не могла стереть радостной улыбки со своего лица. На ее щеках появились ямочки, и горел румянец.

Но как только все уселись за круглым столом, Илла уже не могла сдержать новой радости — ведь она почти раскрыла это невероятное преступление. Ей так хотелось поделиться новостями с лордом Мартом и Хизом, что она все время вертелась и нетерпеливо поглядывала на неспешно жующего пироги сыщика. Но лорд Марэт в первый же день ее работы предупредил: за границами кабинета или в присутствии посторонних о деле ни слова.

Лорд Марэт тоже иногда бросал на нее странные взгляды. Илламэль была уверена, что он также имеет, что рассказать и от этого ее нетерпение только возрастало.

Но вот с чаем, наконец, покончено. Поблагодарив госпожу Фрабб за угощение, они сошли в холл. Лорд открыл портал и отступил в сторону, чтобы Илламэль и Хиз могли

перейти в его кабинет.

Как только они оказались в недоступном для чужих ушей месте Илла выпалила:

— Я расшифровала запись! И знаю где тайник! Вот.

Лорд Марэт прошел к столу, неторопливо уселся и потребовал:

— Рассказывайте.

Илла, спеша и краснея волнения, поведала о своей находке и вкратце пересказала том, что ей написала тетушка Ми о семье леди Арвилль.

Марэт выслушал, не перебивая, только время от времени заносил в свой блокнот какие-то пометки.

После того как Илламэль замолчала, он несколько долгих минут молча смотрел на все больше смущавшуюся девушку и вдруг спросил:

— Вы все еще собираетесь накручивать дамам локоны и красить им ногти?

— Я?

Илла опешила от такого вопроса и не знала, как на него ответить. Вообще-то расследование так ее увлекло, что она просто не задумывалась, что будет после раскрытия преступления.

— Вы могли бы остаться в моем штате и параллельно учиться. Скоро начнутся вступительные экзамены в Академию внутренних дел. Вы бы могли выбрать профессию следователя или любую другую, которая вам больше понравится. У вас определенно есть талант к раскрытию таких дел. К тому же это дает вам несколько преимуществ: гособеспечение студентов: хорошая стипендия, бесплатное общежитие, трудоустройство после окончания учебы. Вы молоды и у вас все впереди, было бы не разумно отмахиваться от такой возможности. Подумайте Илламэль.

— Соглашайся, сестра, — подхватил Хиз. — Жить будешь по-прежнему у нас. Мама не позволит тебе ютиться в общежитии. Работать вместе будем ... когда я буду нужен лорду Марэту. Давай, а?

— Уверен: вы справитесь. — Подначил ее Марэт. — С поступлением я посодействую — дам направление. Если что — подключим и Эрвилла. Он не откажет в помощи.

— Я ... право ... это так неожиданно, — неуверенно прошептала Илламэль.

— Во всяком случае, у вас еще есть время подумать ... примерно дня два. Потом нужно подать документы и начать усиленно готовиться к вступительным испытаниям. У вас осталось на это всего полтора месяца, но я помогу. Отбор в академию строгий. И конкурс для поступающих достаточно высок, но я убежден: вам это по силам.

— Хорошо, я обещаю подумать, лорд Марэт. — Илламэль была озадачена таким предложением, но мысль уже вошла в ее сознание и она знала, что будет упорно думать над этим. Ведь это было лучшим, что с ней случилось за всю ее жизнь. — Спасибо, что верите в меня.

Глава 7

— Лорды слишком надеются на магию, — прошептал Хиз. — Они привыкли, что магические поисковики легко находят улики. В Империи магия используется жителями всех сословий. Прикладная, боевая, бытовая — она повсюду. Поэтому сыщики не слишком утруждают себя. Они задаются лишь тремя вопросами: откуда, куда, зачем. Все. А ты первая, кто задает другие вопросы и пытается найти на них ответ. Это сбивает их с толку и ...

привлекает внимание. — Гном кивнул в сторону совещающихся за столом лордов Марэта и Эрвилла. — Они заинтригованы твоими необычными выводами и нестандартным подходом к делу. — Хиз усмехнулся. — Это хорошо и плохо.

— Почему плохо? — так же шепотом спросила Илламэль.

— Заинтересованность может перерасти в нечто большее. Поверь: я знаю. А подобное внимание лордов чревато многими неожиданностями. Особенно если они столь могущественны как эти, — гном снова указал на сыщиков. — Один вервольф, причем единственный выживший из всего клана. А это значит, в нем собралась вся мощь его предков. Другой — лесной эльф, это уже само по себе о многом говорит, но ... он сын великого Элльва. Самого могучего из эльфийских магов и правителей Вечного леса. Поэтому лорд Эрвилл так силен, что может поспорить даже с лордами Хаоса.

Илламэль испуганно взглянула на склонившихся к столу лордов. Ничего себе! А она даже и не подозревала, что Марэт оборотень. О лорде Эрвилле она вообще ничего такого не знала.

— Но ты не бойся: у тебя еще есть пара-тройка лет, — усмехнулся Хиз.

— Для чего?

— Чтобы подрасти ...

Лорды разом повернули к ним головы. Илламэль тут же отвернулась, а Хиз лишь пожал плечами.

Марэт пригласил лорда Эрвилла на совещание. Они не могли просить у леди Этн Арвилль разрешения на осмотр родовой усыпальницы — для этого у них слишком мало улик. Да они и не сумели бы внятно объяснить, почему им понадобилось осмотреть могилы Линд Арвилль и ее давно умершей сестры Еллы, если погибла лишь служанка одной из них.

В Империи чтут предков, и потревожить их покой — большой грех. Для нарушения запрета требуется гораздо больше, чем просто записка, пусть даже и тайная.

К тому же, ничто не указывало на то, что строки, найденные Илламэль, относятся непосредственно к усыпальнице рода Арвилль. Лунный камень — наследственный амулет многих аристократических семей.

По лицам лордов, было видно, что они зашли в тупик.

— Знаешь, Хиз, а бы не прочь прогуляться ночью по кладбищу, — как можно равнодушной проговорила Илламэль немного громче почтительного шепота. — Говорят, в темноте многие усыпальницы смотрятся намного красивее и таинственнее, чем днем.

К тому же охрана, как правило, крепко спит, если на ужин ей преподнесли хорошего вина.

Лорды стремительно развернулись и вместе с гномом изумленно уставились на девушку.

— А что? — невинно захлопала она ресницами. — Разве это преступление? Ну, подумаешь — немного заблужусь, забреду не в ту сторону. За это не казнят.

— А в этом что-то есть, — прошептал Марэт. — Сделаю ночную вылазку. С охраной улажу. Тебе со мной нельзя, — он обернулся к лорду Эрвиллю, — ты официальное лицо.

— А нам?! — обеспокоенно воскликнула Илламэль.

— Это опасно, — отрезал Марэт.

— Но это же я предложила! — запротестовала девушка. — Это моя идея. Так не честно.

— Я сказал — нет. Не хватало еще, чтобы вы ночью болтались по кладбищам.

— Госпожа Илламэль, подумайте о своей репутации, — засмеялся эльф. — Ночью.

Одна среди мужчин. Что скажут добропорядочные обыватели?

— А как в таком случае я буду вести с вами расследования, лорд Марэт? Или вы позволите мне только в кабинете сидеть?

Илламэль надулась и демонстративно отвернулась к окну.

— Тогда как разница, чем я буду заниматься: ногти красить или бумажки перебирать? В первом случае, думаю, повеселее будет, — пробурчала она обиженно.

Несколько минут все упрямо молчали.

— Хорошо, — хмуро прорычал Марэт, но от Фрабба ни на шаг.

Гном удивленно приподнял бровь и многозначительно взглянул на просиявшую девушку. От ее улыбки на щеках вновь появились ямочки.

Мужчины дружно подавили вздох.

Кладбища в Империи — особое место. Хоронили здесь без какого-то четкого плана. Народ, как правило, не слишком заботился, к какой расе относится сосед по последнему упокоению родственника. Не было здесь и различий в сословиях — могила простого сапожника, к примеру, могла примыкать к надгробию купца. Так было повсюду. За одним исключением — аристократия предпочитала хоронить своих усопших только в столице и в глубоких подземных усыпальницах, входы в которые оформлялись изящными надземными сооружениями.

Поскольку точки переноса непосредственно на кладбище у Марэта не оказалось, им пришлось воспользоваться извозчиком. Быстроногие ящеры — дарбы вмиг домчали крытую коляску до ворот кладбища, которое пряталось за высоким забором из природного камня, зарослей вековых тисов и густого кустарника.

Марэт вопреки ожиданиям Илламэль не пошел к будке сторожа, в окошке которой мигал тусклый одинокий огонек посреди почти крошечной темноты — конец месяца, время безлунья. Наоборот он отошел подальше вдоль ограждения и скрылся среди деревьев и кустов.

— Идите сюда! Побыстрее, — слышался его глухой голос через несколько минут.

Хиз схватил Иллу за руку и потащил за собой. Как только они приблизились к забору, она различила в темноте узкую щель. Лорд применил запрещенную магию и проделал временный лаз.

— Давайте, живо, — тихо приказал Марэт с другой стороны.

Илле вдруг стало смешно: они сейчас похожи на банду заговорщиков или воров. Она едва подавила нервное хихиканье и юркнула в пролом, опираясь на руку лорда Марэта. Гном не отставал, и вскоре они оказались среди невысоких надгробий, величественных печальных памятников и целых миниатюрных дворцов, поражавших великолепием.

Ночное небо смотрело миллионами звезд, тысячи крохотных светлячков порхали среди клумб, раздавалась оглушительная трель сверчков. Им вторила какая-то ночная птица. Вдалеке ухала сова, и время от времени жутко хохотал филин.

— Ждите здесь, я найду усыпальницу и выпущу вестника, — отдал распоряжение сыщик и тут же исчез среди буйно разросшихся кладбищенских насаждений.

Хиз прошел немного вперед, ведя Илламэль за руку, и указал на скамейку возле какого-то полуразрушенного склепа.

— Давай присядем, ждать, возможно, придется долго. Но сам он управится быстрее,

чем тобой.

Когда девушка уселась и расправила складки длинного накидного плаща с капюшоном, гном усмехнулся:

— Опасная ты женщина, Илламэль Ивитт. И еще опасней от того, что сама даже не представляешь, каким оружием обладаешь.

Илла недоуменно взглянула на гнома:

— О чем ты?

— Никогда не видел, чтобы легендарный лорд Марэт менял свое решение, а ты несколько раз заставила его сделать это.

Илла пожала плечами:

— В одних случаях я просто попросила, в других — доказала, что он в корне не прав. Вот и все. Он разумный человек, почему бы ему не поменять решение, если оно не верно? Не вижу ничего опасного.

— Вот и я о том же, — тихонько рассмеялся страж.

Внезапно среди темных зарослей, окружавших место, где сидели Хиз и Илла загорелись чьи-то глаза. Красные и жуткие, перемещавшиеся с места на место. Девушка вздрогнула и схватилась за гнома.

— Ой! Кто это?

Фрабб успокаивающе сжал ее руку, но сам положил ладонь на рукоять меча. Кусты зашуршали, и на тропинку выскочил пес. Тощий, с поджатым хвостом и длинным черепом без шерсти. Собака злобно оскалилась и присела на задние лапы, как будто готовилась к нападению. Вслед за ней на открытое место вышло еще с десятков подобных тварей. Они окружили Иллу и Хиза со всех сторон и уставились на них горящими глазами.

— И шлятся, и шлятся, — раздалось вдруг ворчливое из-под развалин склепа. — И чего, спрашивается, шлятся? Дня им мало. Спать не дают. Развели тут беседы...

Илла едва не закричала от ужаса, когда из-под обломков склепа показалась чья-то седая лохматая голова. Хиз вскочил и загородил ее собой.

— Слышь, гном, у тебя табачку не найдется?

Из темного провала вылезла старуха в грязном рванье.

— Не курю, — растерянно прошептал Хиз.

— А вы чего тут? ...

Оборванка обвела кладбище мутным взглядом, задержалась на секунду на собаках и вдруг громко цыкнула: тварей как ветром сдуло.

— По делу, — проговорил Хиз.

— Ну да, ну да ... куда ж по делам-то ночью ходить, как не на кладбища, — прошамкала старуха и опять утонула во мраке склепа.

— Хиз, пошли поисковик, а? — жалобно попросила Илла. — Не хочу я здесь сидеть.

Хиз, видимо, и сам был не прочь убраться подальше от полоумной нищенки. Без лишних слов он взмахнул рукой, и несколько крохотных мерцающих шариков сорвалось с его пальцев. Они покружили над их головами и разлетелись веером.

Фрабб предложил пойти по одной из аллей, и они двинулись вглубь кладбища, прижавшись почти вплотную. Илла была так напугана, что ей было не до приличий. Хиз тоже, казалось, этого не замечал. Перед ними в воздухе висел маленький световой шар.

Илламэль невольно вчитывалась в эпитафии. И надписи типа: «Милые дети, здесь ваша мать. К вам не вернусь я, а буду вас ждать» не добавляли оптимизма.

Далеко в середине кладбища вдруг загорелся красный огонек, немного в стороне от тропинки, по которой шли девушка и гном.

— Вон. Смотри, — указал на маячок Хиз. — Это Марэт. Пошли скорее.

Им понадобилось больше получаса, чтобы добраться до усыпальницы рода Арвилль и это притом, что они почти все время бежали по запутанным дорожкам ночного погоста.

Сыщик ждал их перед склепом. Толстая чугунная решетка, что перекрывала вход, уже была снята и стояла рядом. Лорд Марэт нетерпеливо махнул рукой и молча скрылся в сумрачном чреве небольшого изящного строения с аркадами и статуями плакальщиц.

Гном пропустил девушку вперед и, оглянувшись по сторонам, нырнул следом. Маленький квадратный зал усыпальницы с каменными скамейками по сторонам освещался небольшим неярким шаром. В нишах стояли бюсты усопших рода Арвилль. Посреди зала высился мраморный помост. Все это было украшено искуснейшей резьбой и орнаментом.

— Я спущусь в подземелье, а вы осмотрите здесь все как следует. Возможно, тайник в этом зале.

Отдал короткое распоряжение Марэт и скрылся в провале, вход в который чернел за помостом. Решетка, перекрывающая его, тоже уже была снята — лорд времени зря не терял.

Илламэль медленно двинулась вдоль стены, вглядываясь в застывшие слепые скульптурные бюсты. Мужчины, женщины, дети. Одни взирали на нее со снисходительным величием, другие с грустной иронической улыбкой. Третьи с печальной отрешенностью.

— Илламэль, я, кажется, нашел леди Еллу, — негромко позвал Хиз.

Девушка обернулась и ... закричала не своим голосом: позади гнома в воздухе повисло полупрозрачное чудовище!

Доли секунды хвалило гному, чтобы понять что происходит. Через мгновение он оказался перед Илламэль, загородив ее собой. В его руке сверкал красным пламенем магический меч.

Возрожденный дух пустынного орка был огромен. Оскаленная пасть, острые когти, сверкающие огнем глаза — страшноватое зрелище даже для боевого мага.

Орк рванул вперед. Гном не остался в долгу и встретил его острием меча и огненным шаром.

Ожесточенная схватка длилась уже несколько минут, а лорд Марэт все появлялся. Хотя невозможно представить, чтобы он не слышал испуганного вопля Иллы. Подземелье равнодушно молчало — ни света, ни звука.

Девушка с ужасом наблюдала за битвой: куда делся молодой и немного застенчивый гном? Вместо него сражался уверенный в себе, хорошо тренированный и умелый страж. Его меч был повсюду. Четкие удары, резкие выбросы магических заклинаний. Он удерживал духа на расстоянии.

Но и полупрозрачный орк отвечал не менее сильными атаками. Потoki темной энергии беспрерывно срывались с его пальцев, окружая и тесня гнома все ближе к стене.

В какой-то момент Илла вдруг осознала, что дух орка хочет прорваться именно к ней, а Хиз удерживает его на расстоянии. При этом страж не хочет уничтожать духа, он его ... отвлекает?!

Что он творит?!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Наконец из подземелья послышался шум: грозное рычание попеременно с глухими ударами, вскриками и стонами.

К ужасу Иллы из провала выбежал не лорд Марэт — оттуда вырвался огромный волк. Шерсть на загривке включена, злобные человеческие глаза сверкают подобно молниям, из оскаленной пасти торчат окровавленные клыки.

В один прыжок оборотень оказался рядом с Илламэль, схватил за одежду и выдернул из-за спины гнома. Она и глазом моргнуть не успела, как лорд Марэт уже стоял в человеческом обличье, из его пальцев пульсирующим дождем вылетали сверкающие магические заряды. Они окружили орка, отрезая ему отступление.

В тот же миг гном свернулся клубком, перекувыркнулся и оказался под духом. Возрожденный орк тут же оказался закован в прочные магические цепи.

Чудовище взревело. Его красные сверкающие глаза жадно вперились в испуганное лицо девушки. Он словно обезумел, рвался и метался в магической клетке. И вдруг замер. Обреченно опустил руки. Через секунду ... взорвался и растаял туманной дымкой.

Дух был уничтожен. Но кем?

— В подземелье была засада, — прорычал лорд Марэт. Его слегка потряхивало — возбуждение боя еще не прошло. — Они знали, что мы сюда придем. Одно неясно: за какой Тьмой им это понадобилось?

— Это-то как раз и не секрет. Они следили за нами, но не знали, что конкретно мы ищем, — пробормотала Илламэль. — Поэтому им нужна была я... как самая слабая из вас. Мне бы они уж точно язык развязали.

Ее передернуло от одной только мысли о пытках.

— Значит мы на верном пути! — в голосе гнома слышался неестественный оптимизм. — Давайте уже все найдем, и уберемся отсюда ... спать хочется — сил нет!

Марэт обернулся к выходу из склепа и метнул в него магической сеткой, намертво припаявшейся к дверному проему и стенам. Теперь никто не сможет проникнуть сюда незамеченным. Затем взял Иллу за руку и повел в подземелье по крутой узкой лестнице. Над ними плыл магический шар, ярко освещающий пространство. Хиз замыкал шествие с мечом в руках.

Спуск оказался довольно долгим — подземная усыпальница и впрямь была глубока. По пути им попалось несколько разорванных на куски трупов каких-то страшных существ. Теперь понятно, почему лорд Марэт так задержался.

Илла вдруг представила, что над ними сейчас находилось не меньше нескольких десятков могил, в которых лежали покойники. И, возможно, не все они были абсолютно мертвы. Иллу передернуло: встретиться здесь еще и с умертвиями — не слишком радужная перспектива.

В конце лестницы их ожидал длинный узкий зал, в стенах которого располагались маленькие ниши с гранитными постаментами, на которых и стояли каменные гробы.

— Знаете, я вдруг подумала, что, возможно, тайник вовсе и не находится в могиле леди Еллы или Линд, — прошептала Илла, глядя на уходящие в темноту ряды ниш.

Мужчины потрясенно остановились.

— Если ты скажешь, что мы зря сюда притащились ...

Голос Хиза не предвещал ничего хорошего.

— Нет, вовсе нет, — поспешно успокоила его девушка. — Только посмотрите вокруг: здесь все так просто. Ни украшений, ни арок, ничего вычурного — только материковая скала. Найти лунный камень будет несложно — он окажется здесь единственным. Лорд Марэт, пошлите поисковик.

Марэт вскинул руку, с его пальца сорвался крохотный светлячок. Он покружил под самым сводом и вдруг ринулся в глубину подземелья.

Через минуту сыщик и его спутники стояли перед задней стеной склепа. В отличие от простого убранства усыпальницы она была отполирована до блеска и украшена причудливым орнаментом. В центре стены обнаружилась полочка с небольшой красивой вазой, вырезанной из лунного камня. В свете магического светильника она переливалась жемчужно-голубым сиянием. Над аркой полукругом шла надпись: «Никто не знает о жизни больше, чем мертвые».

Лорд отступил в сторону, Илламэль осторожно сняла вазу с полки. Ее горлышко оказалось запечатанным полупрозрачной крышкой из того же лунного камня.

Илламэль в замешательстве оглянулась на спутников.

Марэт решительно прошептал открывающее заклятие, и крышка с громким хлопком вылетела из горлышка, заставив Иллу невольно вздрогнуть. Внутри вазы что-то загадочно переливалось и мерцало. Илламэль перевернула вазу и на подставленные ладони Хиза выпал черный бриллиант. Он был таким огромным, что едва помещался в ладонях гнома.

Глава 8

Тысячи лет назад в Хаосе произошел раскол, разразилась кровопролитная война, и многим родам Темных пришлось искать убежище за пределами своих миров. Могущественные маги создали несколько артефактов, которые давали возможность темным лордам и им подобным существовать в мире Света, тогда как Хаос — сумеречный мир с нескончаемыми пустынями из черного горячего песка. Города там стоят посреди мрачных каменистых пустошей. Багровая луна — единственный источник света. Там не бывает дня — сумерки и непроглядная ночь, единственные приметы суток.

Глава службы внутренней безопасности Империи лорд Рьянн Толли только что закончил экстренное совещание. Поводом для него послужил тот факт, что частным сыщиком лордом Кифом Марэтом был найден похищенный сто лет назад бриллиант — «Сердце Хаоса».

Черный алмаз был украден из сокровищницы вместе с другими артефактами. Об этом мало кто знает. В круг посвященных входит всего несколько родов — прямых потомков тех, кто огнем и мечом отвоевывал территории у долинных гоблинов и горных троллей. Покорял народы, живущие на плодородных человеческих землях. Кто расширял границы молодой Империи, посредством женитьбы на принцессах нового мира.

Амулеты Силы исчезли из магического Круга и баланс нарушился. Теперь сумеречным существам приходится все трудней. Многие сходят с ума. Многие смертельно больны, и нет средств, чтобы помочь им.

Орден Спасения — единственное место, где маги стараются облегчить страдания Темных, но и там все чаще бессильно опускают руки.

Конечно, все это держится в строжайшей тайне. Никто не должен знать, что власть темных лордов висит на волоске. Что их непревзойденная прежде сила — блеф.

И вот, когда выхода, казалось бы, не осталось — «Сердце Хаоса» найдено. Самый сильный и самый необходимый из всех артефактов.

Рьянн Толли задумчиво барабанил по столу длинными, привычными к оружию пальцами. Совещание кончилось, но осталось много нерешенных вопросов.

Будет ли достаточно одного черного алмаза? Ведь без остальных четырех камней

восстановить прежнее могущество невозможно.

Красный гранат — соединяет темную кровь с расами Света. Синий сапфир — снижает природную агрессию. Желто-золотой циркон — камень эмоций, обращающий гнев в радость и превращающий ярость в спокойствие. Зеленый изумруд — оберегает от безумия. И во главе черный алмаз — сохраняющий и приумножающий магическую силу Темных.

Все эти камни составляли магический круг, уравнивая и успокаивая демонический нрав темных рас.

Так кто же посмел разрушить столь хрупкое равновесие? Кто осмелился бросить темным лордам вызов? Кто решился нести удар не в открытом бою, а подло и коварно — исподтишка?

Лорд Толли поморщился, вспоминая, какую бурю среди посвященных вызвала находка черного бриллианта. Совет разделился почти поровну.

Одни требовали возложить алмаз в центре Круга и тогда Темным не будет равных. И не важно, что это может привести к неуправляемой агрессии и взрыву необузданной страсти. Главное, доказывали сторонники решительных мер, что им больше не придется испытывать унижительную слабость и скрывать угасающую мощь.

Другие, и Толли был в их числе, призывали к осторожности и терпению. Если нашелся один камень, отыщутся и другие. Подвергать опасности народы этого мира они не имеют права. Никто не гарантирует, что неуправляемый всплеск мощи Темных не приведет к еще худшей катастрофе.

Демоны — вторая сущность темных лордов. А это смерть, беспощадность и ярость в чистом виде. Древние духи, чуть менее сильные и страшные чем демоны, составляют симбиоз с другими существами вышедшими когда-то из Хаоса. Никто не может гарантировать, что вырвавшись на свободу, эти духи позволят человеческой сути существ контролировать себя.

Чтобы понять, как это может быть, достаточно взглянуть на тех, кто уже не справляется со своей второй сущностью. Безумие овладевает все большим количеством Темных. Смертельная болезнь иссушает их. Боязнь света, приводит к неконтролируемой агрессии. Это уже почти невозможно скрывать.

Но и Рьянн Толли, и Гуррэн Шанг уверены: камни все еще в пределах Империи. Иначе ничто не спасло бы этот мир от неистовства вырвавшихся из пут демонов и духов. Камни даже вне круга еще сдерживают их.

Толли встал из-за стола, подошел к книжному стеллажу и передвинул одну из книг. Полка отъехала в сторону, и открылся тайный ход. Темный лорд спустился по короткой лестнице и оказался в комнате, единственной мебелью которой был стул с высокой спинкой. Он стоял напротив огромной картины, на которой хрупкая тоненькая женщина летела в танце среди облаков.

Она была подобна птице. Ее застывшее движение казалось таким же легким, так же естественным, как легок и естественен для птицы взмах крыльев.

Длинные волосы золотисто-медового цвета разметались в вихре танца. Легкое невесомое платье не скрывало стройности и трепетной чувственности тела. Страсть гордость, непокорность горели в ее голубых глазах, устремленных вдаль.

О чем она думала? Что заставляло ее раз за разом выходить на сцену и покорять сердца своим талантом?

Да, Рьянн Толли не понаслышке знал, как могут быть страшны внутренние демоны. Его

демон убил, раздавил своей мощью ту, что составляла смысл его жизни. Он не смог справиться с собой, и она погибла, не вынеся его яростной страсти.

Поэтому Толли никогда не позволит демонам вырваться наружу. Он будет стоять на своем до конца. Он надеялся на то, что у него хватит времени отыскать остальные камни ... пока еще не совсем поздно.

Рьянн сидел, глубоко задумавшись перед портретом женщины, которую любил больше жизни. Которую потерял из-за того, что не сумел совладать со своим демоном. Поэтому он знал цену своих решений.

В тайной комнате беззвучно появился полупрозрачный призрак:

— Господин, к вам лорд Шанг.

— Скажи, я занят.

— Он настаивает. Говорит, это важно.

— Иду. Проводи его в каминный зал.

— Да, господин.

Рьянн тяжело поднялся со стула и, еще раз взглянув на танцовщицу, вышел в кабинет.

— Ты видел утренние газеты? — Шанг, игнорируя просьбу ждать в каминном зале, вольготно расположился в глубоком кресле напротив стола хозяина кабинета.

— Нет, — недовольно буркнул Рьянн.

— Напрасно. Советую посмотреть.

Шанг бросил на стол стопку сложенных газет.

Рьянн нехотя развернул одну из них.

— Если Дэлс уговорит еще хотя бы троих, нам не отстоять камень, — проговорил он хмуро.

— Не уговорит. Я сам этим займусь.

Шанг напряженно следил за неторопливыми движениями друга. Он даже подался немного вперед и не сводил с его лица предвкушающего взгляда. Но Рьянн ничего не замечал. Он был по-прежнему погружен в свои размышления. Окинув небрежным взглядом заголовки статей, усмехнулся:

— Марэт дождался звездного часа — все статьи только о нем. Надо же, и на многомерный фотолик не поскупились. А кто это с ним? Он же вроде как волк-одиночка. Страж и любовница? Он и их решил прославить? На него не похоже.

Он равнодушно скользнул взглядом по гному, стоявшему рядом с как всегда хмурым и сосредоточенным сыщиком. Перевел глаза на его спутницу, всмотрелся в юную девушку, смущенно стоящую рядом с прославленным детективом. Небольшого роста, изящная, хорошенькое личико, густые орехово-золотистые волосы заплетены в длинную косу и перекинута через плечо. Глубокие, светло-карие глаза смотрят ... в самую душу.

Лорд Толли с трудом сглотнул и сел. Ноги внезапно отказали ему. Он нервно сжал лоб тонкими пальцами ...

— Она вернулась, Янн, — голос Гуррэна Шанга больше не был дружеским. — И в этот раз я не останусь в стороне. Если увижу, что ты снова не можешь совладать со своим демоном — брошу вызов и буду за нее бороться. Тогда она будет моей. Я сказал.

Шанг рывком поднялся и вышел.

Но Рьянн Толли вряд ли это заметил. Он не отрывал взгляда от юной девушки, почти ребенка, которая застенчиво позировала перед журналистами.

Что это — насмешка судьбы? Или ее месть? Все равно. С этой минуты земля для лорда

Рьянна Толли завертелась в другую сторону.

Мэльлита Ливит — так звали ее в прошлой жизни. Страстная, искушенная в любовных играх женщина. Тысячи поклонников слагали к ее ногам сердца и деньги.

О, она умела покорять мужчин и пользовалась этим без стыда.

Но когда на нее обратил внимание лорд Толли, сердце горячки сдалось. Она отдала ему душу. Забыла о сцене, о себе самой, стала покорной.

А он ... он не мог насытиться. Часами любовался ею, поставив на пьедестал. Сутками исследовал каждый изгиб, каждую черточку ее восхитительного тела. Он должен был быть достаточно терпелив, чтобы ей это нравилось. От этого зависела его и ее жизнь. Их счастье.

Но он не смог сделать того, что требовал рассудок. Разум больше не управлял им. Он запер Мэллит в своем замке, как птицу в клетке. Разве мог он позволить, чтобы кто-то еще смотрел на его женщину с вожделением? Конечно, нет! Его демон был ревнив. Ярость заволакивала кровавой пеленой разум, когда он думал о нечто подобном.

Но ее страсть постепенно прошла. Она устала. В этот момент ему нужно было всего лишь дать ей немного личного пространства. Позволить вздохнуть полной грудью. Доказать, что для него не было ничего важнее ее любви, благополучия, безопасности.

Но Рьянн не был способен управлять своим демоном. А тот хотел господствовать над ее телом, душой, сердцем. Полностью и безраздельно. И он доказывал господство — сурово и жестко ... потому что был напуган тем, что у нее самой была над ним незримая, но весьма осязаемая власть. Толли постарался не дать ей этого понять. Да ... он приложил к этому все силы ... и сломал ее.

Упиваясь своим владычеством, он не замечал опустошения в ее некогда блестящих любовью и доверием глазах. Он предал ее, подчинив своим самым низменным жестоким требованиям.

Любили ли они друг друга? Поначалу он этого не знал. Не мог знать. Неистовое желание затмевало другие чувства. И только когда она исчезла, понял, кого потерял.

Он чувствовал себя полуживым, казалось еще один день без нее и он просто умрет. Он искал ее повсюду. Гордый и непреклонный лорд Рьянн Толли не находил себе места. Он перерыл Империю, забросив все государственные дела и, наконец, отчаявшись, совершил не поправимое — пустил по ее следу ищеек.

Они, конечно же, нашли беглянку, а он опоздал. Бездыханный труп — вот, что ему осталось.

А еще ее тайна. Тайна, которая давала крошечную надежду на будущее ...

Глава 9

Синее бездонное небо. Сияющее солнце и безбрежный простор! Она летит, летит, летит — сердце смеется от счастья.

И вдруг — коршун! Острые когти впиваются в тело.

Она кричит от боли и страха...

... Илла проснулась от собственного крика. Сердце стучало как молот. Руки дрожали, а спина все еще чувствовала острую боль от когтей.

Давно ей не снились кошмары. А она-то думала, что с этим покончено.

Девушка глубоко вздохнула:

— Все хорошо, у меня все хорошо. Даже замечательно.

Но сердце было с ней несогласно. Оно по-прежнему сжималось в тревожном предчувствии.

Вдруг ей вспомнился один разговор: богатые воспитанницы делились секретами хорошего настроения.

Илламэль высоко подняла ноги:

— Привет, ножки! Как спалось?

Фу, ерунда, какая-то.

Девушка вскочила с постели и отправилась в ванную. Горячий душ с душистым мылом и крепкий чай с черным шоколадом — лучшее лекарство от необоснованной тревоги.

Илламэль стояла у зеркала и, мурлыча песенку, расчесывала волосы.

«Надо бы подровнять — слишком длинные. Уже трудно ухаживать за ними», — рассеянно подумала девушка, глядя как шелковые пряди переливаются в лучах солнечного света.

В открытое настежь окно влетел вестник — маленький зубастенький ящер. В его когтистых лапах белел конверт.

Илламэль с удивлением забрала послание и одарила, ожидавшего подношения птеродактиля, кусочком печенья. Монстрик посмотрел на нее осуждающе.

— Прости, мяса нет, — извинилась Илла.

Ящер громко зашипел, расправил перепончатые крылья с острыми коготками на сгибе и резким прыжком-полувзлетом нырнул из окна.

Письмо было от Марэта.

«Ивитт, будьте готовы к двум часам. Нам назначена аудиенция у лорда Рьянна Толли. Заеду в час. К. Марэт».

Илламэль не помнила, как подошла к стулу и села. Перед глазами всплыли события трехлетней давности. Ей тогда было пятнадцать. В Империи ходили слухи о неизлечимой болезни императора. Поговаривали, что из-за этого у венценосной пары до сих пор нет наследника, хотя поженились они почти сто лет назад.

Чтобы пресечь нежелательные разговоры, император решил показаться народу вместе с императрицей. Был назначен торжественный выезд всего двора. Посмотреть на это грандиозное событие приехали многие. В том числе и сестры из ее монастыря. Иллу взяли в качестве прислуги. Сестры ушли на торжество, а ее оставили в номере гостиницы, принадлежавшей ордену.

Но Илламэль не очень-то и расстроилась: из окна открывался обзор гораздо лучший, чем с тротуаров вдоль дороги. И многие согласились бы смотреть на темных лордов из окон или с балконов, но возможность бросить под копыта коней цветы и прокричать здравицы прельщал больше. От Темных исходила какая-то особенная сила — завораживающая, жуткая и ... такая привлекательно возбуждающая, что мало кто отказался бы ощутить ее волны хотя бы на один крошечный миг.

Лорды Рьянн Толли и Гуррэн Шанг, как самые влиятельные и приближенные из Темных, ехали по обе стороны императорской четы. За ними целый сонм напыщенных придворных на крылатых конях. Дамы, разряженные в пух и прах. Горделивые сановники в сверкающих мундирах, следом вассалы, купцы, за ними кто-то еще — попроще.

Как только Илла увидела лорда Толли, уже не могла отвести глаз. Окружающий мир перестал для нее существовать. Высокий и гибкий, широкий в плечах и с узкой талией. Черные волосы — шелком по плечам. Сильная рука на эфесе магического меча, другая

уверенно сдерживает разъярено рвущегося вперед крылатого коня, пышущего огнем. Столь дикого и неукротимого, что мог бы в одно мгновение пересечь всю Империю.

Невозмутимо и надменно взирал лорд Толли на толпы беснующегося народа. Красивое властное лицо — задумчиво. В нем таилась какая-то загадка. Таинственная и влекущая.

С тех пор Илла не могла забыть его печального лица. Как-то раз ей посчастливилось раздобыть газету с его многомерным фотоликом. Она аккуратно вырезала снимок и спрятала. По ночам часто вынимала цветное изображение и при тусклом свете крошечной свечи вглядывалась в утонченные черты лорда. О чем он печалился? Была ли у него любимая? Может, это о ней тосковало его сердце? Она слышала — Темные любят лишь раз.

Илла понимала, что ей никогда не увидеть своего лорда с близкого расстояния, не заглянуть в глубокие, полные загадочной тьмы глаза. Не ощутить прикосновений твердых уверенных губ.

И все же она мечтала — детской наивной мечтой.

Ну, вот ... похоже судьба снова на ее стороне.

Тогда почему ей так страшно и тревожно?

— Лорд Киф Марэт, Страж дневного патруля Хиз Фрабб и госпожа Илламэль Ивитт ожидают в приемной, — секретарь — призрак давно почившей гарпии — висел в нескольких сантиметрах над полом и удивленно взирал на своего патрона. Лицо темного лорда было белым. — Прикажете подождать?

— Нет, — сдавленно прохрипел Толли, — пусть войдут.

Рьянн закрыл глаза, пытаясь сконцентрироваться. Одной рукой вцепился в резной подлокотник кресла, другую, лежавшую на столе, сжал до хруста в пальцах.

«Контролируй себя. Не смотри прямо на нее. Первая встреча — самая трудная. Потом будет легче. Загони демона в клетку!», — Рьянн заставил себя открыть глаза.

— Лорд Марэт. Господин Фрабб... Госпожа Ивитт ... Рад встрече, — темный лорд поднял голову, отрывая тяжелый взгляд от лежащих на столе бумаг. — Лорд Марэт, император выражает вам безмерную благодарность, за то, что вы возвратили ему такое бесценное сокровище как «Сердце хаоса». Несомненно, ваш труд оценен по достоинству. Вот приказ о даровании вам провинции, которая когда-то принадлежала вашему роду.

Рьянн говорил ровным твердым голосом. Его взгляд не отрывался от лица вервольфа. Ничто не указывало на то, какая буря бушевала в его груди.

Он смотрел прямо на Марэта, но на самом деле его глаза видели только стоявшую рядом с ним девушку. Он исследовал каждую новую черточку своей возлюбленной. Утонченность ее лица, гладкая почти детская округлость щек и идеальная, без единого изъяна кожа нежно-персикового оттенка. Мысленно прикасаясь к ее великолепным густым волосам, он вдыхал ее желанный аромат. К удовольствию — это осталось прежним ... как и ее гордый и независимый нрав, пробивающийся сквозь явный страх и напряжение.

Юность, почти детская наивность и очаровательная невинность — такой она нравилась ему даже больше, чем властная и искушенная женщина.

Все его чувства были напряжены до предела. Демон не желал ждать. Ему вновь, как когда-то давно до безумия хотелось схватить ее, унести, запереть в замке. Чтобы никто и никогда ...

Толли усилием воли изгнал эти мысли из головы. Он не сделает повторной ошибки. Боль от потери слишком сильна, она не позволит ему сорваться ... и Гурэнн не позволит. Он будет на чеку. Он бросит вызов и тогда от Империи мало что останется — сейчас только они вдвоем обладают всей мощью демонических предков.

Эти мысли позволили немного отвлечься.

— Лорд Толли, моя заслуга в этом деле более чем скромна, — натянутый с плохо скрываемым гневом голос Марэта отвлек Рьянна от внутренней борьбы. — Госпожа Ивитт проявила гораздо больше прозорливости и находчивости. Во многом благодаря именно ее умению мыслить смело и не стандартно, было раскрыто это преступление.

Рьянн слушал, но от его внимания не ускользнуло, как Марэт сделал крохотный шаг вперед, а плечо выдвинулось, прикрывая девушку. Как его рука невольно дернулась к поясу, где висел кинжал.

Демон взревел, вставая на дыбы. Как эта шавка дерзнула означить свое право на то, что ей не принадлежит?! Волчий выродок посмел бросить ему вызов?!

Пальцы Толля сжали подлокотник, и он рассыпался в щепки.

— Вот как? И кем же госпожа Ивитт вам приходится?

Дикая ревность рвала оковы демона. Рьянн почти не владел собой. Черный туман клубился перед глазами, но он заставил себя говорить почти спокойно. Ему не хотелось пугать девушку. У него будет время разобраться с Марэтом без нежелательных свидетелей.

Не смотря на старания темного лорда, Марэт безошибочно угадал его интерес к Илламэль. Его переполнял гнев и стремление защитить ее. Он не понаслышке знал, какими могут быть Темные ... однажды он уже допустил непростительную ошибку и это дорого ему стоило.

— Мы не родственники и не близки ... если вы это имели в виду. Она моя сотрудница, — голос Марэта подобен льду.

— Вы изменили своим принципам?! — зло усмехнулся Рьянн.

— Да. Я открыл бюро по расследованиям. Фрабб Хиз и госпожа Ивитт мои партнеры.

— И как же называется ваша контора? — продолжал насмехаться Рьянн, ведь он же знал, что никакого бюро не существует.

— Его название «М.И.Ф.». Марэт, Ивитт, Фрабб, если вам годно, — Марэт отвесил легкий полупоклон.

Изумление в глазах гнома и девушки подсказали Рьянну, что и они впервые об этом слышат. Но он видел, как вспыхнули их лица от счастливой новости.

— Забавно, но я ничего об этом не знаю. А ведь подобные агентства не могут открыться без моего ведома. Я как-никак являюсь главой отдела по внутренней безопасности Империи, если вы не забыли.

В это время Толли заметил, как изменилось лицо девушки. На просиявшее личико легла тень. Что это: разочарование? Тревога за лорда Марэта? Она хочет работать вместе с ним в этом дурацком бюро?

Фрабб взял девушку за руку и сжал. Рьянн едва не зарычал от досады.

— Я еще не успел его зарегистрировать, но идея появилась давно.

— А что госпожа Ивитт думает по этому поводу?

У Иллы перехватило дыхание: лорд Толли обратился к ней напрямую. От волнения она залилась краской и не знала, куда деть глаза.

— О большем я и мечтать не могла, — проговорила она тихим голосом, не поднимая

взгляда. — Боюсь, только опыта у меня маловато и ...

— Простите мою вольность, — в разговор вдруг вторгся гном. — Моя названная сестра слишком застенчива. Но она хочет учиться в вашей Академии, лорд Толли. Мы уже и документы подали. Илла большая умница. — С искренностью и горячностью молодости проговорил Фрабб, явно гордясь Илламэль.

А Рьянн Толли вдруг подумал: кого он видит перед собой? Молоденькая девушка, неискушенная и доверчивая. Он же ничего не знает о ее жизни. Почему этот неуклюжий выходец из подгорного мира оказался ее названным братом? Как она попала к Марэту? Где жила все эти годы? Вероятней всего, у нее есть собственные планы, желания, мечты. А он — зрелый мужчина, для которого многие радости жизни уже изведаны и не имеют ни ценности, ни интереса. По сути, у него осталось только одно желание, неистовое и ненасытное — владеть ею.

И что же он сделает для нее? Опять запрет в своем замке? Снова подарит ей всего себя без остатка? Но хватит ли ей этого для счастья? Если Мэльлита Ливит была зрелой, пресытившейся вниманием и обожанием мужчин женщина, то Илламэль Ивитт только-только вступила в жизнь. Будет ли ей достаточно лишь его любви? Не наскучит ли ей такая жизнь после двух-трех лет? ...

Да и вообще, почему он вдруг решил, что она ответит ему взаимностью? Разве она уже принадлежит ему? Разве сказала, что любит?

— Это верно, госпожа Ивитт? Вы желаете учиться в Академии?

— Да.

Она по-прежнему не поднимала на него взгляда. А Рьянн хотел видеть ее глаза. Он едва сдерживал себя от порыва оказаться возле нее и, подхватив точеный идеальный подбородок заставить смотреть на него, потому что до безумия хотел прочитать в них все ее тайны. Но он начал опасаться: не испугал ли ее ненароком. Резкий тон, которым он говорил с Марэтом, мог быть неправильно ею истолкован. Он побоялся выглядеть в ее глазах суровым тираном.

— Ну, что ж, в таком случае ... раз уж лорд Марэт утверждает, что вы имели непосредственное отношение к расследованию ... Я думаю, что зачисление в Академию без экзаменов станет для вас хорошим вознаграждением. Вы получите полный набор студенческого обеспечения. Повышенную стипендию и прочее.

— И я смогу работать вместе с Хизом и лордом Марэтом в бюро?

Она впервые подняла на него сияющие целомудренной глубиной светло-карие с золотыми крапинками глаза, обрамленные густыми угольно-черными ресницами. В них лучилась радость, надежда и ... нежность?

Рьянн растерянно моргнул, с трудом подавляя желание вскочить и подхватить ее на руки. Вожделение словно кинжалом пронзило его. Он обнаружил, что каждый следующий вдох дается ему все труднее.

«Спокойствие, только спокойствие ... ты мог неверно истолковать ее благодарность. Не спеши ... Мрак тебя задери!».

Толли перевел дыхание.

— Если для вас это важно — я согласен разрешить вам работать в свободное от учебы время. Вот только боюсь, его у вас будет не слишком много ... программа насыщенная ... трудная ...

— Я справлюсь, честное слово! — горячо заверила его девушка.

Лорд Толли заскрежетал зубами.

— А вы, господин Фрабб, тоже участвовали в расследовании?

— Да, хотя мое участие не так значимо как у Илламэль и лорда Марэта.

— Не слушайте его, лорд Толли, — голосок Илламэль взлетел от возмущения. — Если бы не Хиз, я, вероятней всего, была бы уже мертва. Он спас меня от возрожденного духа орка Санга Гносса!

Толли на мгновение представил, что Илламэль могла погибнуть еще до встречи с ним и от его сердца отхлынула кровь.

— Почему в отчете я не увидел этого эпизода? — резко спросил Толли у Марэта. — Вы умолчали о чем-то еще? В чем дело?

— Я не счел нужным отвлекать Ваше внимание на подобные мелочи.

— Это не мелочи, лорд Марэт. Совсем не мелочи, — голос Толля вновь зазвенел сталью. — Если вы подвергаете опасности своих сотрудников, то ...

Рьянн резко оборвал себя.

— Я жду подробнейшего отчета. А вас, господин Фрабб, если уж вознаграждение получили все члены вашей ... компании, ждет повышение в чине. Отныне вы офицер Стражей Дневного патруля со всеми отсюда вытекающими. Поздравляю.

Илламэль уже целый час вертелась перед зеркалом. Настроение было просто замечательным. Она оправила складки пышного в юбке, но узкого в лифе и талии платья из светло-сиреневого набивного шелка.

— Илламэль, доченька, мы ждем тебя к ужину. Поторопись, милая, почти все уже в сборе, — прощепетала крохотная птичка, подражая голосу госпожи Фрабб, и улетела.

Девушка еще раз взглянула на себя в зеркало и, счастливая, помчалась в гостиную госпожи гномы. Там действительно собралось больше десятка гостей: присвоение офицерского звания — событие, которое стоило отметить.

— А вот и моя названная сестра! — воскликнул Хиз, широко распахнув объятия навстречу Илламэль. — Дорогая Илла, позволь представить мою несравненную невесту Инн Дард. — Илла раскланялась с молоденькой смущенной гномочкой. — А это мой дядя, господин Хорх Фрабб.

Дородный гном с бородой до пояса, заплетенной в причудливые косички по традиции его народа, торжественно склонил перед Илламэль голову.

Далее Хиз представил ей всех по очереди: двоюродных братьев и их жен, близких и дальних родственников, сослуживцев с их дамами. Среди них был и тот офицер, Лист Стилл, который прибыл во главе патруля в день убийства Агавир Сайлл.

Когда все были познакомлены, госпожа Фрабб пригласила столу. Хорх Фрабб предложил руку Илламэль и повел ее в празднично убранную столовую.

— А где лорд Марэт? Ты не пригласил его? — спросила Илламэль у Хиза, когда они усаживались за стол, который так и ломился от разнообразных блюд.

— Пригласил, конечно, — ответил гном, взглядом указав на пустующий рядом с ней стул и нахмурился. — Возможно, его что-то задержало. Но он обещал быть.

В это время из гостиной слышались стремительные шаги, и в столовую ворвался лорд Марэт.

— Прошу прощения за опоздание, — лорд поднял руку с зажатым свитком, — получал лицензию. Поздравляю, партнеры, — бюро МИФ существует!

Аплодисменты и громкие поздравления стали ответом на радостное известие.

— Вина? — спросил лорд Марэт, когда все, наконец, уселись и молодой расторопный слуга принялся разливать гостям вино на выбор.

— Лучше сока, — отозвалась Илла. — Спасибо.

Марэт улыбнулся и сам налил в ее бокал сок, опережая разливальщика.

— Мне придется уехать недели на две — нужно вступить во владение землей. Осмотреться и все такое, — проговорил Марэт, отведав глоток предложенного ему вина и давая разрешения наполнить в свой бокал. — Но я уже подготовил для вас несколько конспектов по правоведению, так что вам будет, чем заняться в мое отсутствие. И ... надеюсь, вы не откажете мне в одной маленькой просьбе?

— Я вас слушаю, лорд Марэт, — Илламэль улыбнулась воспоминаниям. Именно с маленькой просьбы и завязалось их странное знакомство. — Я постараюсь вас не разочаровать.

— Илламэль, за все время нашего знакомства вы ни разу не заставили меня пожалеть о своем решении, попросить о помощи, — лорд Марэт осторожно прикоснулся к ее руке. — Но мне будет спокойней, если вы пообещаете не ввязываться в расследования лорда Эрвилла. Вы заинтриговали его, и я полагаю, он не преминет воспользоваться моими отсутствием и попытается втянуть вас в какое-нибудь дело. А потом и перетянуть к себе в отдел.

— Вы думаете, я смогу оставить наш МИФ?! — искренне удивилась Илламэль. — Да ни за что! Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарна. И вам, и Хизу, и вообще всем! Я так счастлива, что узнала вас всех! — Илла взглянула на госпожу Фрабб, ее сына, увлеченно флиртующего со своей невестой, даже на офицера Стилла, ведь именно с его подачи все началось. — Я никогда вас не оставлю.

— А я никогда не устану на это надеяться, — проговорил лорд Марэт странным глубоким голосом.

После обильного застолья начались танцы. Лорд Марэт галантно подал Илламэль руку, приглашая на красивый романтический танец, в котором мужчина медленно кружил свою даму по всему танцевальному залу.

— Никогда не стригите волосы, Илламэль. Они придают вам особое очарование, — прошептал Киф, прижимая ее к себе чуть ближе, чем позволительно и касаясь губами ее локонов. — В ваших глазах таятся все тайны вселенной. — Его голос был проникновенным завораживающим. — Вы явились из небытия, чтобы разрушить оковы одиночества, которые сковывали меня много лет. С вами я снова могу дышать, смотреть на мир и видеть его краски. До вас все было серым и безликим.

— Лорд Марэт! — голос Илламэль задрожал от изумления и понимания, о чем он сейчас говорил.

— Я знаю, вы еще слишком молоды, чтобы понять меня. Но я буду ждать, Илламэль, столько сколько потребуется. И ... приму любое ваше решение со смирением и пониманием.

Илламэль опустила глаза. Ей не хотелось разрушать прелесть сегодняшнего вечера — ведь это был ее первый в жизни званый ужин. И первые в жизни танцы ... Ей было так хорошо, так спокойно, что она промолчала. И не сказала «нет» лорду Марэту... хотя чувствовала, что, наверное, совершает большую ошибку.

Часы на главной башне столицы пробили два часа пополудни. Илламэль давно спала, вытянувшись в струнку по монастырской привычке — двуспальное ложе было для нее чересчур велико.

Вдруг от стены напротив ее кровати отделилась темная тень, и в спальню шагнул лорд Толли. Он кинул взгляд на спящую девушку и сделал едва заметный кивок. Воздух по обе стороны кровати всколыхнулся, и появились две ящеролоуды. Наргини-хамелеоны. Этот вид существ мог полностью сливаться с окружающими предметами и увидеть их мог только Темный или очень сильный маг.

Телохранительницы беззвучно скользнули в открытый портал, и Рьянн остался наедине с Илламэль.

Он осторожно обошел постель и опустился на пол. Рука девушки свисала с кровати и оказалась рядом с его лицом. Темный лорд с наслаждением вдохнул запах, он напоминал аромат ночной фиалки, смешанный с чистотой и невинностью ее тела. Осторожно прикоснулся к запястью губами. Шелк кожи обжег желанием, но лорд усилием подавил его. Он не хотел спешить — предвкушение столь же необыкновенно волнительно и притягательно, как и обладание. Он хотел до последней капли испить нектар ожидания.

Девушка ничего не почувствовала, ее лицо было спокойно. Мягкие розовые губки, чуть приоткрыты, свежее легкое дыхание осталось ровным, длинные ресницы отбрасывали тень на чуть бледную бархатную кожу щек.

Рьянн долго смотрел на Илламэль. Любовался, и не мог ею надышаться. В этот момент он понял, что никогда не сделает ей больно. Никогда не огорчит ее и не встанет на пути, ломая своей волей ее жизнь. Так, как сделал с Мэльлитой Ливит. Она сама должна сделать выбор. И ... если полюбит другого, что ж — такова будет плата за его прежние ошибки.

Он вдруг осознал, что не хочет, чтобы она вспомнила свою прошлую жизнь. А ведь она уже должна восстанавливать ее в памяти. Сначала во сне, потом проблесками, подобными дежавю... так, по крайней мере, происходило со всеми возроденными.

«Пусть все произойдет как будто в первый раз», — решил темный лорд и поднялся с пола.

Обошел кровать и осторожно опустился рядом с девушкой. Неслышно наклонился к ее ушку и беззвучно прошептал заклинание.

Глубокий вдох и запах ее волос ворвался в легкие ... через мгновение темный лорд забыл обо всех благих намерениях.

Он взлетел над кроватью темной тенью и опрометью бросился в распахнувшееся перед ним окно. Черная мгла окутала разум невыносимой болью и ревностью: от волос его женщины пахло вервольфом!

Черным вихрем мчался над городом темный лорд, разыскивая того, кто посмел прикоснуться к той, что была его сердцем и смыслом жизни. Ярость сжигала, нетерпение отдавалось в кончики пальцев. Демон все ярче проступал, размывая человеческие черты. Огненный взор выискивал, чуткие ноздри вынюхивали, демонический рев рвался из груди...

...

Его соперник неспешно ехал по Южному тракту. Рассвет уже окрасил верхушки сосен в фиолетовые тона. Тишину разбавляли робкие крики птиц.

Рьянн огненной молнией метнулся вниз. Но Марэт уже почувствовал угрозу и одним

движением слетел с коня, превращаясь в волка еще в воздухе. Гигантский, больше своего шейра, он пригнул голову к земле, его лапы скребли по окаменевшему грунту дороги, выворачивая и отбрасывая огромные комья. Тяжелый утробный рык рвался из груди оборотня, глаза налились кровью.

Рьянн не стал утруждать себя пустыми разговорами, он налетел, как огненный смерч и отбросил волка, ударив в грудь. Оборотень несколько раз перевернулся в воздухе, но опустился на лапы. С клыков капала горячая слюна, красный язык нервно лизал оскаленные зубы.

Волк бросился вперед и демон не стал его останавливать. Он выдержал чудовищный удар и, взмахнув когтистой лапой, снова отправил псину в полет.

Внезапно между разъяренными соперниками встала тонкая белая пелена. Полупрозрачный трепещущий облик той, из-за которой началась битва, возник перед остановившимися от неожиданности врагами. Она в молчаливой мольбе протянула к ним руки, на ее глазах сверкали слезы.

Ни Рьянн Толли, ни Киф Марэт не знали, откуда здесь появился призрачный образ Илламэль. Это несколько отрезвило их. Девушка не была ни феей, ни магией — в этом оба были абсолютно уверены.

Но она смотрела на них, и в ее ждущих глазах было столько надежды, что они не смогли предать ее доверие.

Резко взметнувшись вверх, Рьянн Толли бесследно растворился в воздухе.

Марэт не стал перевоплощаться в человека. В его груди зияла огромная рана. Кровь еще не запеклась и капала с шерсти, но регенерация уже шла полным ходом — еще несколько минут и он будет в состоянии продолжить путь.

Оборотень лег на придорожную траву и закрыл глаза — ему было о чем подумать.

Глава 10

Илламэль улыбалась во сне. Тонкий солнечный лучик прильнул ее лбу, и стер поцелуем все неприятные предчувствия, которые постоянным беспричинным страхом тревожили ее. Больше не было тяжелых пут, сковывающих ее полет. Она порхала среди розовых облаков, словно сказочная птица. Счастье и покой поселились в сердце, и она знала — теперь все действительно будет хорошо.

Девушка потянулась и открыла глаза. Она поняла, что опять спала только на узком участке большой постели и, тихонько рассмеявшись, перекатилась на ее середину. Неожиданно ей показалось, что подушка как-то смята и лежит не совсем как раньше и вообще в спальне пахнет не нее легким любимым фиалковым, а каким-то более терпким и тяжелым ароматом, больше подходящим для мужчин.

Илла нахмурилась и опустила голову, приняв себя к одеялу. Так пахло в кабинете лорда Толли — вспомнила она, и улыбка озарила ее личико.

«Много думаешь о нем, вот и чудится, Тьма знает что», — решила она и упала лицом в подушку. Другого объяснения у нее просто не нашлось.

— Думаешь, стоит ему сказать? — мысленно спросила из наргинь.

— Девочка не в меру наблюдательна, — ответила ей другая. — Но не хотелось бы рисковать своей шкурой. Господин в гневе страшен.

— Давненько я не видела его в таком состоянии. Пожалуй, с тех пор как его покинула

танцовщица. Два года живьем горел. Потом восемнадцать лет в беспробудном оцепенении. А сейчас словно очнулся после долгого сна.

— Вон!

Наргини вздрогнули от тяжелого рыка. Лорд Рьянн стоял посреди комнаты и, тяжело дыша, смотрел на девушку. Охранницы бесшумно скользнули мимо демона и скрылись в открытом для них портале.

Рьянн подошел к стене и откинулся на нее спиной, сложив руки на груди. Он не отрывал от Иллы глаз, наблюдая, как она перевернулась на спину, и, широко раскинув руки, улыбалась каким-то своим мыслям.

Через несколько минут она подхватила и, мурлыча что-то себе под нос, отправилась в душ. Потом открыла окно и стала расчесывать волосы, просушивая их на ветру.

Рьянн стоял как изваяние. Ему ничего не стоило подойти незамеченным к Илламэль, пропустить прядь ее волос сквозь пальцы — она бы даже не почувствовала, но жгучая ревность не позволяла ему даже пошевелиться. Он боялся, что не выдержит и тогда беды не миновать.

А Илламэль не облегчала задачи, расчесываясь, она тихонько напевала и пританцовывала в коротком халатике, высоко поднимала волосы, встряхивала их и рассыпала водопадом.

— Нет. Это просто невыносимо, — взревел Рьянн и вышел в другую комнату.

— Ну, так уходи отсюда, — говорил ему здравый смысл.

— Подожди еще немного, и ты все поймешь, — шептала интуиция.

Переодевшись, девушка спустилась к госпоже Фрабб.

— А, Илла, ты как раз вовремя. Садись, вода как раз вскипела, будем пить чай, — обрадовалась ей гнома. — Хиз рано утром ушел на службу. Просил передать, что к обеду зайдет за тобой в бюро.

— Спасибо, госпожа Фрабб, вы так добры, — проговорила девушка, усаживаясь за стол.

— Ну, что ты, милая. И не называй меня госпожой. Зови бонной. Мне будет приятно. Знаешь, ты ведь вчера Хорху понравилась, и старый ворчун разрешил-таки принять тебя в семью.

«Замечательно! — хмыкнул про себя лорд Рьянн. — Моя женщина — дочь гномихи. Лучше не придумаешь».

Илла поднялась и обняла гному:

— Еще раз большое спасибо. Я даже не знаю, как вас благодарить.

— Ну, ну. Все хорошо, — гнома похлопала Иллу по руке.

Женщины пили чай, и бонна поглядывала на девушку с явным намерением о чем-то спросить.

— Илла, прости, если лезу не в свое дело, — начала она осторожно. — Но я вчера наблюдала за вашим с лордом Марэтом танцем. Он что-то тебе сказал?

Илла вспыхнула. Отвела глаза и промолчала.

— Понимаешь, девочка, мужчины ... иногда не понимают ... торопят. Они всегда уверены, что знают, как будет лучше для нас, женщин. На пути каждой из нас встречается свой лорд Марэт. Но это далеко не значит, что он — тот самый? Ты понимаешь, о чем я?

Рьянн замер, он ждал, что скажет Илламэль. Казалось, от этого будет зависеть сама его жизнь.

— Бонна Наи, лорд Марэт очень хороший. Он не желает мне зла ...

У Рьянна остановилось дыхание ...

— А разве я сказала, что он плохой? — удивилась гнома. — Я лишь хочу сказать, что тебе рано выходить замуж. Лорд Марэт благороден, он не допустит оскорбления, поэтому предложит выйти за него. И ты можешь согласиться, в этом нет ничего плохого. Вы будете некоторое время помолвлены. Так ты будешь защищена от любого посягательства со стороны других мужчин. Он как бы наложит на тебя свою печать неприкосновенности. Но ты уже не будешь свободна. А если это не любовь, а лишь юношеская влюбленность? Или просто симпатия ... или некоторая благодарность и неосознанное желание быть защищенной? У нас женщин это в крови. Нам нужен тот, кто станет нас оберегать. Но ты ведь еще совсем не знаешь жизни. Что случится, если ты повстречаешь того, кого действительно полюбишь. В таком случае ты разобьешь сердце очень хорошему человеку.

— Но бонна, — Илламэль улыбнулась гноме, — вы в корне не правы.

Рьянн сжал кулаки: кончится эта пытка когда-нибудь или нет?!

— Я вовсе не собираюсь замуж или что-то еще. Лорд Марэт очень хороший человек — это вы верно заметили, но ... я не хочу ... не могу ... даже не знаю как сказать. В общем, мне еще рано об этом думать. Я хочу окончить Академию, начать карьеру и только потом ... если судьба будет ко мне так же благосклонна, как сейчас, я надеюсь что буду счастлива.

Гнома слушала Илламэль, довольно кивая, и широкая улыбка все ярче разгоралась на ее лице.

— Я всегда говорила, что ты очень умная девушка.

Илламэль приехала в бюро к началу девятого. Секретарь лорда Марэта, госпожа Гобнет, встретила ее с самым загадочным выражением лица и прошептала, указывая пальцем на дверь кабинета:

— Вас там ждут, — она широко распахнула глаза и надула щеки, словно хотела Илле о чем-то предупредить.

— Меня? — удивилась Илламэль. — Вы, наверное, ошиблись, госпожа Гобнет. Ждут лорда Марэта.

Но Гобнет отрицательно покачала головой:

— В том-то и дело: спрашивали именно вас. Идите. Это очень важный господин.

Гобнет подняла палец и несколько раз тыкнула им в потолок. Илла ничего не поняла, пожала плечами и открыла дверь в кабинет своего нового патрона.

В кресле сидел какой-то господин. Его темно-русые волосы были заплетены в косу и лежали на плече. Красивое, аристократическое и смуглое лицо казалось серьезным, можно сказать даже напряженно-выжидающим. Весьма дорогой полувоенный костюм как нельзя более выгодно подчеркивал великолепную фигуру, а зеленые внимательные глаза захватили в плен взгляд Иллы, как только она вошла.

— Госпожа Илламэль Ивитт, — господин поднялся навстречу девушке. — Лорд Гуррэн Шанг. — Отрекомендовался он, не отпуская ее взгляда. Стремительно шагнул вперед, взял ее ладонь двумя руками и склонился для поцелуя. — Рад. Безмерно рад встрече. Наслышан о ваших подвигах. И вот заехал, что бы лично засвидетельствовать свое почтение и восхищение.

Илламэль от изумления не знала что сказать. Она только сейчас вспомнила его. Ну да, она же видела лорда во время выезда императора, но тогда все ее внимание было сосредоточенно на лорде Толли и образ Шанга не оставил в ее памяти заметного следа.

Но лорд как видно не замечал ее растерянности. Он провел ее креслу, помог сесть, а сам устроился напротив.

— Ну, вот мы и познакомились, — глубокий завораживающий голос как будто обволакивал, усыплял, доказывал, что его хозяина бояться не стоит, но один взгляд на лицо и все обаяние исчезало — в лорде чувствовалась огромная внутренняя сила. Темная. Он был страшен своей привычкой к неограниченной власти. — Стали, так сказать, хорошими друзьями, а друзьям, госпожа Ивитт, лгать не положено.

От такого поворота Илламэль и вовсе оторопела.

— Я и не собиралась, — прошептала она.

— Вот и славно. Тогда, я надеюсь, вы поведаете мне то, о чем хотели или пытались сказать лорду Марэту и лорду Эрвиллю. Но они не захотели слушать или, скажем точнее, не приняли во внимание ваши доводы. Ведь я прав?

Илламэль удивилась еще больше:

— Но как вы узнали?!

— Дорогая моя Илламэль, ведь вы позволите мне вас так называть? — он не дал ей возможности ответить. — Я занимаю очень высокий пост, а посему мне положено знать такие вещи.

— Вы, конечно, правы, лорд Шанг, — Илламэль сцепила пальцы и ненадолго задумалась. — Все почему-то считают, раз бриллиант найден, а убийцы опознаны, то и делу конец. Подумаешь, фелина. Кто о ней станет беспокоиться. Но дело-то не только в ней. Я пыталась обратить внимание лордов на некоторые несоответствия, но меня не услышали.

— Продолжайте, — подбодрил ее Шанг.

— Понимаете, во всем этом деле с самого начала бросались в глаза некоторые нестыковки: зачем было убивать Агавир Сайлл в таком людном месте? Возрожденным духам ничего не стоило выкрасть ее. Убить по дороге, просто отнять сумочку. Но нет — они сделали это на виду, привлекая к себе внимание.

— И какой же вы сделали вывод?

Шанг с интересом смотрел на Илламэль. Он думал о том, как причудливо извернулась судьба этой девушки. В прошлом она была невероятно талантлива в танце, в способности завоевывать сердца своей чувственностью и раскрепощенной смелостью. Мэльлита Ливит была ветрена и не утруждала себя особой моралью. И у нее был еще один особый талант — влюблять в себя людей.

Эта же ее жизнь оказалась зеркальным отражением прежней. Илламэль Ивитт совершенная ей противоположность. Острый ум, логика, сдержанность и скромность. Такая не станет легкомысленно порхать от одного поклонника к другому. И все же одно осталось в ней прежним — она покоряла сердца. Тот, кто оказывался способным увидеть самую суть этой девушки — был покорен ею навечно. Если же полюбит она, то раз и навсегда.

Но в том-то все и дело — любовь остановит ее. Как бы ни сложилась ее жизнь, полюбив истинной любовью, она навсегда потеряет дар реинкарнации. Такова плата.

И как же будет жаль, если она утратит возможность рождаться вновь и вновь из-за несчастной или безответной любви.

Лорд Шанг совершенно случайно узнал тайну леди Мэльлиты Ливит. Но даже он не дс

конца понял, кем же она на самом деле является. Он лишь дал Рьянну подсказку и надежду, когда понял, что его друг погибает от тоски по погибшей возлюбленной. Но кто скрывается под личиной перевоплощенных множество раз женщин? Это и для него осталось неразгаданной тайной.

И от этого было только интересней, это подстегивало лорда Шанга, интриговало и держало в напряжении.

А Илламэль ответила на его вопрос, не замечая грустного и задумчивого взгляда Гуррэна Шанга:

— Я не знаю ответов. Это меня и беспокоит.

— Вас еще что-то тревожит?

— Да. Почему Сайлл была одета не в свои вещи, например. Или почему никто не обратил внимания на тот факт, что и леди Елла Арвилль и Агавир Сайлл были воспитанницами ордена Спасения? Каким образом орден оказался замешан в этом деле?

Там, в склепе, на нас напали. Возрожденный дух орка пытался добраться до меня. Поначалу я подумала, что им нужны сведения о том, что мы там ищем, но потом поняла что ошибалась — ведь я тоже воспитанница ордена. И хотя мне совершенно ничего неизвестно, хозяину духа нужна была именно я.

Когда орк не смог до меня добраться его просто распылили. А ведь это не был простой орк — это был Санг Гносс, предводитель целого клана. Прославленный воин. Легенда среди орочьих народов. Поработить такой дух почти невозможно. Но хозяин его уничтожил без сожалений. Значит, он настолько силен, что призвать дух любого умершего существа для него не проблема.

Да и в подземелье лорд Марэт сражался одновременно и с живыми, и с мертвыми существами ...

— Вы хотите сказать, что в империи действует ... могущественный некромант и отступник?

— Вывод, лорд Шанг, напрашивается сам собой.

Илламэль развела руками и посмотрела на него глубокими живыми светло-кариими глазами с золотыми точками вкраплений.

Шанг закинул ногу на ногу, сцепил пальцы, положил на них подбородок и задумался.

Если выводы Илламэль верны, то они с Рьянном ищут в совершенно не том направлении.

Лорды Марэт и Эрвилл занимаются обывательскими преступлениями и им не видна картина в целом. Они лишь прикоснулись к одной из граней многоцветной мозаики. А Илла взглянула на это преступление свежим не зашоренным взглядом и увидела то, что не заметили сыщики... да и он, если быть до конца честным, — тоже.

— Госпожа Ивитт, а вы не хотели бы служить в моем ведомстве? Пошли бы учиться и через несколько лет получили бы звание офицера?

— Спасибо, — улыбнулась Илла и ее глаза засияли искорками лукавого веселья, а на щеках появились забавные ямочки — но меня уже приняли в Академию Внутренних Дел. Без экзаменов. Чему я очень рада, признаюсь, — ведь выучить все это за оставшийся до экзаменов месяц, — Илла кивнула на большую стопку папок, которая возвышалась на столе, — разве что возрожденным и под силу: им спать не нужно.

— Ну что ж — жаль, — Шанг поднялся с кресла. — Но искренне надеюсь, что наше знакомство продолжится. Берегите себя, милая Илламэль.

Шанг снова приложился к ее ручке и на мгновение дольше принятого затянул поцелуй. Закрыв глаза, он прошептал какое-то заклинание и тут же отступил.

— У меня для вас есть одна вещица. Так, на всякий случай. Вдруг вы еще что-нибудь вспомните. Это амулет мгновенного вызова, — лорд Шанг протянул Илле тоненькую цепочку, на котором висел маленький кулончик с темно-зеленым изумрудом.

Лорд растаял в воздухе прежде чем Илламэль смогла поблагодарить или отвергнуть его подарок, но его голос еще звучал в тишине кабинета:

— До встречи ... Илламэль Ивитт.

Илла стояла и растерянно смотрела на изумруд.

В лорде Шанге было что-то такое ... притягательно-опасное ... завораживающе-пленительное ... таинственно-очаровывающее ...

В общем, женщинам он, наверное, нравился до умопомрачения.

Илла встряхнула головой и тихо рассмеялась.

Лорд Толли был намного неприступней, суровей и резче, Шанга, но это и было гораздо обольстительней. Покорить такого лорда было не просто.

Если Шанг всем своим видом давал понять: во мне много не растроченной любви, и я готов ею поделиться, то Толли вызывал совершенно другие ощущения: я недосыгаем, но если у тебя достанет силы и ума меня увлечь — я защита, опора и страсть.

Откуда у неискушенной Илламэль появились это понимание, она не знала, но чувствовала — она все верно разгадала и ... была заинтригованна этим осознанием.

— Госпожа Ивитт, тут к вам посетитель, — голова секретаря Гобнет вылезла из стола и огляделась в поисках Иллы, которая сидела в кресле у окна и внимательно читала конспекты.

— Опять? — Илла оторвалась от записей. — Но я же сказала, что не могу вести расследования без лорда Марэта.

— Да, но это особый случай. Мне кажется, вам следует просто поговорить и успокоить эту леди. Пожалуйста, госпожа Ивитт. Она приходит сюда уже второй день, а лорда пока нет ... а она не успокоится и будет ходить ... и ходить. Я знаю.

Илла вздохнула. Сегодня это был уже третий посетитель, не считая лорда Шанга.

— Ну, хорошо, я ее выслушаю. Но не больше. Я не сыщик. Вам-то это понятно?

— Понятно, понятно, — кивнула голова секретарши, — но принять ее все же стоит. Если мы будем отказывать всем подряд, то кто же к нам придет в следующий раз? Никто. А репутация — это очень важно.

У головы госпожи Гобнет сделался очень многозначительный вид, и она исчезла, а через минуту в кабинет вошла молодая женщина. Она прижимала платочек к заплаканным глазам, и все время шмыгала покрасневшим носом. Обведя глазами кабинет, она увидела Иллу и бросилась к ней:

— Помогите, мою девочку, мою крошечку украли.

Илла усадила рыдающую женщину, обошла стол и уселась на место лорда Марэта.

— Давайте вы мне все по-порядку расскажете, и мы вместе решим что делать, — проговорила она мягким успокаивающим голосом. — Как вас зовут?

— Итти Барк. Я живу в предместье ... у нас с мужем ферма. Мы выращиваем овощи и

животных ... пригодных для ... ну вы понимаете?

— Нет, — честно призналась Илла.

— Ну ... для этого ...

Барк замолчала, предоставляя Илле самой догадаться, для чего нужны овощи и животные, кроме общеизвестных случаев. Но Илла понятия не имела. Она тоже смотрела на женщину, округлив глаза. Мысленно Илла перебирала варианты, но ничего путного из этого не выходило.

— Господи, девушка, а вы точно детектив? На вывеске написано: «МИФ. Бюро по расследованиям».

— Ну, я не совсем детектив ... скорее практикант, — осторожно проговорила Илламэль. — Вот лорд Марэт, тот точно — сыщик. Но его сейчас нет в городе ...

— А, ладно, — махнула рукой Барк, — все равно меня никто слушать не хочет. Где я только не была. Вы первая кто согласился. Так что выбора у меня так и так нет.

У нас с мужем договор с орденом Спасения. И лицензия от самого лорда Толли. Мы выращиваем овощи и необычных животных пригодных для особой диеты. О нашей ферме говорят, что мы занимаемся селекционированием. Имя Барк общеизвестно, поэтому я и удивилась, что вы не в курсе. Все детективные агентства и прочие правоохранительные органы извещены об этом и не задают лишних вопросов.

— Теперь понятно, — кивнула Илламэль. — И что же случилось? Как пропала ваша дочь? Когда вы видели ее последний раз?

— Дочь?! О, нет. Слава Тьме с ней все хорошо! — воскликнула Барк и нанесла на себя охранный знак. У меня пропала собака. Моя крошечка. Моя любимица — Ксси.

Илла едва не расхохоталась. Она подавила улыбку и с серьезным лицом продолжила расспросы:

— Так может она убежала? ... Погулять с ... мальчиками?

— Ах, оставьте, — отмахнулась леди Барк. — Какие мальчики, когда Ксси порвет любого, кто к ней приблизится. Она же с лошадь ростом.

— Так она опасна? — теперь Илла встревожилась не на шутку.

— Конечно, опасна, если не знать, как с ней обращаться.

— И много у вас таких собачек? И для чего ордену Спасения понадобились такие существа?

— Вы задаете вопросы, которые не должны и требуете ответы, которые я не обязана давать.

— Тогда ладно. Я, к большому сожалению, ни чем не могу вам помочь.

— Вот и все тоже так. Как только я отвечаю подобным образом, меня выставляют за дверь. Но это не справедливо! Обратись к вам с такой же просьбой любая другая леди вы же не стали бы задавать глупый вопрос, для чего ей нужна собака?

— Но у другой леди не могло быть собаки с лошадь ростом!

— Верно. Но это не меняет сути дела! Просто найдите ее и все.

Несколько минут они в упор смотрели друг на друга. И Илла отступила — какой прок, если она выставит женщину и не узнает правды? Возможно, в любом другом случае так бы и случилось, но ... орден Спасения — это решило все.

— Опишите ее приметы, — попросила она леди Барк.

— Серая, с коричневыми пятнами на левой ноге и правом ухе. Это кроме размеров, разумеется. Но она еще и травоядная ... так что нападать без причины не будет. Только если

ее спровоцировать — тогда вступают в силу законы самосохранения и Ксси просто перекусит любого, кто ей не понравится. Особенно если у того будет оружие. Любое.

Илла едва не подавилась очередным неосторожным вопросом, но сжала губы, и промолчала.

— Я постараюсь узнать что-нибудь и сразу вам сообщу, — пообещала она. — Вряд ли собака с такими приметами могла исчезнуть бесследно. Очевидно — ее кто-то видел и непременно запомнил.

— Благодарю вас от всей души. — Леди Барк встала и протянула Илле руку. — С нетерпением буду ждать вашего вестника. Все доброго, госпожа Ивитт.

— У тебя опять эмоции через край хлещут, мой друг. Не боишься снова ошибок наделать?

Ответом лорду Шангу послужил глухой полузадушенный рык. Рьянн Толли находился в боевой демонической трансформации.

Шанг вольготно раскинулся в кресле и с иронической полуулыбкой наблюдал за мечущимся по кабинету другом.

— Ты, никак, на ночную охоту летал? И зад надрал нашему сыщику-вервольфу?

Снова рык. Теперь в сторону Шанга полетели языки пламени.

— И девочку ночью навещал?

Рык перерос в рев.

— И даже не тронул?

Демон ринулся на Шанга, полыхая огнем, из его глотки рвался оглушительный полустон-полурев.

Шанг ждал не двигаясь. Но когда демон навис над ним, он выставил перед собой ладони и яркий магический щит оградил его от когтей, клыков и огня друга. Демон ярился, рвал и метал, но не мог преодолеть преграды. Через какое-то время он ослаб и лорд Шанг убрал защиту, а на пол упал обессиленный Рьянн в человеческом обличье.

— Зачем ты изводишь себя?

— Мне становится все трудней сдерживать его. А теперь, когда «Сердце Хаоса» рядом, это иногда становится просто невыносимо как тяжело. Малейшая угроза, все равно от кого, и он рвет все мои преграды, — простонал Рьянн, с трудом поднимаясь на ноги. — Спасибо. Теперь некоторое время можно не опасаться, что я оторву кому-нибудь голову прямо на улице.

Неожиданно на перстне Шанга замерцал изумруд.

— Госпожа Илламэль? Что-то случилось? — обеспокоенно спросил Шанг.

— Я точно не знаю, — взволнованный голос Иллы прозвучал в кабинете Рьянна так четко, как будто она сама стояла рядом с креслом лорда. — Но, думаю, нам нужно увидеться и кое-что прояснить. Это насчет тех тварей, с которыми сражался лорд Марэт в подземелье.

— Сейчас буду, — Шанг бросил взгляд на Толли. Тот стоял, скрестив руки на груди и вопросительно подняв брови. — Илламэль, вы позволите захватить еще одного собеседника? Уверен, он будет полезен.

— Если вы так считаете, я не против.

— Тогда ждите нас через минуту.

Камень погас.

— Илламэль?! Ты назвал ее просто по имени? Да как ты посмел?!

Облик лорда Толли вновь стал размываться. Его тело увеличилось, мышцы взбугрились, а на голове появились длинные витые рога. В глазах бушевал огонь.

— Конечно, я связал ее собой, — спокойно ответил Шанг. — Я тоже учусь на ошибках. Собственных и чужих. Ты же поставил на нее защиту? И поисковик? Я сделал то же самое. Не вижу причин для гнева. Я вступил в игру и честно об этом предупредил. И пусть выиграет тот, кого она выберет. Другого не потерплю. Это я тебе гарантирую.

Толли огромным усилием подавил своего демона. Его облик вновь стал человеческим.

— Как угодно, — мрачно проговорил он и открыл портал.

Они шагнули одновременно. Илламэль стояла у окна и от неожиданности едва не вскрикнула.

Два темных лорда. Почти одинакового роста. Один с темно-русой косой, другой с иссиня черными локонами ниже плеч. У одного пронзительный взгляд темно-зеленых таинственно мерцающих глаз, у другого во взгляде черная бесконечная бездна. Оба смуглы и красивы до неправдоподобности ... и оба так суровы, что ей стало страшно.

— Здравствуйте, — только и смогла выговорить девушка.

Шанг опомнился первым. Улыбнулся, сделал единственное плавное движение и оказался рядом.

— Мы напугали вас, простите, — мягкий завораживающий голос и нежное касание к руке.

Но Илламэль не слышала и не замечала этого: она не могла оторваться от непроницаемо черных глаз лорда Толли. Он словно затягивал ее в беспросветную мглу бездонной пропасти, и она падала, падала, падала — нескончаемо долго.

— Илламэль ... Ивитт, рад встрече.

Резкий раздраженный голос лорда Толли вывел ее из ступора. Она присела в коротком книксене.

— Я тоже рада вас видеть, лорд Толли. Пожалуйста, проходите. Лорд Шанг, вы просили меня связаться с вами, если я что-то узнаю. Так вот ...

Илламэль старалась говорить четко и ровно. Это было непросто, очень не просто. Она чувствовала, что помимо ее собственного волнения из-за неожиданного визита лорда Толли в кабинете ощущается еще что-то: волны сильнейшей магии. Они были почти видимы. Шла какая-то борьба. Илламэль не могла понять, что происходит, но силовые вихри так и кружились вокруг нее. Все быстрее, все интенсивней, ощутимей ... она провалилась во тьму.

— Мрак тебя раздери, Рьянн! — прорычал Шанг, подхватывая девушку на руки. — Держи себя в руках!

Но Толли не ответил, он резко выбросил руку вперед и рядом с Шангом упали две наргини. Они корчились под черным взглядом своего хозяина. Одна сжимала в руке обнаженный меч, другая держала наготове магическую сеть.

— Это что еще за фокусы? Твои наргини? За какой Тьмой?!

Шанг усадил бессознательную Илламэль в кресло.

— Что здесь происходит?

— Я и сам был бы не прочь это узнать.

Проговорил взбешенный Рьянн и склонился над одной из своих охранниц. Пнул ее носком сапога и прорычал:

— Что. Это. Такое! Я что вам приказал? Вы должны ее охранять, а не ...

Его прервал грубый разъяренный рык охранницы. Ее глаза резко открылись. Оказалось, что зрачки у нее подернуты белой пеленой и смотрят неподвижно прямо перед собой. Оскаленный рядами острых зубов рот не шевелился, но скрипучий голос, прозвучавший на неправдоподобно высокой ноте, вырывался из ее горла:

— Тебе сегодня опять повезло, лорд. Но игра только началась.

Тела наргинь вдруг взорвались и рассыпались в пыль. Лорды стояли и изумленно смотрели, как на пол осыпается их прах. Они впервые за всю свою бесконечно долгую жизнь не знали, что сказать.

— Знаешь, а твоя навязчивая идея снова запереть ее в замке, теперь не кажется мне такой уж бредовой, — пробормотал Шанг, взглянув на Илламэль.

— В моей Академии она будет в безопасности, — глухо ответил Рьянн. — Главное дожидаться конца лета.

— Да за какой Тьмой ждать?! Придумай какие-нибудь курсы. Загрузи ее по полной. Скоро вернется Марэт и примется таскать ее по своим расследованиям! Нам это нужно?!

— Я дал слово, что она будет с ним работать — значит, сдержу его. Я тоже не повторю старых ошибок, Рен. И тоже буду бороться за нее всеми возможными способами. И первое, что я сделаю — не подрежу ей крылья.

— Это слишком опасно! Так рисковать только для того, чтобы понравиться ей?! Это бред. Опомнись.

Но лорд Толли даже не взглянул на друга, он подошел к креслу и опустился на одно колено.

— Расскажи, о чем вы говорили сегодня утром? — попросил он.

Шанг на мгновение закрыл глаза и передал по ментальной связи свой утренний визит в бюро МИФ.

— Она первой поняла, что опасность грозит именно ей, — прошептал Шанг.

Толли улыбнулся каким-то своим мыслям и положил ладонь на холодный лоб Илламэль.

Девушка открыла глаза, и первое что она увидела: встревоженное лицо лорда Толли.

— Мне страшно, — прошептала она.

— Мне тоже, — голос лорда Толли проникал в самое сердце. — Мне тоже страшно, Илламэль. Я очень боюсь, что в следующий раз не успею, и вы окажетесь в смертельной опасности ... но я знаю, как уберечь вас.

Его взгляд затягивал в непроницаемо-черную бездну. Лишал воли, туманил разум ...

— Как? — Илламэль не могла отвести от него взгляда, хотя смутно осознавала, что это, наверное, очень не прилично лежать вот так ... совсем рядом с ним, смотреть на него, когда его лицо, губы, глаза находятся так близко ... что подумает лорд Шанг ... и госпожа Гобнет, если войдет ... хотя какая разница ... ведь он рядом ...

— Выходите за меня замуж ...

Ее глаза распахнулись от изумления, но ...

— Да.

Слово сорвалась с губ, прежде чем она сама осознала, о чем попросил лорд Толли. Ведь она так давно мечтала об этих словах, что даже не поняла: они наконец-то были произнесены наяву, а не в ее несбыточных мечтах.

В кабинете вдруг что-то громко хрустнуло, и послышался сдавленный рык:

— Янн, ну ты и ... каналья!

Тихий довольный смех лорда Толли был ответом. Он осторожно поднял Илламэль и опустил на ноги. Снова стал перед ней на колени, взял ее за левую руку и проговорил:

— Леди Илламэль Ивитт, я прошу Вас оказать мне великую честь и стать моей женой.

А что ей теперь оставалось?

— Да.

Лорд Толли снял со своего мизинца перстень с черным камнем и надел на безымянный палец ее левой руки. Перстень был очень велик, но мгновение ... и он прочно обхватил ее пальчик, а камень вдруг ярко вспыхнул и его цвет поменялся — теперь в перстне горел редчайший алый бриллиант.

В комнате повисла потрясенная тишина.

— Истинная любовь! Надеюсь, ты понимаешь, что это для нее значит, — тихо проговорил лорд Шанг и исчез.

Илла стояла и смотрела на лорда Толли. Она еще не могла до конца постичь того, что сейчас произошло. Но она ждала с замиранием сердца: вот сейчас он поднимется с колена, прижмет ее к своей груди и скажет о своей любви. А она расскажет ему о том, как давно мечтала об этой минуте, как сильно любит его, как ...

— Илламэль, сейчас мы отправимся во дворец. Потом будет подготовлен бал в честь нашей помолвки и после этого у тебя будет такой же статус неприкосновенности, как и у первых леди Империи. Никто не посмеет причинить тебе вред. Ты можешь быть спокойна, я никому не позволю и пальцем до тебя дотронуться.

Боясь того, что она совсем не правильно поняла лорда Толли, Илламэль подняла на него глаза. Он смотрел на нее сухим отстраненным взглядом. Он не любил ее и не хотел. Просто по какой-то немыслимой причине она нужна ему живая и невредимая. И для того, чтобы с ней не произошло ничего дурного, он предложил ей защиту ... что ж, она ее приняла.

— Нет, — Илла отступила на шаг от лорда Толли. — Я останусь у бонны Фрабб.

— Что?!

Рьянн поднялся с колена и встал рядом с Илламэль — оказалось, что она едва достает ему до плеча. Но это ее не смутило. Девушка гордо вскинула голову и посмотрела на лорда Толли совсем без боязни, в ее глоссе слышался даже вызов:

— Я буду жить у госпожи Фрабб.

— Это еще почему? — лорд Толли был искренне удивлен. — В городе тебе грозит опасность. Я думал, ты это понимаешь, и ... решение принято, говорить больше не о чем. Ты обязана меня слушаться.

— Почему?

— Что почему?

— Почему обязана? Я теперь ваша собственность? Рабыня?

— Нет, конечно. Что за глупости. Просто я лучше знаю, что нужно делать. Илламэль. Ты не должна так себя вести. Это глупо ...

Гнев, боль, разочарование ... она едва сдерживала слезы.

«Но нет ... и не мечтайте, темный лорд, вы не увидите моего позора!».

— Глупо?! Мы помолвлены, лорд Толли, только потому, что так вы сможете меня защитить. Я это понимаю и приняла решение совершенно сознательно. Если бы это сделал лорд Шанг, думаю, разница была бы не большой ... Но если у вас другие намерения насчет меня, то вы глубоко ошибаетесь. Помолвку можно и разорвать.

Толли улыбнулся и слегка наклонился, теперь их глаза были на одном уровне:

— Поздно, милая, — камень алый. Ты любишь меня.

— Камень может и алый, но я не знаю, что это значит, а любить вас, лорд Толли, пока не за что.

— Алый, Илла, значит — твоя любовь истинна. Я твоя судьба. Смирись с этим.

Илламэль очень хотелось спросить: «А ваша любовь истинна, лорд Рьянн Толли?», но она не спросила, она ответила:

— Я всю жизнь мирилась с судьбой. Терпела унижения, побои, напрасные обиды. Больше я этого делать не собираюсь! Если моя судьба быть покорной, то я изменю ее или умру свободной, но помыкать собой больше не позволю. Так и запомните ... лорд Толли. Я приняла вашу защиту и только. О любви речь не идет.

— Ты полюбишь меня, клянусь Тьмой.

Толли был взбешен.

— Это мы еще посмотрим.

— Ты говоришь это просто из вредности. Но камень алый, Илламэль. И ты ничего не изменишь.

Лорд Толли возвышался над ней такой весь из себя уверенный и довольный. Он и мысли не допускал, что она может пойти на решительный шаг, но ...

— Лорд Толли, я разрываю нашу помолвку.

Илламэль решительно схватила за перстень и со всей силы рванула его с пальца.

Тихий смех и:

— Ничего у тебя не выйдет, Илламэль. Камень алый — ты моя. Перстень можно снять только в двух случаях: если ты меня возненавидишь или умрешь. А я этого, как ты сама понимаешь, никогда не допущу.

Лорд Толли больше ничего не сказал. Он просто исчез. А на следующее утро во всех газетах было объявлено о помолвке лорда Толли с леди, имя которой не называлось.

Уверяя Илламэль в том, что она отныне и навеки безраздельно ему принадлежит, Рьянн, конечно же, лукавил: он-то помнил: от любви до ненависти — один шаг. К тому же если камень и был алым это вовсе не означало, что Илламэль уже без памяти в него влюблена — это могло быть лишь предтечи глубокой истинной любви.

Поэтому он не стал настаивать. Он просто отступился на некоторое время и не навязывал Илламэль свое общество, но каждое утро она находила в своей гостиной огромный букет цветов ... и от этого злилась еще больше.

Глава 11

Лорд Марэт вернулся через две недели, как и обещал. Был сдержан и суров пуще прежнего. Он лишь мельком взглянул на новое украшение Илламэль, свел к переносице брови и ничего не сказал.

Дни летели, как пущенная из арбалета стрела и до начала занятий в Академии оставалось все меньше времени. Илламэль усиленно занималась — ей не хотелось выглядеть неучем среди однокурсников. Тот факт, что ее приняли без экзаменов, еще ни о чем не говорил — одно дело оказаться в нужном месте в нужное время, другое доказать, что она достойна учиться в одном из самых престижных учебных заведений Империи. Афишировать свои личные отношения с главой ведомства, которому принадлежала Академия, она не

собиралась.

Илламэль каждое утро перемещалась в бюро по телепортическому каналу и усаживалась за конспекты — к активному расследованию преступлений ее никто не допускал. Если нужно что-то обсудить, посмотреть запись с места преступления — это, пожалуйста, но о том, чтобы побывать там самой, об этом не могло идти и речи.

Отчасти Илла понимала, что это правильно — некий неизвестный маг-некромант, возможно безумец, а может и отступник, что было гораздо опасней, хочет заполучить ее для каких-то своих целей. И то, что пропавшая собака леди Барк оказалась среди тех тварей, которые напали на лорда Марэта в подземелье, только подчеркивал его силу и безумство. Тут уж не до разъездов по огромному городу и его предместий. Но с другой стороны было немного обидно.

«Вот закончу Академию, тогда не отвертитесь!» — угрюмо думала каждый раз Илламэль, глядя, как везучий и довольный Хиз исчезает в портале вместе с их патроном.

Но и сказать, что она была пленницей и находилась под своеобразным домашним арестом, тоже было нельзя. В одно прекрасное утро, когда Илламэль как обычно с угрюмым видом проводила Хиза и лорда Марэта на очередное место преступления, дверь распахнулась и в кабинет впорхнула, по-другому не скажешь, молоденькая демонесса. Тоненькая, с небольшими рожками, выглядывающими из короткого иссиня-черного ежика сверхмодной стрижки. Ростом она оказалась не выше Илламэль, но высоченные каблуки туфелек на стройных ножках, не спрятанных от скромности под длинной юбкой, как это делала Илла, прибавляли ей больше десятка сантиметров.

— Привет, — прозвенели колокольчики высокого мелодичного голоса. — Так ты и есть невеста моего брата? Очень приятно.

Илла опешила:

— Лорд Толли демон?!

— Ах, не бери в голову, — отмахнулась демонесса. — В мирах Хаоса водятся монстры и пострашнее демонов. — Илла в этом сильно сомневалась. — Так что пусть тебя это не напрягает?! Но вообще-то ты права: быть невестой Рьянна та еще засада.

— Почему?

— Еще поймешь, — рассмеялась демонесса. — Кстати, меня зовут Зоэлли. — Она подала Илле руку с немыслимо длинными ногтями, окрашенными в черный цвет. — Я пришла познакомиться. Интересно, знаешь ли, увидеть кого, наконец, выбрал наш привереда. Но, — Зоэлли оглядела Илламэль с ног до головы, — я разочарованна.

У Иллы сердце остановилось.

— Ты совсем не умеешь одеваться! — выпалила демонесса — Ты что — хочешь, чтобы над Рьянном и семьей весь дворец потешался?! С такими данными и в таком тряпье. Жуть. Жуть. Жуть. И еще раз жуть. Все, решено: завтра с утра по магазинам и ателье.

Прозвенев все это на одной высокой ноте, она упорхнула так же стремительно, как и ворвалась. А Илламэль так и осталась сидеть с распахнутыми от изумления глазами.

До этой минуты она как-то совсем не задумывалась над тем, что у Рьянна Толли может быть семья, родственники, друзья и всякое такое. Она не привыкла к такому — сиротство это особый уклад жизни, со всеми отсюда вытекающими навыками и привычками.

При такой жизни как-то не особо задумываешься, одобрит кто-то твой внешний вид или нет. По большому счету до этого никому нет дела.

К тому же Илламэль никак не ожидала, что Толли Рьянн посвятит в их отношения кого-

то из близких. Она ясно дала ему понять: их помолвка — блеф. Так зачем же он присылает цветы и сестру?

Зоэлль, как и обещала, появилась на следующее утро. Она приехала в собственном экипаже, в который были впряжены небольшие огнедышащие драконы. Они стояли у двери доходного дома госпожи Фрабб закованными в особую упряжь, так что поджарить кого-либо не могли, но на статус владельца указывали однозначно.

Весь день Илла провела вместе с Зоэлль. Они ходили по самым модным магазинам одежды, обедали в кафе, несколько часов провели в салоне для дам и мастера укладки сделали Илламэль несколько вариантов причесок для ее длинных волос. Заключение все это в особый амулет, и теперь она могла без труда менять укладку хоть по нескольку раз в день. В косметическом салоне ей подобрали дневной, вечерний и повседневный макияж, а так же несколько вариаций для торжественных и особых романтических случаев.

Костюмы и платья Илламэль купила по своему выбору, хотя Зоэлль и пыталась ее одеть на свой лад — броско и ярко даже с некоторым вызовом. Демонесса так и заявила, что девушки ее круга и возраста должны бросать миру вызов ... иначе как-то неинтересно.

Но Илла настояла на своем и в конце-концов все сошлись во мнении, что выбранные ею вещи элегантны и стильны и что у Илламэль, на самом деле, отличный вкус и все смотрится просто потрясающе.

Весь день у Илламэль было просто превосходное настроение — оказывается, потратить время на себя лично это так приятно. Ее настроения не испортил даже небольшой скандал, который закатила Зоэлль, когда Илламэль решительно отказалась брать деньги, которые прислал лорд Толли. У Иллы были свои сбережения, и она добилась, чтобы оплатить все покупки самой.

Зоэлль стала часто навещать Илламэль и вскоре они стали подругами, которой у девушки никогда не было. А демонесса так и лучилась неукротимой энергией. Ее веселый взрывной и непредсказуемый характер просто не позволял хандрить и печалиться.

Это утро началось как обычно. Была пятница, три дня до начала занятий в Академии.

Порадовавшись очередному шедевру — бидермейеру из роз, она спустилась вниз, чтобы выпить с бонной Май горячего шоколада с ватрушками и отправиться в бюро. Но в столовой ее поджидал расстроенный чем-то господин Хорх Фрабб. Дядя Хиза подошел к Илламэль, как только она вошла, и взволнованно схватил ее руку:

— Илламэль, у нас крупные неприятности. Можно сказать беда! Катастрофа! Ты должна помочь семье.

— Конечно. Всем, чем смогу, — тут же согласилась она, не понимая, чего от нее хотят.

— Замечательно. Тогда едем скорее. Время не ждет!

— Вот еще! — возмутилась бонна Наи. — А покормить девочку? Знаю я вас: не догадаетесь даже чаю предложить.

Пока Илла завтракала господин Фрабб не находил себе места. Картинно вздыхал, демонстративно вытаскивал из кармана жилета золотые часы на массивной цепочке и громко щелкал их замком. Но бонна была непреклонна: пока Илла не выпила шоколад и не съела две ватрушки, стояла у стола, как страж на посту и не обращала на деверя никакого внимания.

Но вот Илла освободилась от опеки бонны — ей и самой не терпелось узнать, что же

случилось, — господин гном поспешно вывел ее на улицу и усадил в закрытую карету.

Как только они отъехали от дома, он начал рассказывать:

— Выгляни в окно. Ты видишь эти горы, Илла?

Девушка кивнула.

— Это древние владения моего народа. Мы всегда обладали богатствами Каменного Пояса. Город Бугара возник на месте, где когда-то проходила граница наших земель. Здесь находился небольшой аванпост и рынок. Сюда стекались купцы и торговцы. Мы продавали золото, серебро и драгоценные камни. Закупали продукты, зерно, масло для светильников — все, что необходимо.

Предки Фраббов были одними из первых, кто построил в этом городе магазин-мастерскую, — дядюшка Хорх усмехнулся. — Ты не представляешь, чего это им стоило. Нашего пра-рпа-не-знаю-какого по счету деда, объявили предателем и даже исключили из общины мастеров ювелирного дела. Да, да, — кивнул он на удивленный взгляд Иллы, — было в нашей биографии и такое. Но когда дело неожиданно дало хороший результат, нашему примеру последовали другие. На месте маленького поселка разросся большой торговый город. Потом пришли Темные ... не скажу, чтобы гномы обрадовались. Война была жестокой. Но Темные владеют магией Хаоса — это и решило дело. Теперь слава Тьме все уже позади. И все довольны.

Илла видела, что старый гном не так просто завел этот разговор. Ему было трудно сказать о главном, и Илла терпеливо ждала — она чувствовала: сейчас лучше помолчать.

— Так вот. В горах, как тебе, наверное, известно идет постоянная выработка драгоценных камней и металлов. Материал поступает в наши мастерские напрямую. Через специально налаженный пневмомагический канал. Трубовод, проще говоря, работающий на магической тяге.

Мы тоже посылаем в свои именные хранилища, которые находятся в горах, — дядюшка указал тростью на пики горных вершин, — деньги и готовые изделия, где они и хранятся до нужного момента.

Вчера днем я переправил большую партию ограненных бриллиантов и золотых украшений, кои мои мастера изготовили для особого праздника, который, я надеюсь, в скором времени произойдет не без твоего участия. — Гном указал на левую руку Илламэль. — Леди уже сейчас начинают кое-что прикупать. Но интрига подогревает их интерес — здесь я совершенно согласен с лордом Толли: чем больше тайны, тем громче сенсация — и можно ожидать, что пик покупок наступит после объявления твоего имени и даты вашей свадьбы.

Илламэль промолчала, хотя старый пройдоха сделал внушительную паузу, ожидая очевидно, что его-то она посвятит в их с лордом Толли планы на этот счет. Поняв, что ждет напрасно, он раздосадовано крикнул и продолжил:

— Так вот, как я уже сказал, вчера днем мы переправили часть драгоценностей в хранилище, а поздно вечером я узнаю, что они даже не дошли до гор! Исчезли прямо по дороге! Как вам это нравится?! За тысячи лет ни разу ни с кем такого не случалось. Все шло как по маслу и вот, извольте — кража!

— А вы в Патруль обращались? Или к лорду Марэту? Ведь там же и Хиз ...

— Илламэль, девочка моя, репутация целой корпорации под угрозой! О чем ты говоришь? Какой лорд? Какой Патруль?! Если об этом узнают, такой скандал будет. Ведь в тайниках хранятся не только гномьи сокровища — это же хранилище имперского монетного

двора и личные сокровищницы всей темной верхушки. Дело государственной важности! Смекаешь? Короче, мы посовещались и решили — ты единственная, кто нам поможет. И смекалка у тебя что надо и молчать будешь — не из болтливых.

Конечно, мы могли бы попросить лорда Марэта провести неофициальное расследование, как тебя сейчас, но опасаемся, что появление сыщика в мастерских заставит преступников затаиться. О тебе же известно, что ты названная сестра Хиза и член нашей семьи. Так что я, вроде как, провожу для тебя экскурсию.

— Спасибо, конечно, за доверие, — Илла даже покраснела от смущения, — но я даже не представляю, что делать-то нужно?

— Ты только осмотришь там. Может, и увидишь чего, что мы не заметили. С сотрудниками поговори и все такое. У тебя ж глаза — орлу на зависть.

Они подъехали к большому помпезному зданию, украшенному по столичной моде статуями и лепниной. Молодой привратник — шустрый и безобидный на первый взгляд полувасилиск — отвесил почтительный поклон и открыл перед ними массивную, увитую золотыми завитушками, дверь.

— Проходи, дочка, посмотри на все это великолепие. Тут находится, можно сказать, сердце моего производства. Здесь создаются шедевры, куется достаток и благополучие целого клана Фраббов. Отсюда я руковожу всем делом, — гордость так и слышалась в каждом слове гнома. И надо сказать она была оправданной: изделия под маркой Фраббов известны далеко за пределами Империи.

Они прошли в мастерские, где Илламэль с удивлением и неподдельным интересом наблюдала за работой мастеров, корпящими над невзрачными на вид заготовками будущих шедевров ювелирного искусства. Полюбовалась на россыпь драгоценных камней. На готовые украшения, выставленные в особом выставочно-торговом зале, который был равен по размеру городской площади. Не меньше.

— Я почему тебе все это показываю? — проговорил гном. — Я хочу, чтобы ты прониклась, так сказать, грандиозностью масштабов и поняла, какая значимая часть всего этого была украдена. Ведь мы же не задействуем канал для маленьких незначительных партий — для этого у нас есть сейфы в подвалах. В хранилище поступают только действительно большие и наиболее ценные коллекции.

Илламэль внимательно и добросовестно осматривала, все, что ей показывали. И повсюду она замечала намеренно выставленные на показ способы обеспечения безопасности: магические камеры, стригои и леприконы. А скрытая охрана в виде бесформенных или призраков показывались ей отдельно.

Фрабб провел Иллу в подземные отделения мастерских, и здесь Илла увидела, как упаковываются драгоценности для транспортировки. Большая квадратная комната с длинными столами. В одной из стен круглый ход в тоннель, перекрытый массивной железной дверью. Илламэль, почему-то думала, что пневмоканал это тоненькая трубка из какого-нибудь полупрозрачного материала. На деле оказалось, что это тоннель в три человеческих роста. Это ж, какие по размеру ящики с драгоценностями можно пересылаться через такую трубу?

Упаковщики работали споро и слаженно. Пока Илла обошла комнату, к отправке уже было приготовлено несколько внушительных контейнеров, опечатанных охранными магическими знаками.

— Мы специально задержали эту партию, чтобы ты сама могла отследить весь процесс.

Конечно, такое происходит не каждый день: такие большие грузы мы отправляем раз-два в год.

Илламэль отвела гнома в сторонку и прошептала ему на ухо:

— А можно на один из контейнеров повесить маячок?

Гном снисходительно улыбнулся:

— Мы всегда вешаем: так проще отследить к какому приемщику попадает груз.

Илла серьезно кивнула и спросила:

— А кто его вешает.

— Мастер по смене.

— А вчера кто работал?

— Салт Глуд. Илла, у нас повсюду камеры, запись ведется круглосуточно. Все на виду — муха не пролетит.

— Понятно. А можно немного пройтись по тоннелю.

— Конечно.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Хорх Фрабб махнул кому-то рукой, и круглый люк медленно открылся — дверь была толщиной не меньше двух метров. Тоннель оказался освещенным рядом светильников, прикрепленных к стенам.

Илламэль поднялась к входу по нескольким ступеням и вошла в каменную трубу. Здесь было холодно и сыро. Под самым потолком она увидела еще одну трубу, которая соответствовала ее представлениям о пневмоканале — полупрозрачная и небольшая в диаметре.

— А это? — она указала на трубу.

— Это как раз и есть тот особенный канал, по которому происходит перемещение особо ценных грузов. Из него-то и произошла кража. — Расстроено проговорил Фрабб. — Большие ящики уходят на специальном воздушном транспорте. А эксклюзив и деньги прямо из моего кабинета по этому малому маговоду. К нему доступа ни у кого нет.

— Господин Фрабб, мы могли бы проехать на этом транспорте вдоль всего канала?

— Рабочие ездят, следят за порядком и все такое, значит, и мы можем, — согласился Фрабб.

Он нажал на какую-то кнопку в стене, и она отъехала в сторону. Из темноты показалась двухместная тележка, зависшая в воздухе. Гном помог Илле сесть и, кряхтя, забрался в нее сам. Потом нажал на еще одну кнопку на поблескивающей панели в стене, и они тронулись.

— Сойти с тележки можно только в двух случаях, — пояснял Фрабб, — если на трассе завал, такое иногда бывает, или поломка в самом воздуховоде. Аварийная ситуация одним словом. Я задействовал как раз такой режим, и мы можем притормозить в любом месте. Смотри, дочка, внимательно. Если бы здесь было что-то рядовое — мы бы сами во всем разобрались. Сама видишь, какая здесь защита. Просто так ничего не украсть.

Тележка двигалась не быстро и Илла могла спокойно осматриваться. Ей было немного тревожно — вдруг она не оправдает ожиданий дядюшки Хорха? Конечно, головы с нее за это не снимут, но было бы здорово помочь гному и доказать некоторым чересчур нерешительным и осторожным, что она тоже кое-чего стоит.

Тоннель был прорублен в материковой скале. Гранитные стены топорщились острыми углами, а из-за глубоких теней от светильников казались еще более шершавыми и грубыми.

— А что это за дыры?

Илла указала на небольшие круглые отверстия в стенах под самым потолком. Они располагались через равное расстояние друг от друга.

— Вентиляция.

— Господин Фрабб, как давно они чистились?

Гном удивленно посмотрел на Иллу:

— Они никогда не чистятся. Когда здесь проходят большие грузы, то создается воздушный вихрь такой силы, что пробивает любые засоры.

— Понятно. Можно нам вернуться немного назад?

Гном нажал ногой рычаг в днище, и тележка покатила в обратную сторону.

— Илла, я всю ночь мотался по этому тоннелю. Мои поисковики обшарили каждую щель. Здесь ничего нет.

— Вот с этим я согласна: здесь нет того, что быть должно. Остановитесь, пожалуйста.

Тележка затормозила и Илла вышла из нее. Гном заинтересованно последовал за ней и, подняв голову, принялся вместе с девушкой рассматривать круглую дыру вентилятора. Он не понимал, что ее так заинтересовало.

— Дядюшка Хорх, вчера вы переправляли свои драгоценности по малому каналу одновременно с крупной партией, которая двигалась по большому тоннелю, и здесь образовался вихрь. Я все правильно поняла?

— Да, но только я отправлял, а контейнеры с сырьем шли, наоборот, из гор.

— Это не важно, важно, что они встретились по пути.

— Это почему же?

— Вот посмотрите. Видите? В других вентиляционных вытяжках, дармский мох уже есть, а в этом нет. Этот мох, как общеизвестно, растет только при постоянном потоке воздуха.

— Но я же все осмотрел ночью и не заметил этого. Да и какая разница? Мы обшарили все вентиляторы — в пределах километра поисковики ничего не обнаружили. И на самом корпусе малого канала нет ни единого магического следа — поисковики как раз и нацелены на поиск магических вторжений. Они бы никогда не пропустили даже малейшего вмешательства.

— В том то и дело, что вы искали именно магический след. А его здесь и быть не должно, потому как никто магию не применял. К тому же мох растет несколько часов — ночью вы не могли заметить этого несоответствия. Тот, кто совершил преступление, хорошо знал об этой особенности мха и все предусмотрел.

Гном нахмурился, почесал затылок и спросил:

— Ты думаешь это кто-то из моих сотрудников?

— Скорее из сотрудников пункта приема или отправки груза в горах.

— Но это разные пункты? — не согласился гном.

— Ну и что? Разве так трудно узнать, когда вам планируют отправить груз? Или когда вы будете посылать свой. Вы же, наверное, договариваетесь об этом заранее.

— Ну, в общем-то — да.

Илла попросила:

— Можно подняться к самой трубе?

Гном подозвал к себе тележку, и они встали на нее. Потом она плавно поднялась к самому потолку. В полупрозрачном корпусе трубопровода, как и ожидала Илла, нашлись едва заметные глазу трещинки. Они были тщательно заклеены бесцветным клеем, и увидеть их с

пола было просто не возможно.

— Вот, я же сказала: никакой магии. Все сделано вручную. В мире, где магия заменила все простейшие операции, и поисковики настроены только на нее, спрятать следы физического вмешательства не трудно. Ведь вы же даже не подумали осмотреть канал своими глазами.

— И что же, по-твоему, сделали злоумышленники? — голос у гнома был немного скептическим.

— Это просто: они проделали в пневмоканале отверстие и вставили раструб, который по инерции вытолкнул ваши драгоценности в вентиляцию. Дальше все прошло по естественному пути: один вихрь протолкнул пакеты далеко внутрь. Другой вытолкнет их окончательно. Ведь вы собираетесь, сегодня отправить большой груз, не так ли? Так, что ваши драгоценности, по всей вероятности, и сейчас находятся глубоко в вентиляционной шахте.

— Но как же они намериваются их достать — это же километры грунта и скал?!

— Теперь, когда в вентиляционной шахте нет раструба, вихрь с легкостью вытолкнет свертки, а преступникам только и остается выловить их снаружи. Применят сеть или еще что-нибудь.

— Гениально!

— Да, до такого не каждый додумается, — согласилась Илламэль.

— Да я не о мерзавцах, Мрак их раздери! Я о тебе. Ты прирожденный сыщик.

Илламэль зарделась от похвалы.

— Задержите отправку. Найдите выход из этой вентиляции, и только тогда пускайте движение. Жаль только, что в таком случае вы, наверное, не поймаете тех, кто украл ваши драгоценности. Вряд ли они не будут осведомлены о том, что нам стало известно об их планах.

— Ну, это уже мелочи, девочка моя. Сейчас мы вернемся, и ты с довольным личиком поблаговаришь меня за увлекательную экскурсию. Дальше — дело техники.

...

В бюро сегодня Илламэль не поехала. Вернулась домой, пообедала вместе с бонной Наи и поднялась к себе.

В квартире её ждал сюрприз: на подоконнике открытого настежь окна полубоком сидел лорд Толли.

Илла от неожиданности и волнения осталась стоять у порога и вопросительно смотрела на хмурого жениха.

— Илламэль, — лорд Толли встал и в один плавный шаг оказался возле девушки. Его тело при этом растворилось в воздухе словно тень. — Я ждал тебя в бюро, но ты там не появилась. Могу я узнать, где ты была?

Вот еще новости: сам ни разу не соизволил появиться у нее после помолвки, а требует отчета об ее делах?!

— Здравствуйте, лорд Толли. Чем обязана визиту? Вы, похоже, меня решили игнорировать. Но за цветы спасибо, разумеется.

Илла старалась, чтобы ее голос прозвучал как можно саркастичнее, но похоже, надежды на то, что все у них наладится, в нем было больше.

— Прости, сейчас у меня очень много работы. Но обещаю, скоро мы сможем проводить вместе больше времени.

— Не стоит беспокоиться — мне не скучно.

Илламэль обошла лорда и села на диван. Зоэлль меня прекрасно развлекает. Ведь это ваш приказ?

— Это не приказ, — Толли подошел, присел рядом и взял Илламэль за руку. Её сердце замерло ведь это был первый случай, когда Рьянн прикоснулся к ней, если не считать того раза, когда надевал кольцо, но она и вида не подавала как взволнованна. — Ты нравишься сестре, и она с удовольствием тебя навещает.

Илла едва не спросила, нравится ли она ему, но вовремя придержала язык.

— Так что вас сюда привело?

— Через два дня начинаются занятия в Академии, и мне бы хотелось, чтобы ты поселилась в общежитии. Там для тебя уже приготовлена небольшая квартирка, не хуже этой. Ты будешь довольна. На занятия ходить близко, значит, у тебя будет больше времени для учебы. К тому же зима здесь очень суровая — почти все время сумерки. И метели по нескольку дней. Преступники еще не найдены — ходить одной опасно.

— Спасибо за заботу, лорд Толли. Но я все же останусь жить у бонны Наи.

— Ты злишься на меня, — грустно проговорил Толли. — Наверное, это правильно. Но я не хочу торопить события. Ты еще слишком молода, Илламэль, почти ребенок. А мне уже несколько тысяч лет. Это, конечно, большой роли не играет, но давай немного подождем.

На глаза Илламэль навернулись слезы:

— Об этом, лорд Толли, нужно было думать прежде, чем надевать мне кольцо. К тому же, если мне не изменяет память, наши с вами чувства здесь абсолютно не при чем. Наша помолвка — блеф.

Но если вы хотели поставить на меня какую-то свою мужскую печать, заклеить как лошадь, чтобы ни у кого не появилось соблазна. Что ж — вам это удалось. Тогда другое дело. Хотя, признаться, не совсем понимаю, чем я вас привлекла — ведь мы едва знакомы. Но клянусь, вам долго придется ждать моего согласия на свадьбу. Раз я не могу расторгнуть помолвку, значит, свадьба будет не раньше, чем я соглашусь на нее.

Илламэль встала и гордо взглянула на Толли сверху вниз.

— Простите, мне необходимо отдохнуть.

Толли поднялся, не отпуская её руки, медленно наклонился, как будто ему было трудно это сделать, и поцеловал в макушку.

— Прости, — прошептал он, открывая портал.

— Одну минуту, — остановила его Илламэль. — Я официально заявляю вам, что не намерена придерживаться каких-либо ограничений в своих действиях. О том, что мы половлены, не знает никто кроме самого узкого круга посвященных. Поэтому я не желаю сидеть дома и ждать, когда у вас появится время, чтобы сопровождать меня на праздники и приемы.

— Как пожелаешь.

Лорд Толли шагнул в портал.

Илла упала на диван и громко разрыдалась.

В газетах о происшествии в мастерских господина Фрабба не было ни строчки, но щедрый подарок Илламэль получила в тот же день. Подробное же описание этого расследования в купе с пространном письмом, с упреками в свой адрес лорд Марэт нашел на своем столе к вечеру того же дня. Гномья община выражала протест против того, что

Илламэль Ивитт не оценена по-достоинству и отстранена от активного ведения дел в бюро, равноправным партнером которого является.

Глава 12

Роскошный особняк лорда Толли расположен на краю обрыва в океан, и кажется, что он парит над водой. Стекланный фасад и террасы по его периметру открывают потрясающий панорамный вид.

Рьянн сидел на террасе и любовался закатом, когда со стороны города к дому подлетел дракон, и лорд Шанг спрыгнул с его спины.

— Как поживает счастливый жених? Что-то особой радости на лице не наблюдается! — Шанг прошел к столику со спиртным и налил себе вина. — Поведай-ка старому другу, что тут без меня делается. Когда свадьба?

Толли хмуро взглянул на Гуррэна и спросил:

— Сам-то где пропадал больше месяца?

— Так, проводил кое-какие исследования.

— И как? Успешно?

— Не совсем. Но об этом потом. Как у вас-то дела? Узнал, что ты дома и очень удивился: разве ты не должен проводить все время с невестой?

Рьянн отвернулся и промолчал.

Шанг уселся напротив и потребовал:

— Рассказывай.

— Нечего рассказывать. Мы решили ... я решил не торопиться со свадьбой. Пусть немного подрастет, наберется опыта ...

— Какого? ... хохотнул Шанг.

Толли промолчал.

— Темнишь ты, друг мой. Ой, темнишь. Выкладывай начистоту. Разве мы не друзья? Всю жизнь, с малых когтей, считай, вместе. Ни разу не подводили друг друга — и сейчас разберемся.

Рьянн помолчал немного, собираясь с мыслями. Бокал в его тонких чувственных пальцах слегка покачивался, разнося аромат дорогого вина.

— Я не понимаю, что со мной происходит, Рэн, — с глубоким чувством сожаления проговорил Рьянн. — Когда увидел ее, думал, с ума сойду от радости и нетерпения. Места себе не находил. Готов был пол столицы разнести от избытка чувств. А как надел кольцо — все. Отрубил. Даже поцеловать не смог. Признаюсь, не сразу это понял. Сначала просто поддразнить хотел. Накатило потом, когда один остался.

Она вернулась другой, Рэн. Не моей Мэльлитой.

Хорошенькая, смущенная и полна ожиданий. От одного взгляда на меня у нее сердце останавливается — а я пуст. Ничего не чувствую. Даже демон не просыпается.

Между друзьями повисла тягучая тишина.

— Сегодня был у нее. Хотел все рассказать ... и не смог. У нее были такие глаза. Столько гордости ... и столько надежды. Последним подлецом себя чувствую. Проямлил что-то и сбежал.

Шанг слушал, хмуясь все больше, а после проговорил глухим голосом:

— Предательство, Янн, очередное. И на этот раз страшное ...

— Да ...

Толли опустил голову и несколько минут сидел не подвижно.

— Надеюсь, ты понимаешь, что ей сейчас никак нельзя оставаться одной? Марэта ты предупредил, и он против тебя не пойдет, как бы она ему не нравилась. Зоэлль не поможет, хотя и уже любит девчонку.

Надо ее занять чем-то. Учеба. Работа в бюро. Скажи Марэту — пусть берет с собой на расследования. Наша защита мощная, никто не причинит ей вреда. А у тебя еще есть немного времени, чтобы разобраться в себе. Потом не обижайся — отберу. Я предупреждал.

Шанг встал и шагнул в открывшийся портал.

Рьянн Толли неподвижно просидел до самого утра.

— Соня, сонюшка, вставай!

Голосок Зоэлль прозвучал над самым ухом. Илламэль открыла глаза и с удивлением отметила, что утро уже в самом разгаре. Впервые она проспала так долго, но учитывая, что всю ночь промаялась и проплакала — это было объяснимо.

— Поднимайся, красавица, я похищаю тебя на весь день!

Зоэлль хищно оскалилась и, наставив на Иллу рожки, бросилась на нее. Впилась длинными ногтями в одеяло и принялась через него щекотать девушку, зная, что она этого боится.

— Куда это ты меня похищаешь? — заверещала Илламэль, скручиваясь в приступах смеха.

— Послезавтра начало учебного года — сегодня все студенты на природе! Традиция. Так что — пикник. Ма-аленький такой пикничок-междусобойчик, — Зоэлль соскочила с кровати.

— А ты тоже студентка? — удивилась Илламэль.

— Ага, третью вышку одолеваю. Янн заставил. Одевайся побыстрее, я принесла тебе одежду.

— У меня и своя есть, — буркнула недовольно Илла, поднимаясь вслед за подругой.

— Такой нет — мы же пойдем к океану. Поплаваем, позагораем. Ты, небось, так ни разу и не побывала на пляже. У нас есть свой, закрытый. Там никто не потревожит и можно хоть голышом купаться.

— Разумеется, у вас все есть: и пляжи, и драконы и ... кольца, которые снять невозможно, — глухо проворчала Илламэль, отправляясь в ванную.

— Что ты сказала?

— Погода хорошая.

— А ... это да. Давно такой погоды в конце лета не было. Парко, солнце жарит как в середине лета.

Когда Илла вернулась после душа, демонесса усадила ее на стул, сунула в руки чашку с горячим шоколадом и ватрушку, а сама принялась заплетать ей косы.

— Люблю возиться с волосами, — призналась она. — Если бы не престиж рода пошла бы в стилисты. А что?! У меня бы получилось. Но мы императорская семья — нам не положено заниматься простонародными ремеслами.

— Как это императорская семья? — не поняла Илламэль.

— А разве Янн тебе ничего не говорил? — удивилась демонесса. — Странно. Хотя он

так занят в последнее время, что, наверное, просто не успел тебя посвятить во все тонкости.

Но раз ты теперь почти член нашей семьи, так что не будет ничего плохого, если я кое-что тебе расскажу. Все равно ты все узнаешь, и думаю, будет лучше, если это не станет для тебя сюрпризом. А то мало ли что — еще из-под венца убежишь.

Зоэлль рассмеялась собственной шутке, но вдруг смолкла, и ее личико стало грустным.

— В чем дело? — встревожилась Илламэль.

— Да так, вспомнилось кое-что. Не бери в голову — дела давно минувших дней. Так вот — род Толли и род Шанг — единственные прямые наследники императора, а учитывая, тот факт, что император очень болен, то — сама понимаешь: Янн стоит первым на очереди, а за ним Рэн.

— Ничего себе!

Илламэль изумленно выдохнула, и паника накрыла ее с головой. Нет, она, конечно, знала, что лорд Толли был далеко не последним в Империи сановником, но чтобы родственником правителя?! Она даже и подумать об этом не могла.

Она обернулась к демонессе, но та повернула ее голову прямо:

— Не вертись!

— И что, император, действительно болен?

— Да, и похоже неизлечимо. Это, конечно, не афишируется, но у тебя есть все шансы стать императрицей!

Нет, нет, нет — только не это. Илламэль представила себя в короне, и ей стало плохо. Безродная сирота на троне?! Да не смешите! Это ж, на какие ухищрения нужно пойти лорду Толли, чтобы скрыть такой позорный факт в биографии невесты? Так вот почему он не обнародовал ее имени! Он попросту не может этого сделать. И поэтому он бывает у нее так редко. Не прикасается к ней ... Возможно, ему это даже неприятно. Но почему? Почему тогда он сделал ей предложение? Неужели только чтобы действительно защитить? Но когда камень вдруг стал алым он понял, что уже не сможет разорвать помолвку и ... и ...

Боже, что же теперь будет?

— Эй, подруга, ты чего с лица спала?

— Зоэлль, мне необходимо срочно поговорить с лордом Толли, — простонала она.

— По поводу?

— Я и ... он ... и еще император. Что в народе скажут?

— Да не парься ты. Янн с Рэном наверняка уже все продумали. Пожалуют тебе герцогство или, что вероятней, выкопают какую-нибудь древнюю давно вымершую семью с внушительной родословной, а ты вроде как наследница, которая ни о чем таком даже не догадывалась. Воспитывалась в монастыре ордена Спасения. Ведь эти монастыри только для элиты и все такое — престиж соблюден. Так что над твоей трагично-счастливой судьбинушкой престарелые дамы еще в голос рыдать от умиления будут, а молодые зубы до корней сотрут от зависти!

Илламэль постаралась взять себя в руки.

— А лорд Шанг вам брат?

— Не-а. Но он кровник. Единый род Толлишанг разделился когда-то на две ветви. Одни взяли первую часть в имени, другие вторую. Но это было так давно, что родство давно потерялось. Только императорская линия еще и сохраняет это единство. Имя то Императора — Толлиш.

Вообще-то Рэн и Янн друзья с самого детства. Вместе воспитывались, вместе учились. У

них всю жизнь идет между собой соперничество. Даже иногда девчонок друг у друга уводили. На спор. Я их великовозрастными балбесами называю. Иногда такие потасовки устраивают — в аду жарко.

Но Илламэль уже не слушала — она все поняла: лорд Шанг, его прикосновения — осторожные, взгляд внимательный и слегка удивленный. А лорд Толли — напорист резок, уверен в себе. И этот довольный смех, когда она сказала «да». И возглас лорда Шанга про каналью. Они спорили на нее! Кому она отдаст свою руку. Это же теперь так ясно. Но вот вопрос: почему она? Что в ней эдакого необычного, что лорды столь высокого ранга обратили на нее внимание?

— Ну, вот и все. Готово, — Зоэлль развернула Илламэль к зеркалу, прерывая ее сумбурные раздумья и построение всевозможных версий происходящего с ней. — Прическа называется ... м-м-м ... борода гнома! Нравится?

Илламэль смотрела на себя в зеркало и не знала что сказать: ее волосы были заплетены в тысячи косичек, перевитых в сложный ажурный узор, который покрывал тончайшей паутинкой всю спину. Это было по-настоящему великолепное искусство.

— Ты волшебница, Зоэлль, — от восторга у Иллы просто не находилось слов.

— И заметь: без всякой магии, — пропела довольная демонесса.

Солнце стояло в зените, и было по-летнему жарко.

Осень в этих краях приходит постепенно в отличие от внутренних районов материка. Но к началу осенних месяцев обычно уже холодало, и купаться было нельзя. А в этом году погода радовала как никогда, и народ валом валил на пляжи. Курорты на побережье были все еще полны к неопишуемой радости их владельцев.

Зоэлль бросила на шезлонг легкий сарафанчик, который с большой натяжкой можно было назвать приличным.

— Давай не возись. Пошли скорее в воду, — позвала она стоявшую в нерешительности Илламэль. — Чего застыла, как будто водяного ящера увидела? Нет их здесь — спасатели ловушки поставили. Давай-давай живенько.

— Я не умею плавать, — обреченно призналась Илла, снимая короткое полупрозрачное платье. Ей было непривычно оставаться в одном купальнике, который тоже совершенно не соответствовал ее представлениям о скромности. Но пляж был пуст, и она не стала стесняться. — Ты иди сама, а я по берегу просто так похожу. Ноги намочу, позагораю.

— Ты не умеешь плавать?!

Зоэлль смотрела на Иллу как на диковинку.

— Я, между прочим, в лесу жила, а там океанов не наблюдается! — вспыхнула Илламэль. — И на экскурсии к нему нас не водили. Некогда было! Мы элиту обслуживали!

Почему Илла сорвалась, она и сама не знала, но напряжение последних недель нашло, наконец, выход. На глаза навернулись слезы. Она никогда не позволяла себе плакать при посторонних и тем более на кого-то кричать, но сегодня у нее плохо получалось сдерживать себя.

— Эль, детка, ну что ты? Не надо так переживать. Я понимаю: Янн иногда ведет себя как последний идиот. Но он любит тебя. Иначе никогда бы не надел тебе кольца. Ведь для демонов это не просто жест — это много больше: он отдал тебе самого себя в подчинение.

Это же все равно как если бы Рьянн назвал тебе свое истинное имя.

— Как это? — сквозь слезы спросила Илламэль.

— У всех в этом мире есть тайные имена, которые передаются от родителей детям в дни инициации. Это имя — щит от любого магического воздействия. Оно позволяет манипулировать человеком, если попадает в плохие руки или защищать, если ты доверил его настоящему другу.

Но у тебя, наверное, такого имени нет. Я слышала, сироты лишены этой мощной клановой защиты. Как жаль. Но ты не волнуйся — на свадебном обряде Рьянн наречет тебя. Это входит в обязанности мужа. И на тебе будет охранная печать всех демонических родов Хаоса. Здорово. Да? А пока тебя защищают другие охранки.

— Какие?

— Я точно не скажу, но штук пять-шесть вижу. Это Рэн с Яном постарались. Так что тебе ничего не грозит. Даже если какой-нибудь приبلудный ящер вдруг прорвется на пляж и ему вздумается тобой закусить, шансов выжить у него — ноль!

Илла улыбнулась. Слова Зоэлль ее несколько успокоили. А и на самом деле, чего это она так расквасилась? Зоэ права: раз Рьянн надел кольцо, значит любит. Мало ли по какой причине он еще не признался ей в этом. Мужчины — кто их разберет. Тем более что опыта у нее в этом совсем никакого. Это ж только в книгах — сразу любовь и поцелуи. В жизни, наверное, все по-другому.

К тому же если император болен, то Рьянн обязан все время находиться рядом с ним и помогать в управлении государством. Вот только ...

«Ладно-ладно не буду сейчас об этом думать», — дала себе зарок Илла.

— А я кое-что придумала! — воскликнула Зоэлль и побежала к воде.

Илла пошла следом и остановилась у самой кромки. Волны бросились ласкать ее ступни теплыми ладошками. Она сделала еще один осторожный шаг. Ноги проваливались в мокрый песок, который нежно щекотал. Илла шагнула поглубже. Вода дошла до колен — приятно.

Зоэлль наклонилась к самой воде и что-то усердно шептала. Через некоторое время она позвала:

— Илла, иди сюда. Сейчас будем учить тебя плавать.

— Я не хочу!

Илла стремглав выскочила из воды: прямо на нее плыло какое-то чудовище с открытой пастью и злобными глазами.

— Да не бойся ты, это морская черепаха. Она смирная, — рассмеялась демонесса.

— Ага, смирная, — не поверила Илла, — а пасть-то побольше, чем у собаки.

— Она травоядная, — хохотала демонесса. — Смотри.

Зоэлль одним прыжком взлетела на спину огромной черепахи. Та, похоже, этого даже не заметила. Ткнулась в берег панцирем и замерла, моргая черными бусинами-глазами.

Несколько минут демонесса ждала пока Илла решится. Но увидев, что девушка не собирается присоединяться к ней, взмахнула рукой и проговорила:

— Сама напросилась.

Илла вдруг поняла, что летит по воздуху. Через секунду она уже стояла рядом с Зоэлль, а черепаха, плавно развернувшись, потащила их в открытое море.

— Если утону — это будет на твоей совести, — проворчала Илламэль, стараясь удержать равновесие.

— Если утонешь — моей совести будет уже все равно, потому что Янн убьет меня

прежде, чем я скажу «ква».

— Ну, тогда я за себя спокойна, — усмехнулась Илламэль.

Через несколько минут Илла забыла о своих опасениях: черепаха то медленно погружалась в воду, то всплывала к поверхности. Зоэлль показала ей необходимые движения, поддерживала наплаву и она, поняв принцип, в скором времени уже довольно прилично барахталась в воде.

— Умница, Эль! До заплыва наперегонки еще далеко, но для первого раза очень даже ничего, — похвалила ее демонесса примерно часа через два. — Теперь на берег. Есть хочу, как лев бороться. К тому же у нас, кажется, гости.

Илламэль резко обернулась к берегу: на шезлонге лежал какой-то полуобнаженный мужчина. С такого расстояния было трудно разглядеть кто именно, но у Иллы сердце зашлось: может это Рьянн нашел время побыть немного с ними?

И тут ее накрыло осознание: она же почти голая! Те малюсенькие лоскутки, которые Зоэлль назвала купальником, прикрывали только кое-где и кое-как. Выйти из воды в таком виде?! Лучше утонуть!

Илламэль побледнела и действительно начала погружаться в воду. Но черепаха, как назло решила глотнуть воздуха, поднялась почти полностью над водой и вдруг радостно помчалась к берегу, даже буруны по бокам запенились. Видимо, тут не обошлось без помощи заклинаний демонессы.

— Стой! — заорала не своим голосом Илла, распластавшись на панцире, как лягушка на солнце.

— Ты чего? — удивилась Зоэлль, развернувшись в воде на спину — она плыла рядом с черепахой.

— Я не одета, — прошептала в ужасе Илламэль.

Зоэлль на мгновение замерла в недоумении, а потом расхохоталась так, что черепаха с испугу помчалась к берегу еще быстрее.

Гуррэн вышел из портала на залитый солнцем песок. Снял рубашку и сапоги, подкатал брюки и улегся на шезлонг. Он наблюдал за тем, как демонесса учит плавать хрупкую девочку. Как она осторожно прикасается к ней, соизмеряя свою силу. Ведь Зоэлль ничего не стоило выхватить огромную черепаху из воды и запустить ее миль на десять в океан.

Слабая и ранимая Илламэль и демонессу покорила своей непосредственной невинностью. Обычно чересчур резкая и надменная, гордая и властная Зоэлль становилась рядом с ней мягкой, осторожной и на удивление уравновешенной.

Янн и Зоэ были единственными детьми в традиционно многодетных семьях демонов. И влияние старшего брата, как впрочем, и его самого, сильно сказалось на воспитании Зоэлль. Всегда рядом с ними, она участвовала в их юношеских играх почти на равных, не смотря на то, что была гораздо моложе.

Сейчас Зоэлль, наверное, чувствовала себя старшей сестрой Илламэль, ведь после свадьбы так и будет. Она взяла на себя обязанность подготовить девушку к жизни в высших дворцовых эшелонах знати. А там царят жестокие порой откровенно хищные законы.

Гуррэн наблюдал за смеющимися беззаботно играющими в воде девушками. Расстояние не имело для него значения, и он видел светло-карие с золотыми крапинками на радужке глаза Илламэль, то восторженные, то испуганные, то радостные и довольные. Им было

хорошо вдвоем — как родным людям.

Гуррэн улыбнулся такому сравнению — темные не люди. Взрывной и хищный нрав их вторых сущностей далеко не безопасен для других народов. До сих пор с этим как-то удавалось справляться, но после обнаружения «Сердца Хаоса» это будет почти невыполнимой задачей.

Илламэль стояла на спине, поднявшейся к поверхности черепахи, и вдруг грациозно вскинула руки, приподняла одну ногу и склонила точёную головку на изящно выгнутой шее — великолепно исполненное движение танцовщицы, которое она продемонстрировала, даже не осознавая, что делает.

Шанг видел, как вздрогнула Зоэлль. Она все й душой возненавидела Мэьлиту Ливит после ее побега. А Рьянн был раздавлен, просто уничтожен этим поступком.

Но Гуррэн ведь его предупреждал: нельзя запереть свободолюбивую птицу в клетку, пусть она даже и золотая. Птица или погибнет или найдет способ вырваться на свободу. Так и случилось.

Гуррэн смотрел на Илламэль и сравнивал ее с другой женщиной. Та была властной до жестокости, сильной характером до сухости, красивой до невероятности. Многие были покорены ее неприступностью — ведь для демонов и похожих на них существ любовные игры доставляют такое же наслаждение, как и кровавые битвы. Покорить не покорного — все равно, что завоевать государство. И Мэьлита успешно этим пользовалась, вовлекая в свою игру сильных мира сего.

Был ли покорен ею Гуррэн?

Да.

Но не ее саму любил до безумия Шанг — он не мог жить без ее таланта. Танец — вот что делало Ливит в его глазах богиней. Эта женщина могла одним взмахом руки заставить забыть обо всем на свете.

Его поражали ее идеальные пропорции и красота линий, экзотичность, некая скрытая тайна. Она была для него неземным существом, заколдованным и околдовывающим. Ее танец завораживал красотой, трепетной одухотворенностью. Он уносил в дальние дали, в мир мечты, идеала, гармонии.

Поэтому он восстал против решения Рьянна запретить ей танцевать: он понимал, что для нее это будет подобно смерти.

Только из-за этого он и хотел отнять ее у ревнивого и потерявшего разум от любви Рьянна.

А Илламэль Ивитт была другой — с этим не поспоришь. Но разве она хуже Мэьлиты Ливит?

Нет, конечно. Возможно, она даже намного лучше. Ее внешность и талант изменились, но это не лишало ее таинственной притягательности.

И на этот раз Гуррэн не позволит Рьянну погубить ее. Ради самого Рьянна не позволит. Он знал, что рано или поздно его друг разглядит в ней все то, что видел в Мэьлите. Нужно только немного подождать.

А еще он хотел, во что бы то ни стало разгадать тайну этой женщины, поэтому и шел по следу Ивитт целый месяц. Он искал истоки: где она родилась? Кто ее родители? Как она попала в монастырь?

Ему удалось выяснить, что восемнадцать лет назад монахини нашли ее, полузамерзшую, в старых рваных лохмотьях, на пороге одной из церквей ордена Спасения. На шее ребенка

была тонкая медная цепочка с дешевым медальоном, в котором на внутренней стороне крышки корявым полуграмотным подчерком было нацарапано «Илламэль Ивитт». С тех пор она и росла в монастыре близ города Заагры, затерянного среди бескрайнего дремучего леса.

Когда-то он точно так же искал следы и Мэльтиты. И когда отчаявшийся Рьянн послал по ее следу ищеек, был далеко от Империи.

Никто не знал, откуда пришла Ливит. Она появилась неизвестно откуда и сразу завоевала всеобщее восхищение и признание. Но Шанг нашел одно существо, получеловек полутемный эльф. Он жил в одной из пещер далеко в горах. В неприступном для других месте. Он был безумен. Его снедала такая же неудержимая страсть к этой женщине, как и многих других мужчин. Он, то плакал, то смеялся и в его неразборчивом лепете Шанг разобрал лишь одно:

— Она вернется, всегда возвращается. Много, много раз. Через десять лет, тридцать, сто. После смерти — всегда ... и каждый раз другая. Это так притягивает: ее загадка. Я шел за ней сквозь века. Я видел ее разной. Но в глубине ее глаз хранится ответ. Она там — ее тайна. Как и в имени. Это всегда анаграмма. Я пытался связать все воедино, — дроу засмеялся, — но там еще одна составляющая тайны. Разгадай, сложи мозаику и все поймешь. А я устал. — Дроу заплакал. — И боюсь ... Однажды я убил ее. С тех пор и боюсь ...

Дроу надолго замолчал, вперившись глазами в стену пещеры, из которой не выходил уже много, много лет. Когда Шанг уже не надеялся, что безумец очнется от своих грез, тот прошептал:

— Искать нужно по глазам, по ним узнаешь. Но ей нельзя любить истинной любовью — это ее убьет ... если любовь будет безответна и от этого она сама больше не захочет жить. Запомни: истинная любовь отнимет у нее возможность возвращаться, но подарит бессмертие ...

... Может, поэтому она и боится ... любить ...

Больше Шанг ничего не смог добиться от потерявшего разум дроу-полукровки.

И он стал ждать. Как и Рьянн.

Зоэлль, наконец, заметила Гуррэна и направила черепаху к берегу. Демон от души потешался над смущением Илламэль, которая вообразила, что он не успел рассмотреть ее восхитительную фигурку во всех подробностях. Зоэлль не отличалась скромностью в выборе вещей, и они мало оставляли простора для воображения.

Когда черепаха подплыла достаточно близко, Гуррэн чуть пошевелил пальцем, и на Илламэль опустилось легкое непрозрачное покрывало, в которое она тут же замоталась по самую шею.

Демонесса просто покатывалась от внутреннего смеха, но виду не подала.

Илламэль вышла из воды, поддерживая края покрывала, и старательно избегала смотреть в сторону обнаженного торса лорда Шанга.

А он лежал красивый как ... демон — лучшего сравнения у Иллы просто не нашлось. Идеально накачанный пресс, узкие бедра и плотно обтянутые черными брюками упругие ягодицы. Сильные ухоженные руки. Пронзительно-загадочные зеленые глаза и чувственные губы мужского рта.

Илла была невинной, и все же она была женщиной. Ее невольные взгляды исподтишка на довольно улыбающегося Шанга были исполнены вполне понятного интереса.

А Гурэнн делал вид, что не замечает ее заинтересованности, но намеренно демонстрировал ей свое великолепное тело. Он был мужчиной ... и ничто демоническое ему

не было чуждо.

— Вот расскажу Янну, как ты соблазняешь его невесту! — мысленно пообещала Зоэлль, со смехом наблюдая за разыгрывающимся перед ней действием.

— Расскажи! Непременно Расскажи. Может хоть это заставит его быть поактивней, — отозвался Гуррэн. — А то ведь не уследит — отобью.

— Тогда я сама тебя прикончу! Мне и двадцати лет его хандры с головой хватило.

Гуррэн встал, накинул черную шелковую рубашку и сел за легкий деревянный столик, стилизованный под корягу, на котором уже была разложена разнообразная закуска.

— Илламэль, а что это за история с драгоценностями компании Фрабб? Ты не расскажешь, как смогла раскрыть это преступление?

— А вы откуда знаете? Это ж вроде как тайна?

— Я тебе уже говорил: все знать — моя обязанность.

Илла присоединилась к демонам и, выбрав по вкусу кусочек зажаренного до хрустящей корочки мяса, пожала плечами:

— Да там и раскрывать-то особо ничего не пришлось. В вентиляции отсутствовал дармский мох, а в пневмоканале оказались микроскопические трещинки. Просто нужно было внимательно все осмотреть — дело техники, как сказал дядюшка Хорх.

— И все же никто из охранников до этого не додумался. Тут не только дело техники — здесь необходим особый склад ума, способный найти и отработать правильную версию. Думаю, ты станешь великолепным сыщиком. И пока Рьянн по горло занят на службе, ты сделаешь хорошую карьеру.

— Вот и выпьем за это! — с энтузиазмом воскликнула Зоэлль, наливая в бокалы вино. — Я в тебя верю, Эль, утри этим зазнайкам нос.

— Хорошо бы еще принимать в расследованиях настоящее участие, — вздохнула Илла, отставив вино и берясь за стакан с соком.

— Рьянн уже поговорил с Марэтом. Он больше не станет отвергать твою помощь, — обнадежил ее Шанг.

— Правда?! — в голосе Иллы было столько радости, что демоны рассмеялись.

— Правда, — с теплотой проговорил Шанг.

...

С пляжа вернулись только под вечер и, Илла уставшая и разморенная после ужина с бонной Наи и теплого душа, без сил упала на взбитые подушки.

Очень хотелось спать и ее последние мысли в этот вечер, были о том, что лорд Толли ее любит ... просто очень занят ... она докажет, что достойна его ... а когда он это поймет ... уйдет из его жизни ... потому что не пара ему ... она безродная сирота, а он ... будущий император.

Тьма накрыла и унесла в очередной кошмар:

Черные волны океана, словно смола. Она пытается плыть, но у нее нет сил выпростать руку из тягучей жидкости. Илла осознает, что за ней кто-то гонится, но не может сдвинуться с места ...

«Илламэль, девочка моя, ты пишешь, что у тебя все хорошо. Но я чувствую, что тебя что-то тревожит: твои письма больше не искрятся счастьем. Напиши мне обо всем. Иногда,

чтобы разобраться в ситуации нужно просто кому-то все рассказать.

С любовью тетушка Ми».

Илла прочла ответ на свое последнее письмо и задумалась. Наверное, тетушка как всегда права. Кому еще она может довериться, как не ей? Не Зоэлль же, в самом деле, рассказывать о своих сомнениях?

И Илла во всех подробностях описала все, что с ней произошло в последнее время. До этого, она просто писала о том, о сем, обо всем понемногу, но главной темы не касалась — ей было как-то не ловко от того, что не успела выйти за порог монастыря и нате — уже невеста.

Ответа долго не было, и Илламэль уже решила, что тетушка просто не ожидала ее письма: они же переписывались один раз в день. Но вот яркая вспышка под кожаным переплетом и тихий звон — ответ пришел.

«Я так и думала, что ты не спокойна.

Дорогая моя, я не принадлежу к тем, кто замалчивает правду, из-за опасения, что их слова могут причинить боль или из-за ложной уверенности, что лучше промолчать и пусть все само собой как-то устроится.

К сожалению, твои опасения насчет лорда Толли вполне обоснованны. Возможно, он еще не готов принять ни своей, ни твоей любви.

Двадцать лет назад он потерял любимую женщину. Не могу сказать была ли для него та любовь истинной, ведь он так и не сделал ее своей невестой. Это была страсть, безумная и всепоглощающая, за которой затаив дыхание наблюдала вся Империя.

Но ... лорд Толли так и не сумел преодолеть преграды, разделяющей его — принца крови — и ее — гениальной, но все же простой танцовщицы.

Подумай об этом.

Лорд Толли не из тех, кто делает что-то, не обдумав все, как следует. Поэтому, вполне возможно, что ты действительно, та, которая предназначена ему судьбой. Об этом говорит и камень. Но это не значит, что его раны уже затянулись — двадцать лет для бессмертных — один миг.

Если ты его действительно любишь, наберись терпения. Дай всей этой истории дойти до логического завершения. Награда за это может быть великой.

Он будет тебе благодарен за понимание, поверь мне.

Что касается лорда Шанга.

Выдающийся ум. Умница, каких свет мало видел. Он верный и хороший друг лорду Толли. Они, практически вдвоем вытащили Империю из пропасти.

Можешь всецело доверять ему, как и сестре Рьянна — Зоэлль. Эта демонесса скорее сама прогуляется в Бездну, чем позволит обидеть тебя — отчасти из-за того, что уже считает тебя сестрой, но в большей степени потому, что надеется, что твоя любовь вытащит Рьянна из хронической меланхолии.

Я написала тебе, то, что думаю и знаю, но, надеюсь, ты не примешь это как руководство к действию.

Никто кроме тебя не сможет лучше разобраться в тебе самой. И ты должна это всегда помнить.

Илламэль, я хочу, чтобы ты твердо запомнила еще одну вещь — не смей никого жалеть! Даже себя. Из-за жалости люди порой совершают столько ошибок, что калечат не только

свою, но и чужую жизнь.

В данном случае жалость не только не желательна, но и опасна. Подумай, что ты приобретешь, если пожалеешь Рьянна Толли? Он никогда не останется с тобой, даже после помолвки, если поймет, что это была ошибка. Поступай так же — если не уверена в себе — уходи. Кольцо на пальце еще ничего не значит. Если будет нужно, он сделает себе другое.

Помни: в любви нет правых или виноватых — она либо есть, либо ее нет. Другого не дано. И то, что страсть не может заменить любви — мы наблюдали в трагической истории лорда Рьянна Толли и Мэллииты Ливит.

Она не выдержала его ревности, безумной одержимости и бежала. Он искал ее и, отчаявшись, — убил. Не преднамеренно, конечно. Но если бы он по-настоящему любил разве позволил бы страдать своей женщине, так, что она предпочла смерть его страсти?

Все мы совершаем ошибки ... но и учимся на них.

Люблю тебя. Тетушка Ми».

Весь день Илламэль ходила под впечатлением от письма.

Один ли лорд Толли виноват в том, что случилось между ними? Нет, конечно. Разве он виноват в том, что она, поддавшись эмоциям, не смогла подумать, прежде чем дала согласие? И тут же, обидевшись на его холодность, принялась грубить и ставить условия? Ее вина во всем этом не меньше чем, его. И не важно, чем он там руководствовался.

К концу дня Илла успокоилась и решила ждать. Пусть будет, что будет. Она хотела поспорить с судьбой? Что ж судьба доказала, что в эту игру можно играть вдвоем.

— Ты объяснишь мне, что происходит?

Зоэлль подошла и уселась на край стола, за которым работал Рьянн. Он устало растер руками лицо и хмуро посмотрел на сестру.

— Что ты хочешь, чтобы я тебе сказал?

— Почему ты надел ей кольцо? Это было так необходимо?

— Да. Ты просто не все понимаешь. Поэтому не можешь судить ...

— Так объясни! Почему не приходишь к ней? Зачем мучаешь девчонку?

— Зоэ, я устал, голоден и у меня еще куча работы.

— Намек понят, ухожу, иначе ты возьмешь меня за шкуру и выставишь вон ...

Демонесса соскочила со стола, прежде чем Рьянн успел шутливо шлепнуть ее, показала язык и грациозно порхнула к двери, но ...

— А Рэн, между прочим, сегодня весь день пялился на твою раздетую невесту, когда она училась плавать. А потом откровенно соблазнял ее, выставя напоказ свой обнаженный торс. И Илла ... проявила не который интерес ...

Тебя это не напрягает?

Рьянн глухо зарычал, а Зоэлль выглянула уже из-за дверей и сказала:

— Я собираюсь пригласить Илламэль во дворец на осенний бал в качестве своей подруги. Так что разберись со своими ... дамами, вряд ли она поймет и одобрит твоё желание забыться в чужих постелях.

— С тех пор, как я сделал предложение Илламэль, у меня никого не было, и ты это прекрасно знаешь, — еще громче прорычал Рьянн и запустил в сестру какой-то папкой. —

Исчезни, заноза.

Зоэль скорчила гримасу, захлопнула дверь и, усмехаясь, помчалась готовить для Илламэль подарок: студенческую форму и прочие необходимые вещи — у невесты ее брата все должно быть самого высшего качества.

Вечер теплым душным одеялом накрыл город. По набережной неспешно прогуливались люди и нелюди.

Илла сидела на широком подоконнике и, обхватив колени и положив на них голову, наблюдала, как солнце медленно садится за горизонт. Далеко в океане, тихом и спокойном, белели паруса прогулочных яхт. Чайки и альбатросы летали вдали от берега и их крики не доносились до пляжа.

Неожиданно отдыхающие стали оборачиваться и смотреть куда-то вверх, дети показывали пальцами, а взрослые качали головами, как будто в небе было что-то такое, что удивляло и одновременно радовало их.

Поначалу Илла не обращала на них никакого внимания, но крики стали громче и ... Илламэль едва не упала с подоконника: прямо из-за крыши ее дома вылетел огромный дракон. Его шея была обвита в несколько раз яркой гирляндой из цветов. А на спине сидел ... улыбающийся лорд Толли. Он выглядел таким веселым, таким задорным и хулиганистым, что у Илламэль просто открылся рот от изумления. В руках Рьянн держал огромный букет.

— О, прекрасная и несравненная леди, я прошел тысячи дорог, сразился с тысячей драконов ... одного вот приспособил для полетов. И я у ваших ног, восхитительная. Будете ли вы столь любезны и позволите пригласить на ужин? Я жду с нетерпением и не приму отказа, ибо это разобьет мое исстрадавшееся по вам сердце.

Лорд Толли протянул ей цветы. Илла не смогла удержать букет в руках и положила его на подоконник.

А Рьянн смотрел на нее с ожиданием, на его губах играла лукавая улыбка, а в сияющих глазах играли бесенята. Куда же делся всегда хмурый и суровый темный лорд? На драконе перед Илламэль сидел самый красивый на свете и самый желанный мужчина.

Илламэль выдохнула, отбросив страх перед ним, собственные сомнения, правила приличия и стремительно вскочила на подоконник. В следующее мгновение она уже находилась в объятиях своего жениха. А народ на улице рукоплескал, бросал в воздух шляпки и выкрикивал поздравления. Но лорд Толли в одно мгновение создал иллюзию невидимости и с отчаянным стоном впился в губы Илламэль.

А она, оглушенная и растерянная, так и сомлела в его руках. Когда он оторвался от ее губ, они были уже далеко от города. Обрывистый берег темной полосой темнел на горизонте, а солнце плыло им навстречу огромным багровым шаром.

Илламэль опустила голову на грудь Рьянна и закрыла от блаженства глаза. Он обнимал ее, крепко прижимая к себе, и его губы все время касались ее виска, щек, носа. Он молчал, молчала и она. Как будто им совершенно не о чем было говорить.

«Если, это и есть счастье, — думала Илламэль, — то за него стоит бороться».

Рьянн Толли был из тех мужчин, что искренне полагают: для женщины в близких отношениях самым главным должно быть полное доверие и абсолютное подчинение. Он, Мрак возьми, должен знать о своей женщине все: мысли, чувства, желания и пристрастия.

Вплоть до того что она любит есть на завтрак и ужин. Ни о каком свободомыслии не могло быть и речи. Он не был тираном, вовсе нет, взамен он дает защиту, нежность, заботу. Такие, за которые иная жизнь отдаст.

Но в случае с Ливит, а теперь, он чувствовал, и с Ивитт терпел полный крах. Когда камень на пальце Илламэль изменил цвет, он хотел, искренне, сделать все так, как эта девочка считает правильным. Но ... ничего не мог с собой поделать. Он не чувствовал ее полного доверия и подчинения — это решало все. Он злился, страдал и ... убегал. От себя ли? От нее?

Когда Зое сказала, что Шанг решил исполнить свою угрозу и пытается забрать у него Илламэль, по-праву первой любви и алого бриллианта принадлежавшую ему, он едва не разнес пол замка. В тот памятный вечер он не признался другу в своих сомнениях и страхах. Разве он мог сказать, что вновь терпит крах? Нет, конечно, вот и выдумал отговорку о своем равнодушии. На самом деле все было в точности наоборот: он не только желал, он сгорал от желания.

И сегодня решился попробовать еще раз.

Ливит была слишком искушенной. Ивитт — невинна и податливо-наивна, она слишком молода. Это его шанс. Если он сдержится, будет очень осторожен, нетороплив, то приучит ее подчиняться своим правилам.

— Илламэль, посмотри вниз, — шепотом попросил Рьянн, через несколько минут.

Илла нагнулась и взглянула на океан, проплывающий под крыльями дракона. Под ними лежал остров. Из зеленого пушистого покрывала выступала серо-коричневая скала, с чашей-озером в кратере вулкана на вершине. Из озера белой фатой ниспадал водопад.

— Это твой остров. Здесь еще не ступала нога ни одного живого существа. Он так же чист и девственен как ты, — прошептал Рьянн. — Я хочу, чтобы ты никогда не знала, что такое печаль, и чтобы слезы разочарования никогда не лились из твоих глаз из-за меня.

— Рьянн, — выдохнула Илламэль, — это просто невероятно.

Дракон снизился к небольшой поляне на выступе утеса, но не сел. Лорд Толли прыгнул и подхватил Иллу на руки. Осторожно опустил, не отрывая от нее глаз, взял ее лицо в ладони. Быстрыми короткими поцелуями покрыл мокрое от счастливых слез лицо.

Еще один долгий нежный поцелуй и она забыла, что значит существовать без него. Неистово странно забилося сердце, как будто до этого оно и не жило вовсе. Нежность, томление прежде не ведомое ей исторгло невольный стон, и темный лорд вздрогнул от этого хриплого звука, словно и его опалило неистовой страстью. Но Илламэль отступила и он, едва сдержавшись, выпустил ее из своих рук.

Поляна сияла в красном пожаре заката, темные тени уже пролегли от окружавших их деревьев. С одной стороны крутой обрывистый спуск открывал потрясающий вид на океан и тонкую полосу пляжа. С другой над ними нависала скала. Тихий укрытый от посторонних глаз уголок, который теперь принадлежал только ей.

Рьянн любит ее! Как она только могла в этом сомневаться? Илламэль подняла к небу лицо и засмеялась: как чудесно. Она тоже любит своего лорда и готова кричать об этом на весь мир.

Илла взмахнула руками и закружилась в радостном вихре только что придуманного ею танца.

... Рьянн смотрел на счастливое личико девушки и клялся себе, что на этот раз все сделает правильно. Он не испугает и не сломает ее. Он будет терпелив, и она поймет,

подчинится, станет только его.

Он смотрел на нее — веселую, мягкую, доступную и ... закипал. Ему до боли хотелось сорвать это дурацкое платье, которое купил не он. Окунуться в нее, вздохнуть запах ее тела, волос, уронить на теплую пушистую постель из трав и цветов. Подчинить, заклеить самым крепким, самым несмываемым клеймом, который только может мужчина поставить на женщине.

А Илламэль вдруг взмахнула руками и закружилась, в точности повторяя танец Мэллины Ливит.

И лорд Рьянн Толли сорвался! Он рванулся к ней, сжал, вдавливая в себя, так что у нее перехватило дыхание. Но он не видел и не хотел видеть ее испуганных глаз. Его губы повелительно захватили ее рот, требуя, властвуя, забирая все, что она могла дать.

— Ты моя, — прорычал он, почти не разрывая поцелуя. — Скажи, что ты только моя.

В его требовательном голосе было столько боли, почти ярости, что она была потрясена до основания души.

— Твоя. Навсегда, — прохрипела Илламэль, когда он дал ей возможность ответить.

Его поцелуи стали еще более обжигающими, страстными, утверждающими — на грани грубости и жестокости. Она задыхалась от его напора, сокрушающей непреклонности. Он брал, ничего не давая в ответ. Он требовал, не признавая отказа. Он заставлял любить, не желая слышать.

... Илламэль была сокрушена и оглушена ... но у нее хватило сил сказать ему «нет», потому что она хотела любви, а не насилия. В каком бы виде оно не проявлялось.

Глава 13

Небывало теплая, почти аномальная погода продержалась еще целый месяц.

Каждое утро Илламэль отправлялась в Академию в собственном экипаже, который ей подарил Рьянн. Он настоял на том, чтобы она ездила, а не ходила на учебу пешком, раз уж не хочет жить в элитном общежитии на территории академического замка. Огромный старинный замок Академии был виден из ее окон, но, по правде говоря, идти до него было далековато — он находился на самом краю мыса, далеко выступающего в океан.

Учиться Илламэль очень понравилось, хотя она, конечно, сильно отставала от однокурсников по многим предметам. У нее все же было не систематическое образование. Поэтому Илла просиживала за учебниками все свободное время, наверстывая упущенное. Помощь Зоэлли здесь оказалась просто незаменимой. У нее хватало терпения обучать Иллу по несколько часов каждый день, но девушка была благодарной ученицей — ее идеальная, фотографическая память способствовала мгновенному запоминанию информации.

Обычно они занимались по вечерам. Демонесса, как правило, приносила нежные и очень вкусные пирожные, они устраивали поздние чаепития, во время которых Зоэлли учила девушку придворному этикету и всему, что она должна знать о высшей знати. Рассказывала много интересных историй из жизни императорского двора. Но Илле многое и самой было известно — ведь ей приходилось бывать в монастыре на занятиях богатых воспитанниц.

Новые знакомства, суетливая, но веселая студенческая жизнь — Илла иногда с удивлением думала, уж не приснилась ли ей прежняя суровая монастырская жизнь?

Рьянн больше ее не навещал, и Илламэль скучала по нему. Очень ... но она дала себе зарок не злиться и не ждать. Когда у него будет время — он придет.

Лорд Марэт, пользуясь тем, что Илламэль нужно многое выучить, не отягощал ее вызовами на места преступлений, хотя иногда все же пользовался ее подсказками. Это давало Илламэль надежду, что в МИФе ее дождутся.

Этот день прошел как обычно. Илле, как и немногим другим студентам, жившим в городе, приходилось приезжать в замок Академии немного раньше тех, кто жил в общежитии, чтобы успеть переодеться к утренним занятиям по боевой подготовке.

Каждое утро суровый и жесткий тренер наг Ааппо Иро гонял их целых два часа по пересеченной местности специально оборудованного для этого учебно-тренировочного полигона. Он находился в пространственном изломе, так что бегать приходилось то по заснеженным горам, то горячей пустыне, то еще по более суровым местностям, смотря какое в этот день было настроение у преподавателя.

Потом они сражались с искусственно созданными существами всех мыслимых и не мыслимых видов опять в зависимости от того, как именно тренер хотел поиздеваться над ними. А фантазии и изощренности по истязанию студентов-первокурсников ему было не занимать.

Так что к концу его тренировок одна половина мечтала самолично задушить мучителя, другая самой сдохнуть прямо не выходя из полигона.

И только через четыре часа этого марафона студенты переходили к менее активным теоретическим парам.

Академию адепты покидали после пяти вечера.

И этот вечер не предвещал для Иллы ничего необычного, но когда она вышла за ворота замка, то ужаснулась той буре, что свирепствовала над городом.

Над Академией всегда стояла одна и та же погода — умеренное тепло и яркое солнце как нельзя лучше способствовали учебному процессу.

Ее экипаж стоял у самых ворот и Илла, зябко закутавшись в легкий плащ — ведь утро не предвещало такой резкой смены погоды, — быстро юркнула под его кожаный верх. Но это мало спасало: ветер был пронизывающе-ледяным. Дождь хлестал как из ведра. Его струи кружили в страшном вихре, обдавая стылой водой. Океан бушевал, как будто очнулся от долгого магического сна и теперь обрушивал на скалы всю ярость и обиду.

Возница-орк Гнуз поспешно хлестнул шейра, и тот помчался по узкому серпантину дороги, которая пролежала над самой пропастью в океан. Илламэль боялась даже взглянуть на то, что творилось под тридцатиметровым обрывом. Волны с грохотом разбивались о скалы. Океан ревел, ветер ему подвывал. Такого кошмара Илле еще ни разу не приводилось видеть.

Внезапно шейр встал на дыбы и отчаянно заржал. Илла даже не поняла, что произошло, как верх экипажа сорвало какой-то неведомой силой и ее схватили чьи-то цепкие грубые руки.

Еще мгновение и она вознеслась над пропастью. С ужасом Илла увидела под собой беснующиеся волны, удаляющийся берег и город, застывший в тумане дождя.

Все это заняло не больше пары минут. Илла даже не успела прийти в себя как тот, кто ее нес, вдруг взвыл от невыносимой боли, разжал пальцы, а Илла полетела вниз, прямо в ледяную беснующуюся круговерть ледяных десятиметровых волн.

Илламэль глубоко погрузилась под воду. Одежда, намокнув, тут же потянула на дно, но Илла изо всех сил заработала руками и ногами, как ее учила Зоэ. Через несколько долгих минут ей удалось вынырнуть, но ее тут же захлестнула новая волна и она снова пошла ко

дну. Ледяная вода сковала движения. Илла открыла глаза. Темнота была повсюду.

Последнее, о чем она успела подумать, было сожаление о том, что не поддалась настойчивым попыткам Рьянна. Как жаль, что она умрет и не познает блаженства его обладания ...

... Теплое прикосновение к лицу вырвало из тяжелой мути.

— Илламэль, — смутно знакомый голос пробился сквозь темноту беспамятства, — девочка, ты слышишь меня? — отчаяние и страх, непонятная боль и гнев. — Очнись, не уходи. Ты не должна ... тебе нельзя!

Рьянн? Нет, это не был голос Рьянна, она бы его узнала... но тогда кто с такой безысходной тоской призывает ее из черных глубин Смерти?

Илламэль потянулась к голосу всей душой. Там, в том мире осталось что-то, ради чего ей необходимо жить. Кто-то, кого она любит ... Что-то, что должна узнать и понять.

Тайна, которая мучит ее с самого детства. Она не должна умирать ...

Но черная ночь вновь сгустилась над ней. Снова все тот же бесконечный бег по ночным улицам и шепот полный горечи: «Помни: все в твоём имени!».

... И снова пустая мгла ... сколько она длилась? Час? Два? А может несколько дней? Илламэль блуждала во тьме. Холодной и непроглядной. Она что-то искала, чего-то ждала ...

... Илламэль снова слышала далекий едва различимый зов. Прислушалась: к ее радости голос не смолк. Он снова звал, указывая путь к свету, и она откликнулась. Осторожными шажками, спотыкаясь и натываясь на невидимые преграды, пошла на него.

— Рэн.

— Да, я вижу, Зоэ: она возвращается.

— Слава Тьме.

Облегченный вздох демонессы сказал Илламэль, что она близка к победе над стылой мглой. Еще немного и ее ресницы дрогнули. Вдох полной грудью отозвался острой болью, но это было лучше, чем опустошающая скованность.

Его лицо было первым, что она увидела.

— Лорд Гуррэн Шанг? А где Рьянн?

Илламэль не узнала своего голоса — хриплый и скрипучий как у старухи.

— Его нет в столице, Илла, но он спешит, как может. — Голос лорда Шанга больше не был полон безнадежной тоски. В нем слышалось невероятное облегчение. — Как же ты нас напугала.

— Что это было? Там на дороге? Кто напал на нас? Гнуз жив?

— Он мертв. А кто хотел похитить тебя ... мы не знаем ... пока. Но преступник не мог долго прикасаться к тебе. Наши охранки жги его руки огнем. Это его остановило, но, к сожалению, не задержало. Мы рассчитывали на другой исход. И то, что ты в итоге окажешься над океаном, мы тоже не предусмотрели. Какая непростительная ошибка. Ведь мы на побережье и могли бы предположить такой вариант. Рьянн шел по его следу, но упустил. Скоро он будет рядом с тобой.

Грустные зеленые глаза лорда Шанга обежали лицо Илламэль. На красивых губах появилась печальная улыбка.

— Тебе больше не нужно ни о чем волноваться. Все позади. Такого больше не никогда повториться. Я ... мы с Янном не допустим. Поправляйся.

Легкое прикосновение к ее щеке, словно бы только для того, чтобы убрать прядь волос.

— Я принес тебе подарок. Надеюсь, ты не откажешь мне в такой малости и примешь

его. Это от чистого сердца как ... невесте моего друга.

Лорд Шанг вытащил из-за пазухи крошечный пушисто-белоснежный комочек, из которого выглядывал черный носик и две пуговицы зелено-серых глаз.

Илла восторженно взглянула на щенка, но у нее не было сил поднять руки, и лорд Шанг осторожно уложил его возле Илламэль.

— Его зовут Лир. Пусть он скрасит дни твоего выздоровления.

Дверь отворилась и в комнату вошла Зоэ, следом за ней одна служанка несла поднос, на котором стояли чашки, прикрытые крышками, а другая две большие подушки.

— Так. Посетители — вон. Время визитов строго ограничено. В голосе демонессы слышалась неподдельная угроза, хотя он и звенел от радости.

— Если ты позволишь, я приду навестить тебя, — прошептал Шанг и с надеждой посмотрел на Иллу.

Она едва заметно кивнула.

— Конечно, буду рада вас видеть.

— Тогда до встречи.

Шанг легко поднялся и стремительно вышел из комнаты.

— О-у! — воскликнула Зоэлль, увидев рядом с Илламэль щенка. — Ничего себе! Где он достал такую редчайшую прелесть? Это же ... уф.

Она оборвала сама себя на полуслове и улыбнулась:

— Сейчас мы поедим, а потом будем спать. Ладушки? И на этот раз хорошим оздоравливающим сном. И ты больше никогда, никогда не станешь подвергать себя таким опасностям. Договорились? Илла, здесь тебе не Заагра. Это же побережье океана. Тут такие бури случаются, что только держись.

Илла вдруг поняла, что Зоэ не знает всей правды. Ни Рьянн, ни лорд Шанг не рассказали ей, что случилось на самом деле. Наверное, у них была на то причина. Подумав, Илла тоже не стала посвящать подругу в столь пугающие подробности. Если та думает, что случилась авария — пусть и дальше пребывает в неведение.

— Ты расскажешь, как меня спасли? — попросила она.

Служанка — пожилая упитанная фелина поставила на прикроватный столик поднос. Уселась на край кровати и приподняла немного Иллу за плечи, а друга — молодая и симпатичная, видимо ее дочь, — подсунула под спину подушки.

— Ты ешь, а я буду рассказывать, — пообещала Зоэлль и, обойдя кровать, уселась на ее край.

Пожилая фелина поднесла к губам Иллы ложку с наваристым бульоном, от которого разносился такой аромат, что Илла тут же поняла, что не ела, по крайней мере, несколько дней.

— Когда экипаж опрокинулся, ты полетела со скалы. Как не разбилась — ума не приложу, ведь от орка и шейра не осталось ничего кроме ... ладно, не важно. Но на тебе охранки Янна и Рэна, видимо они и спасли.

Короче, ты оказалась в воде. Янн в это время был на совещании. Мы с Рэном на полигоне отрабатывали его фирменные боевые приемы — я ведь учусь на факультете Стражей в его университете.

Видела бы ты, как он побледнел — никогда не знала, что он может так быть таким белым. В одно мгновение сорвался в портал. Янн тоже, и они успели вовремя — еще бы немного и все... страшно и подумать, что было бы тогда с Рьянном. — Зоэ передернуло. —

Он был в ярости. Даже возле тебя не мог оставаться долго — умчался из столицы. Навещал тебя, конечно. Сильно беспокоился, но долго оставаться возле тебя у него не было сил. Ведь ты была при смерти. На него страшно было смотреть — даже почернел весь от переживаний.

— А где я сейчас нахожусь?

Илла оглядела незнакому роскошно обставленную комнату.

— Это замок Рьянна. И пожалуйста, сделай одолжение, если он попросит тебя остаться здесь — соглашайся. Иначе он разнесет пол Бугары от ярости ... С ним что-то неладное творится последнее время. Сама не пойму. Приступы гнева, потом опустошение и апатия по нескольку дней. Меня это сильно тревожит. Ему и так не сладко — император чувствует себя все хуже. Не заставляй его волноваться еще и из-за тебя.

Илламэль проболела несколько недель. Первую совсем не поднималась с постели, но постепенно силы начали возвращаться к ней. Илла понемногу начала нагонять упущенное в Академии: ей передавали записи всех лекции. Она могла делать задания наравне со всеми и даже сдавать зачеты и тесты.

Несколько раз помогала лорду и Хизу разобраться в одном сложном деле. И Хиз глядя на ее голову, смешно торчавшую из портального окна от души потешался над ней.

К концу третьей недели Илла уже могла совершать небольшие прогулки по замку, гулять в зимнем саду и наслаждаться горными отрогами. Широкая долина лежала перед утесом, на котором высился замок Рьянна, и посреди нее голубело широкое горное озеро.

Эта красота, суровая и величественная, завораживала девушку, и она могла часами сидеть на теплой крытой террасе, уютно укутавшись в меховую накидку и любясь открывавшимися видами.

Осень, словно наверстывая упущенное время, хлестала холодными дождями, выла свирепыми ветрами и злобно срывала с деревьев последние багровые листья.

Дни летели быстро. Последний месяц осени подходил к концу. Все чаще дождь переходил в снег. Ранние сумерки накрывали туманной мглой горы и долину — Илла больше не могла любоваться их красотой. Вместо этого она стала изучать огромный замок лорда Толли.

Поначалу Рьянн много времени проводил с ней, но она чувствовала, что он снова погружен в себя. Что-то его держало на расстоянии от нее. И вскоре Рьянн, уверившись, что Илла идет на поправку, снова начал подолгу задерживался на службе, иногда не появляясь дома по нескольку дней. И если бы не его сестра, Илла сошла бы с ума от тоски.

В этот вечер Зоэлль ушла рано. Илла читала в библиотеке. Тихо пел огонь в огромном камине. Лир, немного подросший, но все такой пушистый и забавный, улегся у ног девушки.

Вопреки ожиданиям книга сегодня не приносила Илле удовольствия, и она отложила ее на столик. Вышла из библиотеки и медленно побрела в свою комнату. Спать не хотелось, непонятная тоска сжимала грудь. Ей было грустно — Рьянна не было уже три дня.

Проходя мимо двери одной из комнат, Илла остановилась — ее внимание привлек необычный едва слышный звук из-за дверей. Она толкнула ее и вошла в большую комнату, погруженную во тьму.

Илла взмахнула рукой и несколько магических шаров зажглись под потолком, а она застыла от потрясения. Ей хватило одного взгляда, чтобы понять — это комната Мэльлиты Ливит ... и комната не была не обитаемой!

Со всех сторон на девушку смотрели десятки глаз танцовщицы.

Скульптуры, картины и ... полупрозрачные магические проекции. Женщина ходила, разговаривала, смеялась, танцевала. Обнаженная и одетая в дорогие роскошные наряды, танцевальные костюмы, полупрозрачные пеньюары ... в рубашки Рьянна.

И посреди всего этого — одинокий стул, а в воздухе стойкий аромат его парфюма.

Он ничего не забыл, и он любил ... безнадежно и безвозвратно ... истинной любовью темного лорда.

— Тебе нравится танцевать, Илламэль?

Тихий грустный вопрос прозвучал посреди почти неслышного шепота десятков голосов давно умершей женщины.

Илламэль не испугалась. Она медленно повернулась к нему. Рьянн стоял у двери, сложив руки на груди и прислонившись к косяку. В его глазах плескалась черная бездна. Губы сложились в едва заметную печальную улыбку.

— Зачем?

Ее голос был не громче шепота полупрозрачной возлюбленной Рьянна.

— Прости.

Она смотрела на него и в ее глазах закипали слезы.

— Я поздно понял ... но тебе не жить без меня ...

— Так ты спасаешь меня от меня же самой? Ты уверен, что я не смогу пережить разлуки с тобой, и приносишь себя в жертву?

Он молчал. Его глаза были полны невысказанной боли.

— Кто я для тебя? Наказание или искупление?

Илламэль сжала кулаки, ее била крупная дрожь. Ее голос окреп и теперь звенел всепоглощающим гневом.

— Лорд Рьянн Толли, если вы намерены гореть в своем собственном аду, то это ваше право. А если это проклятое кольцо можно снять только с мертвого тела то ...

Рьянн не сразу понял, что она имела в виду, и не успел отреагировать, а она подскочила к туалетному столику Мэллит, схватила лежавший там нож и с размаху опустила на ... свой палец. Кровь залила стол, ее платье, пол, но Илла даже не вскрикнула. Сорвав перстень в отрубленного пальца, Илламэль со всей силы швырнула его в оторопевшего Рьянна и твердым шагом вышла из комнаты.

Подойдя к своей комнате, она в ярости ударила по ней здоровой рукой, дверь открылась и Илла ничего не видя из-за нахлынувшей боли, шагнула в нее ... а вышла в гостиной своей квартиры в доме гномы Наи. Ее рука снова была цела и здорова ... но кольца на пальце не было.

Лорд Толли залечил ее руку, но разбил сердце.

Илламэль подняла лицо к потолку, и жуткий раздирающий крик вырвался из ее груди.

В следующий миг девушка без сознания упала на пол.

На следующее утро Илламэль открыла глаза и с грустью посмотрела на хмурое небо за окном. Боль от предательства Рьянна все еще сжимала ее грудь, но в остальном она чувствовала себя здоровой и, как ни странно, отдохнувшей.

Бросив вокруг себя взгляд, поняла, что лежит в своей постели и даже раздета ... и тут же осознала, что в постели она не одна.

По спине Иллы прошелся холодок. Она медленно развернулась — рядом с ней поверх

одежда и в платье, спала Зоэльль, свернувшись калачиком. Ее лицо было опухшим от слез.

Илла осторожно коснулась щеки подруги. Зоэ тут же открыла глаза.

— Я принесла Лира. Он хотел к тебе, и все время скулил, — шепотом проговорила демонесса.

— Спасибо, — так же тихо проговорила Илламэль.

— Рьянн ...

— Не надо, — оборвала ее Илла.

— Он любит тебя, — не сдалась демонесса.

— Нет.

— Да. Он уничтожил замок. Разогнал слуг и разрушил его до основания. Потом улетел в Хаос.

Илламэль ничего не ответила.

— Знаешь, а ты, наверное, все правильно сделала, — проговорила вдруг Зоэ после недолгого молчания. — Ведь он только теперь понял, что эта тварь даже после смерти не отпускала его. Он был ею одержим, но ... ты настолько потрясла его своим поступком, что ...

— Зоэ, ты мне подруга. И я очень тебя люблю, но не надо. Прошу. Мне и так больно.

— Прости.

Илла взглянула на часы — было еще не поздно идти на занятия. Она быстро вскочила и отправилась в душ. Когда вернулась, демонессы уже не было, но на кухне благоухал большой пирог с любимой Илламэль ягодной начинкой.

Быстро позавтракав, Илла спустилась вниз. Обрадовала бонну, сообщив, что вернулась домой и вышла на улицу. Пешком в Академию идти не хотелось, поэтому направилась вдоль улицы к стоянке извозчиков. Но не успела сделать и десятка шагов, как возле нее затормозила маленькая изящная карета. Дверца открылась, и на тротуар прыгнул улыбающийся лорд Шанг.

— Доброе утро, — воскликнул он и взял Иллу за руку, помогая войти в карету. — Надеюсь, вы не откажете старому другу и позволите проводить вас?

— Вы так любезны, — Илламэль невольно рассмеялась. — Можно подумать, лорд Шанг, вы бы на этом не настояли! С вами бесполезно спорить. Верно?

— Вы как всегда поражаете меня своей проницательностью, Илламэль. Как вы себя чувствуете? Не рано ли собрались на занятия? Возможно, разумнее было бы начать со второго полугодия?

— Нет, лорд Шанг, — мне так легче.

Тень легла на личико Илламэль и Гуррэн тут же отступился.

— Что ж, в таком случае я просто настаиваю, чтобы вы ездили на занятия в этой карете.

Илла просто пожала плечами и отвернулась к окну — боль от предательства Рьянна не проходила ни на миг, но сейчас стала просто невыносимой.

— Илла, — тихо позвал лорд Шанг и накрыл ее ладонь своей, — не нужно печалиться — все будет хорошо. Ты сильная. Настолько, что я просто не знаю, как тебя утешить.

А Илламэль вдруг сорвалась. Она уткнулась в плечо лорда Шанга и разрыдалась. Он нежно обнял ее, прижал к себе.

Она плакала и плакала. А дорога все не кончалась и не кончалась. И когда у нее не осталось больше сил, и она могла лишь тихо всхлипывать, лорд Шанг взял ее лицо в теплые ладони и посмотрел в глаза:

— Я всегда рядом. Никогда, слышишь, никогда не забывай: чтобы не случилось, я буду рядом.

— Почему?

— Потому что ...

— Нет!

Илламэль вдруг испугалась того, что он мог сказать.

— Поздно. Этого уже не изменить.

Гуррэн говорил тихо, проникновенно, и она утонула в его словах. Тело замерло в непонятной неге. Мысли рассыпались.

Он медленно наклонился и застыл, не прикасаясь к ее губам, но настолько близко, что она почувствовала неожиданное и невероятное разочарование.

Что это? Почему она так реагирует на Гуррэна? Ведь она любит другого. Даже после его измены.

Что происходит?

Ее дыхание сорвалось, взгляд затуманился.

Гуррэн прикасался к ней так, как никогда не делал Рьянн. Поцелуй Шанга был нежен и откровенен — он рассказывал о безысходной тоске и горестных думах. О безответной любви и муках ревности. О верности и терпении. О счастье лишь видеть ее и знать, что она существует в этом мире.

Поцелуй Гуррэна признавался в любви и открывал всю глубину его чувства. Он дарил и ничего не требовал в ответ.

Когда их поцелуй закончился, она потрясенно смотрела в его глаза, а они лучились счастьем:

— Ты ответила на поцелуй.

— Но камень, — выдохнула Илламэль, — он был алым.

— Ты ответила, Илламэль. Это знаю я, и знаешь ты. Больше ничто не важно.

— Мне страшно...

— Я рядом ...

— Я потерялась ...

— Я твой маяк ...

— Я ничего не понимаю ...

— Я знаю ...

— Я ошиблась?

— Не во мне ...

...

— Отвези меня домой ... я должна побыть одна ... и сама во всем разобраться ...

Глава 14

После болезни и разговора с Шангом Илла полностью погрузилась в занятия. Практически не отрывалась от учебников и не покидала тренажерный полигон по несколько дополнительных часов.

Она совсем не выходила из дому или за ворота Академии, попадая туда и обратно через портал.

В МИФе теперь бывала чаще, чем в собственной квартире, словно боялась, что там ее

застанут врасплох.

Она не могла даже себе сказать от чего бежит. Просто хотела отгородиться от всего, что было связано с Рьянном и Гуррэнном.

С Зоэлль общалась в редкие часы отдыха, не откликаясь на встревоженные просьбы подруги прекратить себя истязать.

Зима была уже на излете. Морозы прекратились, и теперь почти все время шел пушистый снег, покрывая землю таким толстым слоем, что окна первых этажей в домах были бы давно погребены под ним. Но жители прибрежных районов строили жилища с таким расчетом, что на первых этажах были устроены хранилища для всякой домашней всячины, а обитаемые помещения начинались выше снегового уровня.

Впрочем, это относилось только к окраине и пригороду — в центре снег всегда был расчищен, и жители столицы могли свободно передвигаться по тротуарам и дорогам.

Хиз стоял посреди кабинета и следил, за тем как Илла выполняла боевое упражнение.

Лир, уже подросший и ставший большой лохматой собакой, сидел неподалеку и неотрывно следил за действиями хозяйки. Его чересчур разумный вид иногда даже пугал девушку. Казалось, еще чуть-чуть и он заговорит.

Илламэль сосредоточенно сжимала ладони на уровне груди и, медленно выдыхая, образовывала вокруг себя шар из магического пламени.

— Жестче сжимай, и выдох резче, — подсказывал Хиз, — тогда пламя будет сильнее и образуется быстрее. А так, пока ты его выдавишь, тебя уже два раза съесть успеют.

Неожиданно из кляксы портальной связи высунулась голова офицера Стражи — помощника Стиллы Листа.

— Привет. Слушай, слушай его Ивитт, он у нас в этом толк знает ... Его самого точно такой шар когда-то по всей Бугаре гонял.

Илла обернулась, и пламя погасло, всосавшись в ее тело.

— Как это?

— А когда он в первый день в отряд Стражи пришел ... весь из себя такой умелый ... после курсов-то. Вот Лист и приказал его на задание взять, а там прощупать на смелость и сообразительность, — усмехнулся страж.

— То-то ты до сих пор этого забыть не можешь, — огрызнулся гном. — Тот шар в итоге тебе же штаны и прожег ... на видном месте.

Страж-карл беззлобно усмехнулся и признал:

— Было дело.

Марэт оторвался от бумаг, которые просматривал и раскладывал в папки с надписями: «Закрытые» и «Открытые».

— У Стиллы что-то есть для меня?

— Убийство. Парк Веселых Гномов. Лист передал: дело номер один. Сказал, вы поймете.

Марэт побледнел как полотно. Илламэль недоуменно взглянула на Хиза. Но тот тоже растерянно смотрел на лорда.

— Сейчас будем.

Кивнув, голова стража исчезла. Клякса испарилась.

Марэт вышел из-за стола, накинул на плечи меховой плащ с капюшоном и остановился напротив уже открытого портала, ожидая, когда Хиз и Ивитт присоединятся к нему. Илламэль была поражена тем, с какой силой он сжимал зубы и кулаки.

Они вышли в центре парка. Был выходной день и ледяные горки, катки и лыжня оказались полны народа. Все веселились, гуляли и радовались жизни, не подозревая, что неподалеку лежит тот, кто уже никогда не примет участия в их развлечениях.

Лорд Марэт быстрым шагом направился по боковой аллее к окраине парка.

Илламэль и Хиз поспешали за ним, отстав на несколько шагов. Лир неотступно следовал за Илламэль и тревожно втягивал носом морозный воздух.

— Откуда Марэт знает куда идти? — шепотом спросила Илла.

Хиз только пожал плечами.

Аллеи дальше центра были занесены снегом, и горожане зимой сюда не совались. Марэт уверенно прокладывал дорожку сквозь завалы снега и вскоре они вышли на тонкую тропинку. Видимо, командир Патруля уже распорядился и маг-стихийник, оставив широкую нетронутую полосу из сугробов, чтобы оградиться от любопытствующих зевак, расчистил отсюда путь к месту преступления.

Парк доходил своей окраиной до скалистого обрыва в океан. Густые заросли деревьев и кустов в этом месте походили скорее на густой дикий лес, чем место отдыха в черте города.

Пройдя еще пару сотен метров, они вышли к обрыву в океан. По самому его краю стояло ограждение в виде невысокого металлического забора с ажурными решетками. Вдоль него пролежала аллея, заросшая и неухоженная. Все звуки города глохли за плотной стеной деревьев, в далеком ворчании прибоя и шорохе бесконечного снегопада.

Марэт помчался по алее, казалось, его подстегивало какое-то странное болезненное нетерпение. Илла с удивлением наблюдала за ним со стороны. Лорд выглядел так, словно должен был увидеть нечто страшное, но ожидаемое. Злой взгляд желто-серых глаз, тонкий нос заострился еще сильнее, тонкие губы превратились в прямую линию. Сейчас он как никогда напоминал хищника.

Впереди послышались голоса, и за очередным крутым поворотом Хиза с Илламэль ждало настоящее потрясение. Даже Марэт, несомненно, знавший, что его ждет, остановился как вкопанный, и Илла услышала, как он сначала резко вздохнул, потом задержал дыхание.

Илламэль застыла на месте. Хиз схватил ее за руку и завел себе за спину. Лир глухо заворчал, развернулся к Марэту и присел, как будто готовился к атаке.

Марэт стоял смертельно-бледный. Очертание его человеческого тела то расплывалось, являя волчий облик, то вновь возвращалось в прежний вид. Илла видела, как Марэт изо всех сил старался совладать с собой, но не мог. Девушка перестала дышать: малейшее движение и он разорвет их на клочья. Во время трансформации существа собой не владеют.

Несколько минут лорд Марэт боролся с собой и одержал победу. Не оборачиваясь назад, чтобы проверить, как себя чувствуют его подчиненные, бросил резкий приказ:

— Илламэль, стоять здесь. Близко не подходить. У тебя пять минут, чтобы осмотреться, потом марш в бюро. Хиз, от нее ни на шаг. Мрак непроглядный, это намного хуже, чем в прошлый раз.

Марэт сорвался с места и подлетел к стражам.

— Эрвилл в курсе? — спросил он у Листа.

— Да. Сейчас будет ... да вон он уже идет.

Илламэль сделала еще пару шагов и встала так, чтобы ей была видна вся картина в

целом.

За ограждением, на самом краешке обрыва, утопая в сугробе, стояли три высоких столба с перекладиной. На этих своеобразных крестах висели три женских трупа. Первым от них — труп молодой длинноволосой девушки. Она была обнаженной, и только волосы прикрывали ее посиневшее тело. Второй труп был женщины средних лет. Она была одета только в длинную юбку. Волосы аккуратно собраны в пучок на затылке. Как ни странно Илла увидела на ее лице признаки спокойствия и умиротворенности. Третий труп был самым примечательным — это была старуха. Но какая! Седые длинные космы даже после смерти торчали во все стороны под неестественным углом. Мертвые глаза навывкате злобно таращились перед собой. Свирепый оскал — словно застывший крик.

В следующий миг закричала Илла. Все три мертвеца были ей знакомы! Воспитанница, монахиня и настоятельница ее бывшего монастыря.

Как бы ни боялась и ненавидела она мать Анессу, но такой кончины она ей никогда не желала.

Иллу колотило: орден Спасения. Опять на их пути стоял проклятый орден Спасения. Словно кто-то подталкивал их к какому-то неразрешенному вопросу. Хотел, чтобы они обратили внимание на какой-то факт, зацепку. Но они не видели. Как слепые котята торкались во все стороны, беспомощно и бестолково.

Внезапно трупы начали оживать.

Сначала дернулась старуха. Моргнула, повела безумным взглядом по сторонам, вдруг резко повернула голову и уставилась на Илламэль. Ее зубы злобно щелкнули.

Потом ожила воспитанница. Она словно очнулась от долгого сна. Вздохнула всей грудью, хотя умертвиям это было без надобности, и тоже резко повернула голову к Илламэль. На ее лице появилось выражение безумного голода.

Монахиня вернулась последней. Она вскинула голову и словно уже знала, куда смотреть сразу вперила в Иллу безучастный взгляд.

Все с удивлением смотрели на это необычное явление — умертвия сами по себе не были редкостью, и патрулям приходилось регулярно очищать от них города и деревни, но то, как они отреагировали на Иллу, было странным. Обычно ожившие мертвецы хотели только — жрать. И им было все равно кого. Они впивались зубами во все, что имело теплую живую плоть и кровь. Но сейчас они с легкостью проигнорировали стоявших рядом стражей и смотрели только на девушку.

Внезапно за спиной Иллы что-то взорвалось и ее окутало плотной завесой дыма. В следующий миг Хиз набросился на нее, свалил в сугроб и прикрыл собой.

Она слышала, как взвыл Лир. Закричал кто-то из стражей. Над ними что-то пролетело. Илла отчетливо различила взмахи огромных крыльев. После этого раздались звуки заклинательных атак, ругань и топот множества ног. Через мгновение Хиза сорвало с нее куда-то вверх, и она смогла вздохнуть.

— Ты как? — это было первым, что она услышала от лорда Толли.

Он аккуратно вытащил ее из сугроба и осторожно стер с лица снег, который залепил ей глаза.

Ответить Илла не могла. Ее била крупная дрожь.

Толли притянул ее к себе и прижал к груди.

— Ш-ш-ш, все хорошо. Ничего не бойся: я рядом. Все хорошо.

— Все очень, очень плохо.

Не согласилась Илла и попыталась вырваться из его рук, но он прижал ее к себе еще сильнее, словно боялся отпустить. Его сердце забилося быстрее, а тело напряглось в попытке удержать, защитить, прикрыть собой. Илле не нужно было даже смотреть в его глаза, чтобы понять: в лорде Толли что-то изменилось. Незримо, но явственно.

— На нас смотрят, лорд Толли, — голос Иллы был резок, и он понял: она ничего не забыла и ничего не простила. — Вы не имеете права так себя вести. Вы компрометируете меня. Отпустите сейчас же или мне придется обратиться к брату. Не думаю, что ссора с целым гномьим кланом то, что вам сейчас нужно.

Толли вздрогнул и резко шагнул в сторону.

— Лорд Марэт, — окликнула сыщика Илла ровным сильным голосом и направилась к нему, не оглядываясь на Рьянна Толли, — мне нужно вам кое-что сказать.

Часы на городской башне пробили три часа пополудни. В бюро лорда Марэта шло совещание.

Хозяин кабинета, лорд Эрвилл, лорд Шанг и лорд Толли сидели вокруг стола и хмуро смотрели друг на друга. Все зашло в тупик.

Марэт стоял на своем: Илламэль права: во всех преступлениях, так или иначе, фигурировал орден Спасения.

Шанг и Толли категорически отрицали причастность ордена к преступлениям и не давали разрешение Марэту на расследование в этом направлении.

Лорд Эрвилл поддерживал Марэта, хотя и не понимал в чем суть противостояния между сыщиком и главами силовых ведомств.

— В первую очередь нам необходимо узнать, зачем девочка кому-то понадобилась, — в который раз повторил Эрвилл, стараясь смягчить возникшее между этими тремя непонятное напряжение, даже, можно сказать, враждебность. — Не спорю, она умна, сообразительна, но это не повод для такого прессинга. Это которая попытка?

— Третья, насколько мне известно, — хмуро проговорил Марэт, — и я уверен, что ответ мы найдем в ордене.

— Вообще-то пятая, — поправил его Шанг. — Два нам удалось предотвратить.

— Тогда в чем проблема? Дайте разрешение, и мы прошерстим этот орден сверху донизу, — не понимал Эрвилл.

— Орден здесь ни при чем. Оставьте эту идею, господа. Если вы и уверены, что Спасение в чем-то замешано, то это уже не в вашей компетенции. Я сам проведу расследование, и поверьте: не пропущу ни одной детали. Но я повторяю: вы ошибаетесь и орден здесь ни при чем, — лорд Толли внимательно посмотрел на Марэта и Эрвилла. — Ивитт находится под моей личной охраной, и я способен обеспечить ей соответствующую безопасность.

— Вообще-то уже нет, — спокойно возразил ему Шанг, — у тебя был шанс. Ты его упустил.

Толли сжал кулаки. Он не хотел спорить с Гуррэнном при посторонних. Но с тех пор как Илламэль ушла от него, Шанг не скрывал своей заинтересованности девушкой. И на этот раз он был настроен не только на помощь другу. Рьянн был уверен: Гуррэн увлечен ею как женщиной.

А на кухне бонны Фрабб шло свое совещание. Илламэль и Хиз сидели с кружками горячего чая и спорили:

— А я говорю, нет, Илламэль. Ты не сделаешь этого ... по крайней мере без меня и лорда Марэта.

— Если я появлюсь там вместе с вами, то это будет уже официальный визит и нам никто ничего не расскажет. А если я приеду в свой монастырь сама, то девчонки мне все выложат. Ты даже не представляешь, сколько можно узнать за нехитрой дружеской беседой.

— Можешь не сомневаться — представляю. Но ты и шагу не сделаешь без разрешения лорда Марэта, иначе кое-кто с него шкуру сдерет, у своего порога положит и будет с удовольствием вытирать об нее подошвы сапог.

— Ты не прав, — тихо возразила Илламэль.

— Прав, прав и ты это прекрасно знаешь. Темные лорды — не те существа, которые отступают, сестренка. Напрасно ты думаешь, что он оставит тебя в покое. Он будет кружить вокруг тебя как коршун, оберегать, отгонять тех, кто не понятлив. Ты даже можешь не догадываться о его присутствии, но он всегда рядом, только и ждет, чтобы ты расслабилась и тогда он налетит и ... хватить!

Хиз резко проговорил последние слова, почти выкрикнул и схватил ее за руку. Илла от неожиданности подскочила и побледнела.

«Не доверяй никому, особенно мужикам. Строжись. А то налетят, коршуны, растерзают и сердце, и душу. Чтобы выжить, нужно быть хитрой, злой и сильной».

Боже, как же сестра Бирта была права!

— Он может делать все, что ему вздумается, но и я не из мочала сделана! — резко проговорила Илламэль. — Посмотрим, что из его кружения выйдет. Он коршун? Замечательно. Тогда я птица-феникс. Пусть поймает меня ... если сможет.

Хиз улыбнулся:

— Не хотел бы я быть на его месте. Но мне очень хочется увидеть финал этой истории.

— Не будет никакого финала. Он уже состоялся. Я так решила. Значит, так оно и есть.

Хиз только покачал головой и ничего не ответил.

— Слушай, а что это за дело номер один? — спросила Илламэль, переводя разговор.

— Я вчера порасспросил кое-кого. Стражи постарше помнят это дело. Номер один — это первое преступление, которое расследовал Марэт. Но преступника не удалось найти. И еще ... тогда погибла только одна женщина и это была возлюбленная лорда Марэта. Собственно с тех пор он и стал сыщиком.

Хиз помолчал немного, наблюдая за девушкой, а потом проговорил:

— Слушай, я знаю как тебе сейчас нелегко. Но у меня к тебе предложение ... может, посмотришь записи того дела? Мрак знает, а вдруг ты увидишь что-то, что они пропустили тогда и не заметили сейчас.

— Давай, — тут же отозвалась Илламэль, но вдруг удивленно взглянула на Хиза. — Ты достал записи? Тогда чего молчал до сих пор?

— У тебя весь вечер какой-то странный взгляд и лицо ... ты все время думаешь о чем-то ... вот я и решил, что ты тоже скучаешь по нему ... как и он по тебе. Видела бы ты его лицо, когда отошла от него. Мужики только головами покачали. А ведь они не в курсе ваших

отношений.

— Все. Больше ни слова об этом. Давай свои записи!

— Завтра. А сейчас спать.

Хиз поднялся со стула и взмахом руки убрал со стола. Чашки стали кристально чистыми и опустились на свои места в шкафу. Пироги и ватрушки упаковались в прозрачные контейнеры, в которых могли храниться бесконечно долго в совершенно свежем виде. Стулья задвинулись под стол, бесцеремонно сгоняя Иллу со своего места.

— Хи-из ... дай посмотреть. А? — протянула Илла. — Все равно ведь не засну.

— Заснешь. Еще как. И завтра с утра поспи подольше. Выходной для того и выходной, чтобы поваляться в постели. А после завтрака мы вместе все и посмотрим.

Илламэль поднялась к себе. Постояла несколько минут под горячим душем и устало опустилась на хрустящие и пахнувшие фиалками простыни. Сон накрыл усталые глаза теплой ладонью, и она провалилась в забытие.

Впервые за долгое время ей приснился хороший сон: она летела среди облаков необыкновенно красивой птицей-фениксом. Счастливая и спокойная ... словно открывшая в себе какие-то скрытые ранее силы.

Под утро темная тень легла на фигурку девушки мирно спящей на широкой постели. Лир, лежал в ногах девушки. Он поднял голову и беззвучно обнажил клыки. Увидев лорда Толли, зверь успокоился и сделал вид, что спит.

Рьянн несколько минут стоял и с грустью смотрел на Илламэль. Она так и не научилась использовать всю площадь кровати и по-прежнему спала на узкой полоске у самого края. Лорд Толли устало опустился возле нее на колени и осторожно убрал непослушные локоны с лица.

— Спи, любимая. Моя Илламэль, — прошептал он едва слышно. Ему хотелось, чтобы его признание было материально. — Я все сделаю для того, чтобы ты поверила: у меня больше нет никого дороже тебя. Ты моя. И я никому тебя не отдам ... даже если мне придется убить лучшего друга.

Следующие слова лорд Толли не произнес вслух, но они были не менее решительны его горячего шепота:

— И я никогда больше не подпущу тебя к этому делу. Я не намерен подвергать тебя ни малейшей опасности. Ты слишком дорога мне, чтобы потерять еще раз.

Лорд Толли снял со своего пальца кольцо и надел на пальчик спящей девушки. Перстень опять сжался до его размеров, а камень вспыхнул и на этот раз еще ярче. Темный лорд наблюдал за этим затаив дыхание. Радостная и победная улыбка расцвела на его губах. Он осторожно прикоснулся к бриллианту губами.

— Камень остается алым ... я безмерно этому рад, но не уверен, что ты снова вернешься ко мне, если не уберегу, и ты снова уйдешь за Грань.

Лорд поднялся с колен и еще раз бросил долгий задумчивый взгляд на Илламэль. Потом шагнул в темноту, а кольцо на пальчике ничего не подозревавшей Илламэль стало невидимым.

Илламэль проснулась действительно отдохнувшей и посвежевшей. В хорошем настроении, чего с ней давно уже не случалось.

Она быстро собралась и спустилась вниз, чтобы после завтрака вместе с Хизом заняться делом лорда Марэта. Она собиралась попросить названного брата оставить пока все в тайне. Если им удастся раскопать что-нибудь в этом деле, тогда они и раскроют все патрону. А пока пусть об этом никто ничего не знает. Но ее надеждам не суждено было исполниться.

Еще с лестницы она слышала веселый смех и стук чашек по блюдам. Войдя в столовую, она остановилась в удивлении и нерешительности, а ее щеки залились предательской краской. Сердце пустилось вскачь вопреки ее воле.

Лорд Шанг сидел за столом вместе с бонной Наи, пил чай и раскрепощено о чем-то шутил с хозяйкой доходного дома.

— А вот и наша спящая красавица! — воскликнул лорд, быстро поднялся и шагнул навстречу девушке. — Доброе утро.

Шанг лишь на одно мгновение задержал взгляд на ее левой руке, и его лицо потемнело, но уже в следующий миг он снова расцвел в лучезарной улыбке. Он поднял ее правую руку к губам и, не отрывая от нее взгляда, чувственно поцеловал задрожавшие пальчики. В этом прикосновении было столько нежности и признания в тоске по ней, что Илла на мгновение задержала дыхание.

— А я к тебе с предложением, — проговорил лорд Шанг с чувством. — Надеюсь, у тебя найдется немного времени, и ты поможешь мне в одном очень запутанном и давнем деле? Это касается и вчерашнего преступления. Я знаю, что оно тебя сильно расстроило. Но ты ведь хочешь раскрыть его? Я прав?

— Доброе утро лорд Шанг, — пробормотала Илламэль, высвободила руки из его ладони и прошла к столу. Темный помог ей сесть и придвинул стул. — О каком давнем деле идет речь?

— Это дело лорда Марэта, — лукаво усмехнулся Шанг. — Хиз ведь уже ... гм... посвятил тебя в свои планы? Изъятие документов из хранилища ... без ведома начальства ...

— Лорд Шанг! — встревожено воскликнула Илламэль, поднимая на него глаза.

Но он с улыбкой поднял руки:

— Тебе не о чем беспокоиться. Но, признаюсь, именно его проступок и навел меня на мысль предложить тебе заняться этим.

Завтракай и ко мне. Хиз уже там, я забрал его на все время расследования. Вы двое — неплохой тандем. Будете заниматься этим делом вместе.

— Я хотела побывать в монастыре, но Хиз против, чтобы я ехала туда одна, — быстро выпалила Илла, понимая, что Шанг мог в один момент разрешить эту проблему.

— Ешь, — лорд подвинул к ней чашку с горячим шоколадом и блюдо со свежими еще горячими пирожками. — Все после. Пока не позавтракаешь, разговора не будет.

Илла была так рада, что ей позволено заниматься делом Марэта, что схватила чашку, пирог и поспешно принялась есть. Ей не терпелось рассказать о своих планах. Она чувствовала: Шанг не станет ее останавливать. Более того, будет ей помогать. Он верил в ее способности ... и это о многом говорило!

Бонна Наи тихонько сидела в стороне и с интересом посматривала на возбужденную Иллу с румянцем во всю щеку и лорда Шанга открыто любовавшегося ею.

Управление внешней безопасности, главой которого был лорд Шанг, находился в

большом многоэтажном здании, стоявшем посреди круглой площади. Вокруг нее раскинулся такой же круглый и ухоженный парк с разбегающимися лучами-аллеями, делящими его на равные треугольники.

Илламэль в строгой темной юбке в пол и светлой блузе с откидным воротом стояла посреди длинного коридора, с одной стороны которого располагались огромные окна с другой — бесконечная череда дверей из темно-красного дерева.

Лорд Шанг посмотрел на девушку, которая от волнения даже руки прижала к груди и улыбнулся.

— Не волнуйся. Сегодня выходной и здесь почти никого нет.

Лорд Шанг взял Иллу за руку и спросил:

— Ты давно видела Рьянна?

— Вчера в парке. Ну ... когда на меня снова напали. А что?

— Да так. Он не просил о встрече?

Илла пожала плечами:

— Я не дала ему повода сделать это.

Шанг улыбнулся и поднес ее пальчики к губам, поцеловал один за другим, захватив ее глаза в плен.

— А я могу пригласить тебя на обед? Или ужин?

— Лорд Шанг, — Илла осторожно забрала у него руку. — Дайте мне время. Я не хочу ничего говорить вам сейчас. Мне нужно понять... я не знаю, что тогда между нами произошло ... почему все так случилось ... и я ...

— Илла, — Гуррэн обхватил ее лицо ладонями, — я буду ждать столько, сколько ты скажешь. Главное, что ты должна понять: никто не смеет заставлять тебя делать то, что ты не хочешь. Никто и ни когда. Ты ни кому ничего не должна. Запомни это. И не смей никого жалеть. Жалость может сильно ранить и даже убить. И в первую очередь саму тебя.

Она не знала, что ему на это сказать и только распахнула глаза, прикусив губу. Его внезапно потемневшие глаза ласкали лицо Илламэль с нежной заботой и любовью. Гуррэн перевел взгляд на ее рот, и невольно склонился еще ближе, а она не была в состоянии даже пошевелиться. Он был так близко, что она чувствовала жар его тела.

— Илламэль, — прошептал со стоном Гуррэн и припал к ее губам.

В это время где-то хлопнула дверь, Илла вздрогнула и отпрянула от Шанга. Он отпустил тотчас, но на его губах играла улыбка.

— Я тебе не безразличен. Я в этом уверен.

Илламэль заставила себя сделать вдох. Это безумие.

— Давайте уже пойдем, — быстро проговорила она, отступая на шаг. — Там Хиз ... ждет.

Ей было трудно дышать. Она впервые почувствовала как не только ее тело, но и сердце тянется к этому сильному, могучему, но такому нежному и осторожному мужчине. Он обходился с ней как с невероятно хрупкой драгоценностью и в то же время не ограничивал в отличие от лорда Толли, который ни на миг не позволял даже подумать, что она равна ему.

Шанг неспешно заправил выбившийся из ее прически локон и указал рукой направление, предоставляя ей идти первой.

Хиз сидел за большим т-образным столом. Перед ним лежали какие-то бумаги, и он сосредоточенно что-то выписывал себе в блокнот.

— О, привет, — воскликнул он, как только они вошли. — Ты не представляешь, как

была права!

— В чем? — Илламэль быстро подошла к гному и наклонилась над бумагами.

— Оказывается, возлюбленная Марэта тоже была в ордене Спасения. Точнее в монастыре возле города Куппа, только в отличие от тебя и леди Арвиль она была послушницей, как и Агавир Сайлл. Когда они встретились с лордом Марэтом, она расстриглась и ушла из монастыря, чтобы стать его женой. Но в ночь перед свадебным ритуалом ее похитили, а потом убили. И она тоже была распята на кресте после ритуального убийства.

Шанг отодвинул для нее стул. Она коротко взглянула на него и села, подтягивая к себе листы протоколов.

— Лорд Марэт сам вел это расследование. Ему удалось выяснить, что в ночь убийства девушка была в своем монастыре. Он несколько лет пытался раскрыть ее убийство, но его не пустили дальше порога монастыря.

— Еще бы, — хмыкнула Илламэль. — Вряд ли ему показали тайные помещения этих ужасных замков.

— Почему? — спросил Хиз.

— Там творятся жестокие вещи, Хиз. Ордену Спасения есть чего стыдиться и опасаться. Если возлюбленная лорда Марэта была посвященной, то вряд ли прожила долго за стенами своего монастыря.

— Верно — всего сутки.

— Я так и думала, — кивнула Илламэль.

— Но как же они допустили, чтобы она расстриглась и ушла?

— А как я смогла выбраться оттуда? Счастливый случай, Хиз. И я до сих пор чувствую присутствие ледяной руки ордена на своей шее. Хиз — все эти нападения. Неужели ты ничего не понял?

— А ты что из «посвященных»?

— Нет, слава Светлой Богине. Но я видела достаточно, чтобы стать опасной для Спасения.

— Что?! — воскликнул Шанг. Он уже сидел за своим столом и наблюдал за разговором Хиза и Илламэль. Было видно, что они не раз вели такие разговоры, и из их раскрепощенного общения выкристаллизовывалась истина.

Илламэль подняла на него глаза.

— Что ты сказала?

Илла пожала плечами:

— Вы слышали лорд Шанг. Марэт не зря столько лет пытался избавиться от назойливого наблюдения людей ордена. Они и сейчас не оставляют его в покое. Неужели вы этого не знали? Я с младенчества воспитывалась в одном из самых отдаленных и закрытых монастырей Спасения. И мне доводилось видеть вещи, которые не вписываются, мягко говоря, в нормальные понятия благопристойного заведения по обучению богатых девиц. Ширма хорошая, но монастыри — что-то совершенно другое, нежели орден пытается показать.

Шанг был ошеломлен. Сколько успела узнать Илламэль? Если она видела безумных Темных, тогда понятно, почему она ненавидит и боится «Спасение».

Но она же просто ничего не знает и не понимает!

— Но сейчас меня волнует другое, — продолжила девушка, — почему были казнены

люди ордена? Если возлюбленную лорда Марэта убили люди аббата, то тут можно понять — отступница, которая, возможно, много знала. Но мать Анесса, — Илла с сомнением покачала головой, — она была ярая сторонница и последовательница Спасения. Воспитанница Импи и послушница Ритва — никогда ни в чем не были замешаны. Это одни из самых спокойных и незаметных людей в замке, которых я знала. А ведь там были и бунтарки. Не сомневайтесь. От них ордену было выгодней избавиться, чем от Импи и Ритвы.

— И какой же вывод? — спросил Хиз.

— Очевидный: это не ритуал ордена Спасения, — ответила спокойно Илламэль. — Поэтому я и хочу во всем разобраться. И для этого мне нужно побывать в монастыре ... в качестве гостыи. Если это возможно.

Илламэль вопросительно взглянула на Шанга.

Тот несколько минут не отрывал от девушки взгляда. О чем он думал, она не знала, но на его красивом мужественном лице была видна какая-то внутренняя борьба.

— Хорошо!

Лорд Шанг резко встал и вышел из кабинета.

— Так давай посмотрим. Что ты успел тут накопать? — спросила Илламэль у Хиза.

— Смотри: труп госпожи Хертты был закреплен на кресте при помощи магии, как и три вчерашних но, в отличие от того раза она была не только полностью одета, на ней не было видно и следов пыток.

— А... а что этих пытали? — выдохнула Илламэль.

— Извини. Но на их телах обнаружили следы не только магических, но и физических истязаний. Жестоких.

— Почему?! Я думала это только предлог, чтобы вытащить меня к месту преступления и попытаться снова похитить.

Вообще, не понимаю: для чего я кому-то понадобилась? Это просто бессмыслица какая-то. Леди рода Арвиль — понятно: они связаны с камнем. Госпожа Хертта — изменница. Но я! К чему? И эти пытки невинных женщин. Не понимаю!

— Ты смотри сюда, — нетерпеливо перебил ее Хиз. — При осмотре первого преступления было кое-что обнаружено, но так как тогда никто не рассматривал это дело в том свете, что мы, на это никто не обратил внимания.

Илла склонилась над объемными многомерными фотоликами с мест преступления многолетней давности и вчерашним.

— Ничего не замечаешь?

— Руки? — недоверчиво спросила Илламэль.

— Умница. В точку.

Руки всех четырех трупов были расположены одинаково — развернуты ладонями вперед и их пальцы были широко расставлены.

А это жест ... магов Света. Кисти — главное оружие мага Света. Пальцы раскрытой ладони — лучи светлой магии, отходящие от сосредоточия силы.

— Если ты прав ... то всем нам грозят большие неприятности.

— Неужели Темные этого не заметили?

— Шутишь? Да кто заподозрит культ Светлых в царстве Темных?

— Планомерное уничтожение адептов ордена Спасения — оплота Темных — чем не цель, — пробормотал Фрабб.

— Мелковатые жертвы. Не находишь?

— Это леди-то Арвиль мелковатые?

Дверь в кабинет Шанга внезапно распахнулась с такой неимоверной силой, что едва не вывалилась. От резкого удара об стену раздался такой грохот, что Илла и Хиз едва не упали со стульев.

Рьянн Толли остановился напротив Иллы и гневно сложил руки на груди.

— Скажи мне ... любимая ... каким образом ты оказалась в этом месте?

Голос лорда был едва отличим от демонического рыка. Из его глаз смотрела черная тьма, которая и не таких заставляла валиться на колени от ужаса.

Илламэль медленно поднялась со своего места. Она не могла оторвать взгляда от черных глаз Рьянна.

— Э-э-э, мой лорд ...

Хиз попытался что-то сказать, но Рьянн едва шевельнул пальцем и гном отлетел к стене вместе со стулом к стене и замер замороженный стазисом.

— Лорд Толли, вы не можете вести себя подобным образом, — голос Илламэль дрожал от возмущения. — Хиз ничего плохого вам не сделал. И я ... не обязана отчитываться перед вами. Насколько я знаю, ваше кольцо больше не отягощает мой палец.

— Отягощает?!

Илламэль промолчала.

— Так ты считаешь, что оно было тебе в тягость? Может, и я тебе в тягость? И это не ты просиживала вечера в тоске обо мне? Или это не ты дрожала в моих объятиях?

— Прекратите! Лорд Толли, вы больше мне не жених и подобные речи недопустимы!

— Не допустимы?!

В одно мгновение Толли оказался рядом с Илламэль и схватил ее плечи. Он наклонился к ней и его пылающие глаза оказались напротив ее лица.

— Ты моя! И ты поклялась принадлежать мне. Тебе напомнить, как это было?

Рьянн резко притянул к себе Илламэль и впился в ее губы грубым властным поцелуем.

Илламэль изо всех сил упиралась в его грудь ладонями, но разве она могла хотя бы на миллиметр сдвинуть этакую гору мышц? Она дернулась, но это привело к еще худшему результату: Рьянн обхватил ее и с силой вжал в себя, не давая ей возможности даже вздохнуть.

Илламэль чувствовала, что находится на грани обморока. Ей не хватало воздуха, но взбешенный лорд этого не замечал. Он снова и снова клеймил ее своим запахом, грубыми прикосновениями, подавлением ее воли.

— Рен! — в отчаянии позвала она мысленно, не надеясь, что он услышит.

... Последнее что она увидела, было озлобленное лицо Рьянна и сосредоточенно-хмурое Гуррэна, ворвавшегося в кабинет. В следующий момент она и ошеломленно хлопающий глазами Хиз оказались в кухне бонны Наи.

— Да-а, чай нам сейчас не помешает, — выдохнул Хиз, посмотрел на хмурую Илламэль и усмехнулся, — угораздило же тебя, сестренка, так влипнуть.

— И не говори.

Глава 15

— Хиз, ты уверен, что это находится именно здесь?

Шепот Илламэль гулким эхом разнесся по уходящему во тьму тоннелю.

— Да. Я все проверил. Храм жрецов Света тысячи лет назад был как раз на этом месте. Когда пришли Темные они все сравнивали с землей и только подземные ходы еще кое-где остались не заваленными. Если мы все правильно поняли, и кто-то возрождает древние ритуалы волхвов Света, то их храм непременно будет где-то здесь, на месте сосредоточия бывшей Силы.

Девушка и гном уже несколько часов пробирались сквозь каменные завалы и прорубали себе проход сквозь заросли диких лиан, которые как паутиной переплели подземный ход, ведущий в долину волхвов Света.

Лир бежал впереди, обнюхивая и исследуя каждый закут или поворот. Время от времени Илла и Хиз слышали его тихое беззлобное рычание.

Где-то далеко впереди уже слышался шум воды, падающей с большой высоты. Оттуда же шел приток свежего воздуха. Молодые следователи воспряли духом.

— Мы почти пришли, — шепнул гном. — Уверен: если храмовники решили возродить свой культ, то они создали на месте бывшего храма нечто вроде алтаря. Для них сейчас очень важно вернуть былое могущество своих артефактов, поэтому они не остановятся на бескровных жертвоприношениях. И поэтому-то их нужно остановить, пока не поздно.

— Жуть какая. Боги Света требуют крови. Никогда бы не подумала, что добро может быть жестоким. Свет изначально олицетворяет собой Жизнь, благополучие. Как получилось, что в этой религии столько кровавых ритуалов?

— Они считают, что со смертью жизнь не останавливается, — напомнил гном прописную истину.

— Да, но каждая жизнь неповторима, потому и ценна.

Впереди забрезжил свет и вскоре Илламэль с Хизом вышли из черной дыры подземного хода. Картина, открывшаяся перед ними, была просто потрясающей: глубокие узкие каньоны изрезали гигантский кратер давно потухшего мощнейшего вулкана. Через пропасти были проложены каменные мосты, они тоненькими ниточками соединяли собой множество серо-коричневых скал и, в конце концов, приводили к развалинам грандиозного древнего храма, стоявшего в середине чашеобразной долины.

Высокие горы скрывали от постороннего взгляда сердце древней религии.

Солнце, впервые за много дней показавшее свой лик, медленно приближалось к высшей точке небосклона и почти прямыми лучами освещало величественные стены храма когда-то могущественных и всесильных божеств.

За тысячелетия, прошедшие со времен былого величия, растения успели почти полностью поглотить и храм, и стоявшие на других скалах каменные здания ордена Света. Безмолвие и мрачное запустение царили в оживленной когда-то долине.

Очень давно десятки подземных ходов вели к этому храму. Люди, выходящие на свет после темноты тоннелей, оказывались перед сверкающими золотом храмовыми комплексами, их непередаваемым величием и красотой. Яркий свет и блеск золота делали свое дело — никто не мог усомниться в грозной силе Светлых Богов.

Множество водопадов низвергающихся с горных вершин наполняли каньон почти до вершин скал, но подземные реки уносили лишнюю воду, и изрезанное озеро сияло на солнце миллионами голубых и серебряных бликов.

— Красиво ... и страшно, — пробормотала Илламэль.

— Ты все еще уверена, что нам стоит самим идти туда? — гном кивнул в сторону развалин главного храма.

— Да. Не хочу больше иметь дело с Толли. К тому же он никогда не позволит мне самостоятельно разобраться в этом деле. У него какой-то пунктик в голове, будто я обязана во всем ему подчиняться. Я для него просто кукла с магическим заводом, с которой интересно играть, а за ненадобностью можно и в сторонку отложить. Такая любовь не по мне.

А Шанг?

— Шанг другой ... возможно, я бы смогла полюбить его ... но ...

— Но?

— Камень в кольцо был алым, Хиз. Толли никогда не оставит меня в покое. И потом они с Гуррэнном друзья. Я не имею права разрушать дружбу, которой много сотен лет. Нет. Только не так. К тому же от их отношения друг к другу многое зависит.

— Но ты же раньше любила Рьянна Толли. Что-то я совсем не въезжаю во все твои заморочки.

— Толли был моим детским и глупым увлечением. Я была покорена его мужественным и грозным видом. Мечтала о нем несколько лет. На деле он оказался лишь деспотичным и не терпящим возражений тираном. Я не могу любить его, но ... камень стал алым и я не знаю, что с этим делать. Возможно, он моя судьба. Но мы совсем не пара ... он будущий император ... я никому не известная сирота. Так что ...

Хиз взял Илламэль за руку и развернул к себе.

— Так ты действительно его не любишь или тебе мешают его регалии?!

Илламэль промолчала.

— Скажи, сестра. Это очень важно для меня.

— Я не люблю его. Но я не хочу, чтобы ты вмешивался во все это. Сама разберусь ...

— Когда я назвал тебя сестрой, я взял на себя ответственность за твою жизнь. Так что если я не буду выполнять обязанности брата, тогда к чему все было? Ты думаешь, я боюсь лорда Толли? Ошибаешься — просто я не знал, как поступить, ведь я считал, что он дорог тебе.

— Хиз, я тебя очень прошу: не вмешивайся. Если будет необходимо, я сама попрошу о помощи.

— Ты обещаешь?

— Конечно! К кому же я могу прийти за помощью как не к своей семье?

— Тогда ладно, — согласился Хиз. — Пошли, уже много времени, а нам нужно вернуться до того, как тебя хватятся твои темные лорды.

Они подошли к первому каменному мосту. Лир сидел и покорно ждал их. Страж отправил поисковик, остановив Иллу, которая уже была готова шагнуть на первый камень моста. Но он оказался неопасным, и они перешли на ближайшую скалу, омытую водами озера. Следующий мост и все последующие за ним тоже были на первый взгляд прочными, но Хиз проверял каждый, прежде чем они переходили на следующий отрезок пути.

Наконец Хиз и Илламэль преодолели последний мост, который казался самым опасным из всех. Это была скорее тонкая сильно выгнутая каменная ниточка, чем пригодная для перехода через пропасть переправа.

Теперь перед ними раскинулась некогда широкая и богато обставленная лестница, ведущая внутрь храма. Сейчас она была завалена снегом, но кое-где ветер смел снег в пропасть и там лежали открытые участки, на которых виднелась торчащая между плитами пожухлая прошлогодняя трава и мелкие кустики. По краям лестницы безлистые деревья и

кусты почти скрыли от взгляда каменные чаши и статуи, многие из которых валялись расколотые на части.

На верху их ожидала распахнутая настежь дверь колоссальных размеров. Сквозь открытый проем можно было видеть часть главного храмового зала. Он тоже выглядел запущенным и брошенным из-за заросших в нем кустов и деревьев и, как и все вокруг, был завален снегом и обломками.

— Не могу поверить, что здесь кто-то может проводить ритуалы, — призналась Илламэль. — Слишком уж все разрушено и необитаемо.

— Давай, хотя взглянем на храм изнутри, — предложил Хиз, — не зря же мы сюда притащились.

Они начали подниматься по ступеням но Лир вдруг заскулил и завертелся на месте: он не мог вступить на лестницу, словно его что-то не пускало. Как будто перед ним выросла прочная невидимая стена.

— Наверное животным нельзя заходить в храм, — предположил Хиз.

— Лир, жди здесь — отдала приказ Илла.

Пес жалобно заскулил и начал скрести когтями каменную плиту, но Илла еще раз приказала ему оставаться на месте. Гном и девушка поднялись к двери и вошли в когда-то великолепный и грандиозный в своем величии храм.

Солнце уже стояло в зените.

То, что предстало перед их изумленными взорами трудно описать словами. Колонны расходились прямыми лучами шестью рядами по обе стороны от центральной части храма. В середине, на высоком постаменте, стояло солнечное божество — женская фигура в белоснежном хитоне и с венцом на голове. За все прошедшие тысячелетия статуя ни на капли не утратила своего величия и грандиозности. Люди рядом с ней казались крошечными муравьями. Крыши в храме не было, вместо нее двенадцать колонн составляли навершие с круглым отверстием посередине, через который на статую богини нисходил солнечный свет.

— А говорили, что Темные все разрушили, — прошептал пораженный гном.

Неожиданно в храме раздался громкий скрежещущий звук. Первый ряд колонн вздрогнул и плавно отъехал в сторону. Из открывшихся провалов показались двенадцать высоких одетых в белые хламиды с капюшонами жрецов. Они медленно выходили из подземелья, опустив головы и спрятав руки в широкие рукава.

Хиз выхватил меч, Илла приготовилась к обороне. Лир взвыл бешеным голосом.

— Приветствуем, тебя о, верховная послушница богини Любви и Света.

Скрипучий холодный и до крайности неприятный голос звучал, казалось, отовсюду.

Илламэль оглядывалась вокруг в поисках говорившего. Но голос затих, и никого кроме выходящих из люков жрецов больше не было.

— Кто это? — громко выкрикнула она, наблюдая в замешательстве, как жрецы окружили их и вдруг опустились на колени, не поднимая голов.

— Войди в свой храм и узнаешь все ...

— Она никуда не пойдет! — воскликнул гневно гном, выставив перед собой меч.

В следующий миг неведомая сила подхватила его и бросила под ноги богини. Его лицо стало белее мела, а из уголка рта показалась струйка крови.

— Нет! — закричала Илламэль, бросаясь к гному.

Жрецы, стоявшие на коленях, как только она приблизилась, поспешно расступились перед ней, как будто боялись осквернить ее своим прикосновением.

Илламэль упала на колени рядом с Хизом и приподняла его голову. Он был без сознания, но из груди слышались сдавленные хрипы, как будто он задыхался. Через мгновение он перестал дышать, хотя его сердце еще билось.

— Прекратите это немедленно!

— Войди в храм, прими свое истинное имя и верни Силу, тогда ты сама сможешь возвращать умерших из царства вечной Тьмы, — прогремел голос. — Тебя призывает богиня. Ты не смеешь отказываться.

— Да пошел ты! Хватит с меня командиров.

Илламэль вытерла кровь с лица Хиза и склонилась к нему. Запрокинула его голову, прижала губы к его безвольному рту и вдохнула в легкие воздух. Раз, другой, третий. Гном закашлялся и начал дышать самостоятельно.

— Ты хочешь узнать тайну своего рождения? — голос, похоже, стал терять терпение. — Войди в храм и все узнаешь. Тебе не место среди смертных. Вернись в свою обитель. Стань той, что предназначено. Свергни Темных и воцарись в этом мире. Поверь, тебе не будет равных ни среди живых, ни среди мертвых.

— Заткнись! Кем бы я там не была — я не стану причиной войны, которую ты намерен начать. Думаешь, я не понимаю, чего ты хочешь? Ты сам возглавишь орды, которые обрушат на землю разруху и страдания.

— Война очистит ее от скверны.

— Так я и думала. А меня ты выставишь живым идолом, которому заставишь поклоняться людей? Не знаю, почему твой выбор пал именно на меня, но тут ты сильно просчитался. Я встану на твоём пути и буду сражаться столько, насколько у меня хватит сил. Если я, как ты сказал, послушница богини Любви и Света — то я должна нести людям доброту и счастье, а не боль и смерть.

Илламэль обхватила лицо Хиза ладошками и заглянула в его глаза:

— Поднимайся, брат. Нам нужно уходить, но я не смогу вынести тебя отсюда, даже при помощи левитации.

Хиз некоторое время смотрел на нее и вдруг прошептал:

— Ты вся светишься ... изнутри. Такая красивая ... Это место как-то влияет на тебя: из твоих рук струится тепло и животворная сила. Кто ты, Илламэль Ивитт? Зачем же ты пришла в этот мир, как не вернуть ему былое светлое величие? Подчинись зову богини, стань ее воплощением на земле. Изгони Мрак обратно в Хаос и дай людям свободу ...

Илла с удивлением смотрела на Хиза, а он все говорил и говорил ... странные и такие не правильные слова. Его глаза лихорадочно блестели, но лицо все больше бледнело, голос становился все тише и тише.

Илламэль вдруг с ужасом поняла, что он умирает, а его голосом говорит кто-то другой, уже завладевавший его телом и душой. Из него выкачивают жизненную силу, и он превращается в подчиненный чужой воле призрак.

— Что ты делаешь?! — в отчаянии закричала Илламэль. — Верни его!

— Войди в храм.

Илламэль схватилась за свое горло: от страха и безысходности ей не хватало воздуха, словно ее душили. Неожиданно пальцы нащупали под одеждой кулон, подаренный ей Шангом. Она лихорадочно просунула руку между складками плаща и платья, с надеждой сжала изумруд. Если Шанг услышит и поймет, где они находятся — у них будет шанс выбраться отсюда живыми. То, что некромант решил убить ее, Илламэль почему-то не

сомневалась.

— Хорошо, я войду в храм Света, некромант. Но взамен ты вернешь моему названному брату жизнь. Пусть у меня осталось совсем немного времени, но перед смертью я хочу узнать свою тайну.

— Так-то лучше! — довольно воскликнул голос. — Иди за посвященными, они приведут тебя к алтарю.

— Сначала ты выполнишь мое условие. Хиз должен жить. Это обмен: его жизнь на мою.

Голос засмеялся, неприятно, жестоко, скрипуче:

— Ты моя повелительница: слушаю и повинуюсь.

И в тот же миг Хиз расслабился и затих на занесенном снегом постаменте у ног колоссальной статуи. На его лицо начал медленно возвращаться румянец.

— Как символично: послушница богини Света и Любви жертвует собой ради чужой жизни. Иди, дитя, — тебя ждет бессмертие.

Илламэль осторожно опустила голову Хиза на камень и поднялась.

— Илла, не смей! — прохрипел Хиз.

— Все будет хорошо, — улыбнулась ему девушка и медленно сошла с пьедестала. — Куда идти, показывайте.

Храмовники поднялись на ноги и выстроились в две шеренги. Илламэль оказалась между ними.

Вход в подземелье, оказался не под одной из колонн, как думала Илламэль поначалу. Ее провели через весь зал к дальнему краю открытого всем ветрам зала, неспешно сошли по широкой и длинной лестнице в другой храмовый зал, который в отличие от первого был с крышей, и в нем почти не было разрушений. К тому же здесь уже был наведен некоторый порядок. В центре зала в лучах полуденного солнца, пробивающегося сквозь круглые отверстия в потолке, застекленные увеличительными искрящимися стеклами, зиял широкий провал в подземелье.

Послушники медленно приблизились к спуску, и Илламэль увидела винтообразную каменную лестницу, залитую лучами света. Она сияла искорками золота, вкрапленного в породу, что делало ее необыкновенно красивой и таинственной.

— Куда ведет эта лестница? Там глубоко?

Илламэль задавала вопросы в надежде, что это поможет Шангу и Хизу найти ее.

— Это лестница, по которой ходили тысячи лет назад только избранные жрицы. Ты возродишь эту традицию.

— Так здесь жили жрицы Светлой богини?

— Невинные весталки. Одна из них становилась верховной жрицей и воплощением богини на земле. Ей поклонялись тысячи паломников. Она одаривала прихожан любовью, здоровьем, счастьем семейной жизни. Давала женщинам возможность иметь детей. Разве это не стоит того, чтобы вернуть Свету былое могущество?

А что дали этому миру выходцы из Хаоса? Смерть и порабощение.

— Не имеет значения, к какой религии или культу относится то или иное учение, если оно несет страдания и рабство. И при прежней жизни люди не были свободны, — возразила Илламэль. — Жрецы Света держали людей не в меньшем повиновении, чем Темные. Человеческие жертвоприношения, кровавые обряды, которые проводились в храмах Света. А Темные разве так делают? Нет. Закон, мир и свобода — вот главные правила, которыми

руководствуются Темные лорды. А при желании и сейчас можно найти тех, кто поможет в семейной жизни и деторождении не хуже чем при культе Света. При вашей же власти люди были приравнены к пыли у ног правителей. Все ваши молитвы и воззвания основаны на унижении и смиренной покорности личности.

— Власть и сила лежат в основе правления темных выходцев из Хаоса. Люди подчинены им полностью.

— Не в меньшей степени, чем при вас. Хаос — прародина всего мироздания. Не стоит приписывать Темным только отрицательные черты. И в сумерках порой рождается истина. У них есть то, чего никогда не было у вас — уважение к простому человеку.

Но хватить пустой философии. Я хотела бы знать другое: вы были уверены, что я сама сюда приду?

— Много раз я пытался выкрасть тебя, но у меня ничего не получалось. Тогда я решил подбросить тебе идею и, зная, как ты любопытна и настырна, подумал, что ты сама придешь сюда, чтобы во всем разобраться. Я оказался прав — ты заглотила наживку.

Лестница окончилась в большом подземном храме. Через отверстия в своде на алтарь, выточенный из единого янтарного кристалла, падали косые солнечные лучи, отчего он просвечивался насквозь.

К своему удивлению и ужасу Илламэль увидела на алтаре маленькую, не больше двух-трех месяцев девочку. Не смотря на то, что было холодно, она была полностью раздета. Ребенок спал и улыбался во сне. Казалось, холод девочку совершенно не тревожил. Вокруг ее розового пухлого тельца в лучах солнца сверкали гранями четыре драгоценных камня: темно-красный гранат, насыщенно-синий сапфир, желто-золотой циркон и ярко-зеленый изумруд. От камней лучами, излучающими цвета камней, поднимались тонкие светящиеся всполохами нити. Они сходились над ребенком подобием шатра.

— Ты убьешь ребенка?! — возмутилась Илламэль.

Резкий хохот разнесся по пустынному залу, прокатился гулким эхом по многочисленным проходам, отходящим от него темными змеями-ходами.

— Нет, жрица. Сегодня умрет только твое тело, а душа переселится в ту, которая возродит Свет. Неужели ты думала, что я стану возиться с тобой, такой неуправляемой и дерзкой, что даже темные лорды, не могут найти на тебя управы? Нет, нет и нет! Это дитя станет носителем твоей бессмертной души. Она примет в себя всю твою силу и знания. Я воспитаю ее, и она будет послушна мне как кроткий агнец.

В этот миг посвященные ринулись на не ожидавшую нападения Илламэль. В один миг с нее была сорвана вся одежда, а ее вдруг подхватил поток магического вихря. Через секунду Илламэль была пригвождена к круглому щиту, на котором было изображено солнце с отходящими от него лучами.

Щит медленно поднялся над алтарем, опрокинулся, и Илла нависла над спящим ребенком.

«Рен, если хочешь застать меня живой, тебе стоит поторопиться», — мысленно взмолилась Илламэль.

И словно отвечая ее мыслям, наверху раздались звуки какой-то борьбы. Стоны и всхлипы. Звуки падающих тел и злобное шипение. А еще яростное рычание и визг пробивающегося к ней Лира.

— Илламэль, ты там как? — голос Гуррэна был напряженным, но звенящим каким-то необъяснимым восторгом.

— В порядке ... пока, — проговорила Илламэль, — но не думаю, что у меня много времени.

— Эй ты, некромант шелудивый, девушка не принесет пользы, если убьешь ее! Камень на помолвочном перстне стал алым. Тебе, надеюсь, известно, что это значит?

Теперь голос Гуррэна звучал уже гораздо ближе.

— Мне-то известно, — прокричал голос некроманта, — а тебе, похоже, нет. Алый камень для лично нее ничего не значит — он стал бы таковым в любом помолвочном перстне. Она жрица богини любви. Любовь к мужчине для нее не столько истинна, сколько высшая истина. Это заложено в ней от природы. Много веков я изучал ее путь, пока не понял это.

И в этот момент с лестницы скатился Гуррэн Шанг. За ним по пятам неслась целая свора каких-то немыслимых существ. Но он словно не замечал этого. Охватив одним взглядом картину в целом, Гуррэн задержался на секунду на лице Илламэль. Она не могла пошевелиться, лишь слегка повернула голову и увидела его тревогу, скрываемую за внешним спокойствием.

— Потерпи, милая, — пообещал он, и в тот же миг легкое покрывало окутало ее тело, скрывая от взоров мужчин.

Все это не заняло у Шанга и четверти минуты.

— Хиз? — спросила Илламэль.

— Он в порядке ... пока мы не выбрались отсюда. Потом он будет иметь дело со мной лично, — пообещал Шанг и обернулся к своим преследователям, его мечи ураганом обрушились на головы и уродливые тела чудовищ, которые приблизились слишком близко. — Не волнуйся: сейчас все кончится.

Илламэль никогда не видела столь ужасных и внушительно-опасных созданий, которые уже окружили Шанга. Она даже представить себе не могла, что на земле водятся такие уродливые и страшные животные. Они рвались к лорду, не замечая убитых собратьев свалившихся к ногам Темного после его первой атаки. Их как будто их подстегивала чья-то злая воля. Звери снова и снова бросались на Гуррэна с неистовой яростью, с рыком, воем и кровавой пеной на оскаленных клыках.

... Их было четверо, тех, кто еще остался в живых и подбирался к Шангу через рассеченные тела убитых. Через миг их стало двое. Илла даже не заметила, как мечи пронзили их огромные тела — только яркий росчерк двух клинков и все. Противный и резкий запах разрубленных тел, заросших вонючим мехом и смешанный с их кровью, расплзался по всему храму.

Два других зверя, получив простор для действий, медленно двинулись на лорда с двух сторон. Илламэль задержала дыхание, следя за битвой. Храмовники по-прежнему стояли не шелохнувшись, опустив головы и вложив руки в широкие рукава белых хламид.

Лорд слегка отклонился вправо и тут же, не глядя, ударил мечом — зверь упал, пытаясь лапами зажать распоротый живот. Но на Шанга тут же бросился второй, лорд вскинул ему навстречу другой меч — зверь напоролся на него сам.

— Вот видишь, моя хорошая, ничего страшного, а ты боялась! — весело воскликнул Шанг, но Илла видела, что он по-прежнему встревожен. Сверху доносились звуки сражения: там тоже кто-то бился с неизвестным ей противником. — Потерпи еще минутку и будем выбираться отсюда.

— Не думаю, что ее путь продолжится в этом мире, — возразил Шангу некромант. —

Во всяком случае, не в этом теле.

— Это мы еще посмотрим, — проговорил Гуррэн Шанг и сделал пару шагов к алтарю.

— Всем в круг, — спокойно приказал голос стоявшим без движения храмовникам, для ритуала мне нужна абсолютная тишина.

И в тот же миг двенадцать последователей некроманта сбросили с себя белые хламиды и оказались вооруженными, одетыми в легкие сверкающие на солнце доспехи воинами. Слаженно, в один шаг, они окружили алтарь и, выставив в стороны руки, замкнули круг, соприкоснувшись лезвиями магических мечей.

— А здесь весело, как я посмотрю!

Рьянн Толли появился у подножия лестницы неожиданно. Он вышел из потока темного вихря.

— Илламэль, любовь моя, когда же ты поймешь, наконец, что старших нужно слушаться? Но об этом мы поговорим позже, сейчас же закрой глаза, детка, тебе не следует видеть, то, что здесь будет происходить.

Илламэль только тяжело вздохнула: теперь она не боялась некроманта. Верила — лорды ее спасут. Но Илла понимала, что ей еще предстоит с Рьянном Толли тяжелый разговор ... а она не была к нему готова. В глубине души она робела перед этим лордом. Он подавлял ее своей мощью, страстью, напором. Илламэль не имела сил ему сопротивляться. Вернувшись из Хаоса, лорд стал намного сильнее и ... опасней. Она это чувствовала и от этого страшилась еще больше.

Илламэль послушно закрыла глаза и опустила голову.

В подземном храме вдруг стало намного холоднее и почти темно, как будто на солнце набежала тучка. Илла невольно порадовалась легкому, но теплomu покрывалу, которое укутывало ее словно кокон. Ей было неудобно висеть, опрокинувшись над алтарем, но, видимо, лорды еще не могли разрушить заклинание некроманта и опустить ее на землю.

В следующий момент она поняла, что ошибалась: ее не отпустили из других соображений.

Рев подобный стаду бешеных быков раздался в храме и, отскакивая от его стен, понесся по тоннелям, вырвался через отверстия наружу. Илла невольно открыла глаза и чуть не потеряла от страха сознание: два огромных демона, извергая огонь, стояли посреди храма. Их головы почти касались высокого потолка, руки бугрились мышцами, темно-коричневая кожа алела огненными рунами. Головы венчали загнутые рога. Было похоже на то, что сбылись ее самые жуткие кошмары. Таких демонов она видела когда-то давно в закрытых помещениях монастыря. С тех пор она не могла переносить даже напоминания об этих выходцах из Хаоса, настолько сильно было ее детское потрясение. Она, конечно, уже знала, что темные лорды демоны ... но в тайне надеялась что никогда не увидит этому подтверждения.

Храмовники по сравнению с огромными монстрами казались карликами, которые не могли оказать им достойного отпора. Но из темных тоннелей уже надвигался грохот другой опасности, виновника которой ей не суждено было увидеть.

Тишина навалилась и оглушила ее. Все померкло, окутавшись непроницаемым мраком. Только алтарь светился лучами четырех камней. Покрывало упало куда-то в сторону, сметенное дуновением ледяного ветра. А ребенок вдруг открыл глаза.

Илламэль едва не задохнулась от нового ужаса: на нее смотрел сам мрак, струившийся из огромных черных глаз девочки.

Так вот что задумал некромант: он решил поместить ее душу в существо, пришедшее из-за Грани. У этого создания и разума-то толком не было. Такой раб не станет проблемой для хозяина и выполнит все, что он прикажет, даже не смотря на то, что будет носителем чужой души.

Но почему?! Зачем она нужна некроманту?! Не только же потому, что она, судя по всему, была в прошлой жизни жрицей Светлой Богини?

Что в ней такого особенного, раз столь могущественные и сильные мира сего бьются за нее насмерть?

Эта тайна еще ждет своей разгадки, и Илламэль должна все узнать ... а для этого она должна выжить. Любой ценой.

Как только она осознала это, откуда-то из глубин ее сознания выплыло воспоминание. Поначалу это знание было неясным и туманным: на самом краешке смутного понимания. Но потом оно обрело четкие границы, и Илламэль не стала заикливаться, откуда она знает, что нужно делать — сейчас было не до копаний в себе.

Заклинание противодействия она начала шептать одновременно с некромантом, читающим глухим загробным голосом формулу перемещения душ.

Некромант только раздраженно зашипел, когда понял, что она делает, но не прекратил читать. Он возвысил голос, стараясь сбить ее с ритма — заклинания нужно читать по определенным правилам.

Илламэль не сдалась и тоже возвысила голос. В итоге они почти кричали каждый свои слова. Илламэль чувствовала, что сила некроманта на каком-то этапе стала перевешивать и ее разум затуманился. Она даже увидела легкую белесую дымку, вырвавшуюся из ее обнаженной груди. А ребенок, словно только этого и ждал, он с готовностью раскрыл рот, чтобы душе было легче проскользнуть в его жаждущее теплой живой души тело. На секунду девушка запаниковала и сбилась, но тут же взяла себя в руки — ей еще рано умирать.

Все ее непреодолимое и острое желание выжить вплелось в слова контрзаклятия. Она не отрывала глаз от жуткого существа с жадностью причмокивающего синими губами в надежде разжиться чужой душой. Оно хотело стать почти равноправным тем, кто жил в этом мире. И стремилось сделать это за счет ее души и жизненной силы.

Илламэль с ненавистью уставилась на маленькое чудовище, в нетерпении дергающее руками и ногами на янтарном алтаре.

«Хочешь забрать мою душу? Тогда попробуй — отними!»

Эти мысли, и злость вдруг придали Илламэль силы и решительности. Она закрыла глаза, отрезая себя от страшного зрелища, и сосредоточилась на своих чувствах и словах. Сразу же стало легче. Она неожиданно поняла, что мощь ее заклинания возросла в несколько раз. Уже не было холодящего ноющего болью ощущения в области груди. Теплое и сильное сердце больше не давало сбоя.

Илламэль с утроенной силой вливала в заклинание стремление к жизни, и это придало ее словам дополнительную магическую энергию.

Некромант вновь зашипел словно змея.

И вдруг все кончилось. Илламэль почувствовала, как чужая воля соскользнула с ее обнаженного тела как разрубленные путы. Следующий вздох дался легко и свободно.

Илламэль упала вниз лицом ... в сильные и надежные руки. Ее тут же окутали теплым коконом покрывала и прижали к широкой груди.

Но девушка боялась открыть глаза. Ей вдруг стало страшно: вдруг вместо Шанга она

увидит все того же демона, пылающего огнем?

— Радость моя, открой глаза, — тихий человеческий голос принес облегчение. Она открыла глаза, чтобы встретиться с ласковым и немного встревоженным взглядом ярко-зеленых глаз. — С тобой все хорошо?

— Не знаю, — честно призналась девушка. — Некромант?

— Ее волнует некромант! — неестественно веселый, но слегка раздраженный голос Толли разорвал уютную тишину, наполнившую подземный храм. — А о своем женихе, почти муже даже не заикнулась. Где справедливость, любовь моя?!

Илламэль сжалась в руках Шанга: ей совсем не хотелось оставаться наедине с Рьянном. Но он, судя по всему, по какой-то невероятной причине не отказался от мысли соединить их судьбы.

— Иди ко мне, — Толли шагнул к Шангу, протягивая руки в готовности забрать ее. — Сейчас отправимся домой ... я приготовил для тебя чудесный замок. На берегу океана. Ведь ты любишь смотреть на закат?

Илламэль затравленно посмотрела в глаза Шангу. И он все понял ... в следующий миг она оказалась в своей квартире в квартале гномов. К огромному облегчению она была одна.

Илламэль тут же сбросила с себя покрывало и бросилась одеваться. Ее сильно волновало, что случилось с Хизом. Она помнила угрозы лордов наказать его за самоуправство. Илла была не меньше гнома виновата во всей этой истории. Возможно, даже в большей степени, так как это она затащила его в долину Светлых Богов.

Неожиданный вежливый стук в двери спальни заставил ее сердце пропустить удар. Неужели Толли пришел требовать от нее объяснений? Только не это!

Но так она скорее узнает, что случилось с названным братом.

Вздохнув, Илламэль пригладила руками растрепавшиеся волосы, боязливо вжала голову в плечи и вышла в гостиную.

Темный лорд стоял у окна и смотрел на океан.

Илламэль остановилась у порога спальни.

Толли медленно повернулся и молча посмотрел на нее. В его глазах можно было прочесть столько сильных эмоций: едва сдерживаемый гнев, ревность ... страх и нерешительность.

Илла и сама не понимала, откуда узнала, что сейчас испытывает темный лорд, но чувствовала — она все верно поняла.

— Илламэль, — глухой голос не передавал и сотой доли того, что сейчас переживал Рьянн, — я понимаю твоё нежелание видаться со мной. Я доставил тебе столько неприятных минут. Но, поверь: я последний кто хочет тебе зла. Если для тебя так важно, я могу ждать столько, сколько ты захочешь. Окончи академию, сделай карьеру ... я не против. Только не отвергай меня. — Дрогнувший голос показал Илламэль как волнуется непревзойденный, могущественный темный лорд. — Я сделал много ошибок в прошлом и настоящем ... я не понимал ... хотел сделать все так, как считал нужным. Но, видимо, ты не из тех, кто станет покоряться чужой силе и воле. Это я сегодня уяснил в полной мере — так противостоять сильнейшему некроманту может только очень целеустремленная и цельная натура.

Если можешь, прости меня. Я знаю, что прошу о почти невозможном, но ... я люблю тебя. Я не представляю, что снова потеряю тебя. Это невыносимо.

Лорд замолчал в ожидании ее ответа. Илламэль опустила голову. Она не знала как сказать Рьянну, что больше не испытывает к нему никаких нежных чувств. Остался только

страх и неприятие. Она понимала, что больше никогда не ответит ему взаимностью. Но как же трудно было произнести эти жестокие слова. У нее в горле словно огромный ком застрял.

Илламэль с трудом сглотнула и подняла на Рьянна Толли печальный взгляд. Он все понял без слов. Грустная улыбка едва тронула его красивые твердые губы.

— Я снова собственными руками похоронил свое счастье ... а оно опять было так возможно.

Плечи Рьянна опустились, как будто на них упала непомерная тяжесть. Он шагнул к двери, но Илламэль окликнула его:

— Лорд Толли, я могу попросить вас ... не наказывайте Хиза. Это была моя идея. Я буквально заставила его, пригрозив отправиться в храм в одиночку. Он просто не мог отпустить меня одну.

Губы Толли едва заметно дрогнули в горькой усмешке, а в следующий момент он исчез, оставив после себя терпкий запах мужского парфюма и горечь неразделенной любви.

Глава 16

— Давай, Анса, поднимайся, — Илла схватила полурослицу за руку, — еще немного! Ну, же. Река уже видна.

Анса с трудом поднялась на ноги. Но им тут же пришлось броситься под прикрытие обломка скалы.

— Вот, Мрак, заметили, — прошипела Илла.

— Не думаю, — просипела в изнеможении Анса. — Посмотри на браслет.

Илламэль бросила взгляд на массивный обруч, плотно обхватывающий ее запястье: черные квадратики не появились, красные по-прежнему составляли однотонную мозаику зачетки.

— Хорошо, — приглушенно проговорила Илла, наблюдая, как над ними пролетели два ящера. — Пошли.

Девушки пригнулись и бросились вперед, петляя среди каменных глыб. До реки оставалось совсем немного. Если доберутся — сессия будет закрыта.

Учебный год выдался напряженным. Но Илле так было легче. Она старалась забыть все, что касалось двух темных лордов Империи, решив раз и навсегда прервать общение с ними. Она не хотела вставать между Рьянном и Гуррэном и разрушать их давнюю дружбу. А еще она понимала — сейчас, когда император болен, только эти два лорда и способны спасти Империю от катастрофы. И вносить еще больший раздор в их отношения она не имела никакого права.

В результате, Илла стала одной из лучших учениц факультета и самой тренированной из представителей слабосильных рас, обучающихся в Академии. Ведь не могли же люди, полурослики или лесные расы соперничать в силе с орками, нагами и зверлингами.

Когда до берега оставалось всего с полсотни метров навстречу девушкам как из-под земли выскочили два огромных пса. Они были ростом не меньше лошади. Черная и серая бестии неслись на них с двух сторон, открыв пасти и выставив острые клыки размером не меньше кинжала.

— Прячь оружие! — закричала Илламэль Ансе. — Живо! И замри. Не смотри им в глаза.

Анса нажала на кнопку поясного манипулятора, все оружие тут же сжалось и исчезло.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — прошипела Анса, глядя, как стремительно приближаются собаки.

Огромные твари резко затормозили всего в двух шагах от застывших студенток. Вытянув шеи, принялись и подошли еще ближе, практически уткнувшись носами в головы девушек.

Потом громко фыркнув, отступили назад, но не ушли. Илламэль осторожно потянула Ансу за руку и они, наблюдая боковым зрением за монстрами, медленно двинулись к последнему рубежу полосы препятствий.

Псы развернулись и потрусили рядом, словно стражи.

«Дорогая моя подружка, не волнуйся за меня. Я решила на все каникулы отправиться в путешествие. Куда поеду еще не решила, но вернусь осенью и поделюсь с тобой впечатлениями. Обещаю.

Прости, что не предупредила заранее — ты бы не отпустила.

Люблю тебя. Илламэль».

Лорд Толли со злостью отшвырнул записку. Ни один поисковик не смог взять след Илламэль. Как ей удалось обмануть охраны?

— Ты забыл, где она учится, — проговорил Шанг.

— Это материал пятого курса. Она не могла знать.

— Ей было нужно — она узнала. Разве ты еще не понял, что ее невозможно удержать силой?

— Зато ты ее прекрасно понимаешь, — прошипел раздраженно Рьянн.

— Поэтому и не удивлен, — спокойно парировал Гуррэн.

Рьянн взбешенно взглянул на Шанга и вылетел, громко хлопнув дверью кабинета главы внешней безопасности Империи.

Как только он скрылся, вся невозмутимость слетела с лица Шанга. Он вскочил со стула и стремительно вышел в соседнюю комнату. Там его ждали два сыщика из расы Бесформенных. Сейчас они выглядели как люди.

— Перекрыть порталы и дороги. Допросить извозчиков — до единого. Наземных, воздушных. Служащих порталных станций. Всех! Перерыть Империю сверху донизу, не чтобы через сутки она была найдена. Выполнять!

Тела бесформенных потускнели, расплылись и исчезли. Лорд Шанг подошел к столу, уперся в него руками и опустил голову. Ему было трудно дышать. Невольный стон вырвался из горла.

Они с Рьянном не смогли поймать некроманта — ему удалось уйти. Эта тварь подстраховалась и управляла всем процессом дистанционно. Из какого-то тайного убежища. Илламэль об этом не сказали — не хотели, чтобы она боялась. Как же они ошиблись: с тех пор на Иллу было совершено четыре новых покушений.

Четыре!

А Илламэль этого не знала.

После того как они с Рьянном уничтожили логово некроманта, разобрав храм буквально по камешку, Илламэль ни разу не выразила желания встретиться с ними. Рэн несколько раз пытался поговорить с девушкой, но она неизменно отклоняла его попытки встретиться. И он

больше не настаивал, понимая, что Илламэль должна сама решить, как быть дальше.

Но он не отступился и ждал ... и Рьянн ждал ... вопреки всему. И даже не снял с ее пальца невидимого помолвочного кольца.

Теплая вода лесного озера ласково держала в объятиях тело Илламэль. Она лежала на спине и бездумно смотрела в небо. Глубокая бездонная синь — ни облачка, ни птицы.

Илла сделала вывод из жестокого урока и всю зиму училась плавать в академическом бассейне. Так что теперь она могла посоревноваться в заплыве наперегонки.

Илла улыбнулась, вспомнив первый урок по плаванию, преподанный ей Зоэлль.

«Надеюсь, демонесса не оторвет мне голову, когда я вернусь», — подумала она, лениво пошевелив руками под водой и направляя себя к берегу.

...

— Итак, у нас два месяца, чтобы разобраться во всем этом деле, — тетушка Ми выложила перед Иллой несколько папок. — Этот монастырь ордена Спасения был основан сразу же после возникновения Империи. Он самый старый из всех ныне существующих. Расположен в глубине заповедного леса, который тянется далеко за границы страны. Другие стоят намного ближе к столице и цивилизации.

— И отсюда вопрос: как могла оказаться здесь девочка, если ее нашли на ступенях церкви в другом конце Империи? По пути сюда стоит не меньше десятка других монастырей. Зачем было привозить меня сюда?

— Я раздобыла архивные списки сирот-воспитанниц за все время существования замка. И вот что интересно, — тетушка открыла одну из папок. — Мне удалось найти два снимка почти одинаковых медальонов, которые были на младенцах. — Посмотри вот сюда, — она указала на один из них. На нем было изображение позеленевшего от времени медальона в закрытом и открытом виде. На внутренней стороне крышки было нацарапано имя «Тил Мэлли Иви». — Теперь обрати внимание на имя второй настоятельницы этого монастыря.

Илла взглянула на список: Тил Мэлли Иви.

— Это ее медальон.

Тетушка Ми внимательно всмотрелась в лицо удивленной девушки.

— И что все это значит? Она жила несколько тысяч лет назад. Еще во времена завоевания Темными этого мира, — удивленно спросила Илламэль, но ее голос дрожал от осознания что она, возможно, находится на верном пути к раскрытию тайны своего рождения.

— Да, но она тоже сирота и ее тоже нашли на ступенях церкви. Тебя это не удивляет? Теперь посмотрим вот эту папку, — тетушка Ми открыла еще одну, самую объемную из всех. — Титла Мэлли Иви — три тысячи лет назад была известной поэтессой. Илва Тит Эмилль — жила две тысячи лет назад. Знаменитая целительница, остановившая мор среди долинных рас. Альва Титвилль — певица ...

— Мэльлита Ливит — танцовщица! Илламэль Ивитт ... неизвестно кто.

Голос Илламэль дрожал от волнения.

— Анаграммы одного и того же имени.

Тетушка Ми посмотрела на бледное лицо Иллы.

— Лорды Шанг и Толли тоже искали твои корни. Каждый по отдельности, но этого они

не смогли достать, — тетушка хлопнула ладонью по стопке папок.

— Почему?

— Потому, что мне пока неизвестно, для чего им это нужно. Когда ты написала о том, что они проявили к тебе такой странный интерес, я начала искать. И слава Светлой Богине мне удалось найти эти бумаги, прежде чем они догадались применить запрещенный способ.

— Какой?

— Они не использовали кровь.

— А...а откуда у вас моя кровь?

— Не твоя, — успокоила ее тетушка. — В архивном банке Империи есть образец крови Мэльлиты Ливит. Когда я начала подозревать твою вероятную связь с этой женщиной — использовала ее кровь для поиска.

Илламэль с удивлением посмотрела на тетушку Ми. Вопрос, давно мучавший Илламэль, вырвался помимо ее воли.

— Я когда-нибудь узнаю, кто вы такая?

Тетушка засмеялась и коснулась материнским поцелуем макушки девушки.

— Когда-нибудь ты это узнаешь. Непременно. Но сейчас важнее найти истоки твоей истории. Поверь, это намного любопытнее, чем копаться в прошлом старой никому не интересной женщины.

Илламэль могла с этим поспорить. Она вздохнула и снова принялась изучать биографии женщин каким-то невероятным образом связанных с ней. Их было больше десятка. И все они пришли из неизвестности. Почти все оказались выдающимися личностями, прославленными во времена своей жизни ... и жизнь каждой из них окончилась неожиданно и трагически ...

Илламэль невольно сжалась от мысли, что и ее ждет такая участь. Не найдя в себе силы побороть в себе гнетущее чувство тревоги она все же не хотела останавливаться и стала внимательно рассматривать изображения медальонов.

— Узор! — вдруг вскрикнула Илламэль. — Я где-то уже видела точно такой же. Не помню. — Она закрыла глаза и сжала виски. — С ним связано что-то очень плохое и страшное. Сейчас-сейчас.

Перед мысленным взором Илламэль вдруг открылся темный коридор. Тусклые магические светильники едва разгоняют тьму. Ее маленькое сердечко бешено колотится в груди и грозит сломать ребра. Она, пятилетняя, прячется в какой-то нише и прислушивается к ужасающим звукам, которые доносятся из-за приоткрытой окованной железными полосами двери.

Девочке хочется бежать из запретной зоны замка без оглядки, но ноги предательски дрожат и словно приросли к каменному полу.

Она в страхе вжимается в дальнюю наиболее затемненную стену ниши и замирает. А в дальнем конце коридора слышатся чьи-то шаги. В ее сторону кто-то идет. И она понимает, что это неизвестный огромный и страшный. Отблески факела отбрасывают на древние стены алые всполохи. Через минуту мимо ее убежища прошагал гигантский демон. Свет, который Илла поначалу приняла за факельные отблески, исходит от светящихся на его темном теле рун. Глаза монстра сияют красными углями. Ноздри с шумом втягивают воздух, как будто демон принюхивался. Вдруг он остановился и вернулся на несколько шагов назад ... повернул голову в сторону Илламэль ...

Последнее, что запомнила девочка, были странные знаки, вырубленные в камне прямо перед ее лицом. Они стали видны только благодаря игре света исходящего от сияния рун на

теле чудовища.

— Это в монастыре, — прошептала девушка, — в запретной зоне.

— Ты уверена? — голос тетушки на этот раз излучал тревогу, не свойственную ей прежде.

— Абсолютно. И я ... мне нужно туда вернуться ...

— Нет! Одна ты туда не сунешься!

— Вы не понимаете: я не могу рисковать кем-то из своих друзей. Хватит и одного раза.

Хиз уже едва не погиб из-за меня.

— Илламэль, что если ты снова попадешь в передрагу? Ты понимаешь, что если будешь одна, то на помощь никто не придет? Это опасно, я не могу позволить тебе так рисковать.

— Тетушка, у меня есть кристалл вызова, — не согласилась с ней девушка. — Поверьте: я не настолько безрассудна, чтобы по-глупому подставлять свою голову под удар. Если будет опасно, я не постесняюсь вызвать помощь. Но одной легче проникнуть в запретную зону... И я не хочу чтобы кто-то знал обо мне больше, чем нужно. Это моя тайна и я должна сама разобраться во всем, прежде чем открывать ее другим.

Тетушка вздохнула и через некоторое время кивнула:

— Но ты обещаешь, если станет совсем плохо, то ты вызовешь Хиза или Марэта?

— Обещаю, — твердо заверила ее Илламэль.

Ночь опустилась на лес, и черная громада монастыря четко вырисовывалась на фоне звездного неба.

Илламэль беззвучно юркнула в тайный пролом стены, словно была заправским вором или шпионом и такие дела были ей не в новинку. Но ее сердце билось неровно то, замирая, то несясь вскачь как необъезженный шейр.

Прокравшись к восточной запретной зоне замка, Илламэль на мгновение усомнилась в своем решении, но тут же отбросила нерешительность. Ведь только так она сможет наконец-то узнать свою тайну и решить, как жить дальше.

Она невольно вспомнила зеленые пронизательные глаза Гуррэна. Как же она может смотреть в них, не зная, кто она такая? Как принять любовь лорда, если ее сердце замирает от осознания своей неполноценности и ущербности? Рядом с лордом такого высокого ранга не может находиться нищая и безродная сирота. Илламэль должна разобраться во всем, прежде чем решить, как ей быть дальше. В глубине души она надеялась, что, возможно, сегодня ей откроется некая тайна, которая позволит ей быть счастливой.

Илламэль больше не сомневалась в своих чувствах: она любила Рэна. Но ... не сомневалась и в том, что не достойна его любви. Она никогда не решится ответить ему, потому что не равня столь высокородному Темному.

Поэтому в том, что она так рисковала, была отчаянная попытка отстоять свое право на счастье.

Илламэль вздохнула поглубже, и, ухватившись за каменный подоконник, взобралась на него. Хвала мастеру Ааппо Иру за то, что беспощадно гонял первокурсников — теперь она, если понадобится, и на стену влезет без применения магии. А ведь именно на нее и настроена защита монастыря.

Илламэль достала из рюкзака склянку и намазала густым слоем меда стекло.

Приложила к нему кусок полотна и осторожно ударила камнем. Послышался тихий звон — кусочки стекла прилипли к ткани. Илламэль опасливо просунула руку в проем и нащупала щеколду. Минута и взломщица спрыгнула на каменные плиты коридора, погруженного в темноту.

Ее темный комбинезон и мягкая обувь позволяли передвигаться совершенно беззвучно и незаметно.

Через несколько минут Илламэль уже пробиралась по извилистым проходам замка. В отличие от памятного и страшного случая из ее детства сейчас теперь в запретной зоне монастыря стояла полная тишина. За многочисленными дверями не было слышно завываний и стонов. Никто из страшных монстров не ходил по коридорам и не патрулировал их.

Но все же ей несколько раз пришлось замереть или спешно прятаться в темных нишах, вырубленных в стенах. Илламэль всегда удивлялась такому количеству бесполезных по сути карманов, которые встречались на каждом шагу во всех коридорах монастыря. Но, возможно, когда-то в них стояли статуи богов или каких-нибудь знатных вельмож.

Девушке приходилось прятаться от магических поисковиков, которые всегда выпускались на ночь для охраны. Такие маячки реагировали на малейшее движение. Взрослые воспитанницы давно научились распознавать приближение этих бездушных стражей. Хотя для маленьких и новеньких они были очень страшными, ведь поисковики имели форму просвечивающихся призраков и появлялись стремительно и внезапно. Такие неожиданные встречи не раз играли злую шутку с неопытными послушницами монастырского правопорядка.

Прошло не меньше часа, прежде чем Илламэль прокралась к нужному коридору. Он снился ей на протяжении многих лет, и девушка никогда бы не спутала его мрачные стены с другими проходами.

Илламэль принялась осматривать каждую нишу в надежде найти ту, в которой пряталась много лет назад. Маленький магический лучик, который она зажгла на ладошке, выхватывал из густой темноты неровные куски каменной кладки и тени плясали немой танец в его лучах.

Наконец в десятой или двадцатой, Илла уже сбилась со счета, нише она различила узор, выбитый в камне. Он был уже почти не распознаваем, и увидеть его удалось лишь при помощи игры света и тени.

Спустя час Илламэль с нарастающим раздражением и унынием смотрела на полустертый знак и не знала, что же делать дальше — все ее попытки хоть как-то воздействовать на него не увенчались успехом. Девушка была в отчаянии. Неужели для активации этого древнего знака нужен медальон? В таком случае ей придется наведаться в архивную комнату. Но там охрана не в пример строже.

Илла вздохнула от безысходности и вдруг со злостью ударила по неподдающемуся орнаменту. Ее опасная затея провалилась. А она-то думала, что стоит только найти эту нишу и прикоснуться к древнему изображению как все будет в порядке. Ведь она точно знала — этот знак не просто так был на ее медальоне. Он точно относился к ней и ее судьбе. Но на что она надеялась? Глупая самонадеянная девчонка. Нужно было все как следует обдумать, прежде чем идти сюда. Теперь, когда окно разбито таким очевидно-воровским способом, охрану усилят и когда еще она сможет снова пробраться сюда неизвестно.

Обращаться к Толли за помощью она не станет в любом случае, потому что знает: он потребует от нее оплаты за услугу. Этот Темный ничего не делает просто так, уж она-то уже

наслышана о его методах. Просить же Марэта или Шанга помочь она не хотела и ... откровенно боялась. Что ждет ее в тайнике никому неизвестно, а рисковать своим и так не слишком завидным положением она не могла.

Илла еще раз с ненавистью посмотрела на знак и снова ударила по шершавому камню. На этот раз удар вышел неудачным: она сильно поцарапала кожу и несколько капель крови окрасили серый камень. От злости и боли на глазах выступили слезы. Но делать нечего. Илламэль поднялась на ноги, собираясь уходить.

И вдруг Илла заметила, что каменная кладка слегка изменилась. Она словно подернулась серой дымкой и стала немного прозрачной. Илла с недоверием уставилась на стену и потрянула головой, словно хотела прояснить сознание. Но нет — ей не показалось: стена все больше теряла свою монолитность. Теперь было очевидно: камень становился прозрачным, а за ним уже просматривалось какое-то помещение.

Через мгновение перед изумленной девушкой открылся проход в комнату. Она настолько отличалась от всего, что ей приходилось видеть раньше, что сердце девушки замерло в предчувствии какой-то надвигающейся беды.

Но отступить Илламэль уже не могла, она зажмурилась и шагнула в проем. Яркий белый свет, ударивший по глазам, был болезненным. Илле пришлось постоять несколько минут, чтобы привыкнуть. Потом она осторожно приоткрыла глаза и едва не зажмурилась снова: квадратная комната с совершенно гладкими блестящими стенами была так ярко освещена, что свет больно резал глаза. И все же Илле удалось рассмотреть прямо перед собой какое-то непонятное устройство: несколько кнопок и сероватый квадрат расположенных прямо в стене.

Илла в нерешительности сделала несколько шагов и остановилась перед непонятным приспособлением. Неожиданно на сером фоне вспыхнуло слово: «Пароль»

Илламэль вздрогнула, но не отступила. Она перевела взгляд на кнопки — на них были буквы.

Какой пароль нужен этому странному аппарату Илла не знала, но ...

«Илламэль Ивитт» — вот что она написала. И в тот же миг в стене открылась дверь, которой до этой минуты не было. В этом Илламэль могла поклясться.

Илла решила, что терять ей больше нечего и смело шагнула в темный проем.

Перед ее изумленным взором открылась невероятная картина: огромный зал был погружен в странный красноватый полумрак и установлен ... стеклянными гробами. В них лежали люди. Много людей. Ряды уходили в темноту. Присмотревшись, Илла с ужасом увидела, что все лежащие в этих странных гробах были женщинами и маленькими девочками.

О, Светлые Боги! Неужели она снова угодила в капкан некроманта? Снова сама влезла в его логово?!

Илла едва не заплакала от осознания своей глупости и самонадеянности. Теперь ей уже точно никто не поможет — услышать ее призыв в этом странном помещении никто не сумеет.

В зале стояла невероятно глубокая тишина. Даже нервное прерывистое дыхание Иллы терялось в нем, словно поглощалось невидимыми жуткими существами. Илла задрожала от ужаса. Ей хотелось бежать отсюда. Бежать без оглядки и не останавливаться до тех пор, пока ноги не ослабнут от усталости, но ... бежать было некуда. Благодаря своей невиданной глупости она попала в смертельную ловушку, из которой выхода не было. Илла поняла это со

всей безысходной очевидностью.

Но и покориться, сдаться на милость этому моральному уроду она не желала. Гнев и ярость полыхнули в сердце и заставили девушку упрямо встряхнуть головой: она будет драться. До последней возможности, до последнего глотка воздуха и лучше умрет, чем станет бездушной марионеткой некроманта.

Илламэль как талисман сжала в кулачке амулет Рэна и поклялась: «Если выживу, сама признаюсь ему в любви».

И в тот же момент в глубокой тишине послышался голос. Конечно с ней опять говорил некромант:

— Войди в следующий зал, девочка, и ничего не бойся. Больше никто не причинит тебе зла. Теперь все зависит только от тебя.

В дальнем конце зала засветился еще один ровный дверной проем. К нему и направилась Илла. Она ни на миг не поверила некроманту, помня его намерение забрать ее душу. Но она была полна решимости до конца бороться за свою жизнь. Если понадобится, она без колебаний лишит некроманта возможности перебросить ее душу маленькому монстру. Для этого у нее припасено одно средство, с которым она с некоторых пор никогда не расстается. Так что у мага в любом случае нет шанса ...

Войдя в следующую комнату, Илла застыла в шоке: прямо перед ней светилось огромное, на всю стену, окно. В этом окне была видна странная комната с какими-то мигающими огоньками приборами, опутанными проводами.

А прямо перед окном лежала девушка с закрытыми глазами. Она была смертельно бледна и недвижима. Только зрачки под тонкими веками были подвижными, но как только Илламэль подошла ближе они замерли, словно та, что лежала по ту сторону стела почувствовала Илламэль.

Илле стало жутко. Она побледнела не меньше незнакомки.

Вдруг в комнату по ту сторону окна кто-то вошел. Их было двое, но Илла не могла их увидеть, она слышала только голоса. Мужской и женский.

— Ну и что же вы решили? — спросил невидимый мужчина. — Игра подошла к концу. Ваша дочь решила эту задачу и пробралась наконец-то в пульт управления. Но ... вы же знаете, что это значит?

— Профессор, если моя девочка выиграла, значит — она жива.

— Она умирает. Ее мозг уже почти не справляется. В этот раз ей пришлось намного сложнее, чем в предыдущих версиях! — не согласился мужчина.

— Но ...

— Поймите же, в конце концов, что там, — мужчина, видимо, указал на окно, потому что Илла вдруг увидела толстый увеличенный в несколько раз мужской палец, — не просто игра. Там мир с вполне реальными и живыми существами. Мы входим в параллельные миры и предоставляем нашим больным жить и решать сложные задачи в надежде, что активная мозговая деятельность переборет мышечную неподвижность и заставит ее функционировать. Обратный процесс. Лечение радикальное и много раз доказавшая свою эффективность. Но в вашем случае мы наблюдаем необратимый процесс. Она умирает здесь и не справляется там. Следующая ее жизнь будет намного хуже — ее сознание будет помещено в монстра, потому что самостоятельно она уже не сможет существовать. Ею будут управлять и не факт, что в благих намерениях. И с каждым разом будет только хуже. Сначала безвольные монстры, потом умертвия и так далее до окончательной деградации. Вы этого хотите для нее?

Сколько раз мы запускали процесс по вашей просьбе? Десятки.

Вы должны, наконец, решиться и отпустить ее. Ваша девочка живет в том мире. Там она живая, здоровая и у нее полноценная настоящая жизнь.

Позвольте нам перебросить ее сознание. Отпустите ее.

В комнате повисла напряженная тишина, а Илла стояла, смотрела на неподвижное лицо незнакомки, и ее постепенно заполнял ужас. Она не могла дышать. Ей не хватало воздуха. Она умирала вместе с той девушкой.

— В конце концов, она может все решить сама. Без вашей помощи. Так дайте ей эту возможность! Не решайте за нее, — вновь проговорил профессор, не дождавшись ответа от матери незнакомки.

— Хорошо, — голос женщины был полон отчаяния и слез.

Она наклонилась к девушке и Илламэль увидела ее — молодую по годам, но состарившуюся от горя женщину.

— Прости, доченька, — прошептала она и прикоснулась губами ко лбу незнакомки. — Прости, моя хорошая. Я больше не вправе решать за тебя. Выбери сама, что ты хочешь. Но знай — мы все любим тебя и никогда не перестанем любить. Прости.

На лицо умирающей упали слезинки, и Илла вдруг дернулась, словно почувствовала их мокрую теплоту. Она подошла ближе и сквозь стекло прикоснулась к волосам женщины. Ей хотелось навсегда запомнить лицо плачущей матери той себя, что неподвижно лежала на постели. Она вдруг чувствовала невероятную боль и тоску. Слезы покатались из ее глаз.

Илламэль внезапно все поняла, осознала и приняла. А женщина словно услышала ее желание, она подняла голову и посмотрела прямо на Илламэль. Ее глаза были полны слез, сожаления и неизбежной муки.

— Если ты сейчас видишь меня, — прошептала она, — знай, мы тоскуем по тебе, но примем любое твоё решение.

Внезапно окно погасло и стало непроницаемо черным. Илла отшатнулась и замерла, потому что перед ней вдруг вспыхнули красные буквы.

«Выход»

«Перезагрузка»

«Продолжить»

В погружившейся в темноту комнате сияли лишь эти три слова. А голос, который прозвучал в полной тишине, она узнала бы и среди огромной кричащей толпы:

— Все в твоих руках, девочка. Я верю: ты справишься ведь у тебя зрячее сердце.

Тетушка Ми!

Эпилог.

Карета, качнувшись, остановилась у парадного подъезда. Илламэль неуверенно взглянула на сидевшую рядом с ней демонессу и смущенно улыбнулась.

— Не дрейфь, прорвемся, — уверенно проговорила Зоэ и выпрыгнула из кареты, приняв, как положено леди помощь от открывшего дверцу лакея.

Илламэль тяжело вздохнула и вышла следом за подругой. Ее сердце бешено колотилось и не хотело слышать ни одного разумного довода. Илла понимала, что ей нечего опасаться — ведь Рьянн теперь стал императором и ему вряд ли по статусу ни кому неизвестная девушка из захолустного монастыря.

Сегодняшний бал и дают в честь его восшествия на престол. Илламэль получила личное приглашение нового императора и не могла ослушаться.

Зоэ встала рядом с подругой и подтолкнула ее локтем:

— Улыбочку! Я не дам тебя в обиду ... даже венценосному брату.

Когда они поднялись по широкой освещенной лестнице и вошли в тронный зал, там уже собрался весь свет Империи.

Рьянн Толли сидел на троне. Величественный и неприступный. Его глаза смотрели прямо перед собой. Казалось, он совершенно не слушает стоявших перед ним подданных, подошедших с поздравлениями.

Рядом с постаментом среди самых высокородных лордов стоял Гуррэн, и на его лице застыла та же напряженная маска.

— Балбесы, — простонала Зоэ. — Великовозрастные титулованные балбесы.

Илла вдруг почувствовала, как подгибаются ее ноги.

— Смелее, я с тобой ... пусть только попробует ...

Зоэ решительно направилась к трону и увлекла за собой Илламэль.

Илла подошла и склонилась в низком реверансе.

Будь ее воля, она ни за что бы, ни появилась на этом балу, но ...

Как только она поднялась, император резко вскинул голову и посмотрел прямо в глаза Илламэль. А она поняла: он ждал ответа ... и не хотел принимать отказа. Илла видела это в его глубоких черных глазах.

Шанг напрягся и сделал к Илламэль крошечный шаг.

Что же ей делать? Как не поссорить друзей? Как заставить Рьянна понять, что она любит другого? Как выдержать?

Илламэль ничего не оставалось, как с немой мольбой и отчаянием посмотреть на своего личного тирана ...

А император вдруг грустно улыбнулся и сказал:

— Я принимаю твой выбор, Илламэль. Ты свободна ... хотя мне бесконечно жаль — ты была бы замечательной императрицей.

В тот же миг на ее пальце проявилось кольцо, которое соскользнуло и поплыло к императору.

Гуррэн сделал к застывшей девушке еще один шаг, и она откликнулась. Потянулась ему навстречу. Рэн подхватил ее под локоть, отвел в сторону и вдруг обнял.

Крепко. Надежно. С бесконечной любовью.

Больше книг на сайте — Knigolub.net